

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.В.Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи
УДК 94 (430) “1517/1555”

Кариков Сергей Анатольевич

**РЕФОРМАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И
ШКОЛЫ В БРАУНШВЕЙГЕ (1517-1555 гг.)**

07.00.02 – всемирная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Голубкин Юрий Алексеевич,
кандидат исторических наук,
доцент

Харьков-2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография и источники	9
1.1. Историографический обзор	9
1.2. Исторические источники	32
1.3. Методология и основные методы исследования	42
Глава 2. От реформы к Реформации: евангелическое движение в Брауншвейге в 1517-1528 гг.	46
2.1. Церкви и школы Брауншвейга в средние века	46
2.2. Раннее евангелическое движение в Брауншвейге (1517-1525 гг.)	60
2.3. Формирование территориальной евангелической церковной организации в Брауншвейге (1526-1528 гг.)	69
Глава 3. Иоганн Бугенхаген: учение и деятельность (1485-1528 гг.)	83
3.1. Начало пути (1485-1520 гг.).....	83
3.2. Деятельность в Виттенберге (1521-1528 гг.)	93
3.3. Участие в Реформации в Брауншвейге (1528 г.).....	117
Глава 4. Брауншвейгский церковный устав 1528 г. и реализация его положений	125
4.1. Евангелическая церковная организация в Брауншвейгском уставе.....	1
4.2. Брауншвейгский церковный устав о евангелических школах ...	135
4.3. Утверждение Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге в конце 1528-1555 гг.	147
Заключение	167
Список использованных источников и литературы	174

Список сокращений	199
--------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Реформация относится к числу важнейших событий истории Германии раннего нового времени. Она привела к расколу Римско-Католической Церкви, которая в средние века являлась не только могущественным феодальным собственником, но и идейным оплотом феодализма. Постепенно Реформация приобрела европейское, а впоследствии – и мировое значение. Она изменила быт и повседневную жизнь многих народов, повлияла на развитие идеологии и общественно-политической мысли, культуры, систему образования.

Одним из главных результатов Реформации в Германии стало формирование независимой от папского Рима Евангелической Церкви, вошедшей в число основных протестантских Церквей. Процесс ее становления, продолжавшийся в течение нескольких десятилетий XVI в., был сложным и противоречивым – вследствие как сопротивления сторонников католицизма, так и расхождений между различными течениями протестантизма. С этим процессом было тесно связано становление новой системы школьного образования, вышедшей из-под влияния Римско-Католической Церкви. И церкви, и школы ставили своей задачей воспитание населения в духе евангелизма. Церкви распространяли влияние Реформации на всех жителей евангелических территорий, а деятельность школ охватывала детей и молодежь. Однако, освободившись от папского Рима, евангелические церкви и школы германских земель не смогли добиться самостоятельности и вплоть до 1918 г. управлялись территориальными светскими властями.

Проблема Реформации сохраняет актуальность до настоящего времени. На протяжении нескольких веков к ней обращаются представители многих научных направлений, отличающихся своей конфессиональной принадлежностью и политической ориентацией. В результате исследования

Реформации учеными различных стран был создан огромный массив литературы. Однако, несмотря на это, до сих пор недостаточно изучено евангелическое движение в разных землях Германии. В отечественной историографии до настоящего времени нет исследований Реформации в отдельных германских регионах, за исключением Саксонии, Тюрингии и некоторых ганзейских городов. В германской историографии таких работ значительно больше, но число трудов комплексного характера, посвященных становлению территориальной евангелической церковной и школьной организации, также невелико. Между тем, на наш взгляд, на современном этапе развития исторической науки необходим переход к более интенсивным и глубоким исследованиям различных аспектов евангелического движения, в том числе – организации церквей и школ. Всесторонняя общая характеристика Реформации в Германии невозможна без работ такого рода.

Наша работа посвящена изучению истории Реформации, создания Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге. В средние века Брауншвейг являлся одним из основных экономических и политических центров Северной Германии, а в эпоху Реформации стал важным центром распространения евангелизма в этом регионе. Формально зависевший от власти Брауншвейгско-Вольфенбюттельской герцогской династии, этот город фактически обладал возможностями для проведения достаточно самостоятельной политики. Такие возможности начали реализовываться во второй половине 20-х гг. XVI в., когда и власти Брауншвейга, и бюргерство выступили в поддержку Реформации вопреки позиции герцога Генриха Младшего.

В Брауншвейгском церковном уставе, написанном Иоганном Бугенхагеном в 1528 г., впервые был решен комплекс вопросов, связанных с организацией и деятельностью территориальной Евангелической Церкви и школы. Окончательное утверждение этих институтов в городе состоялось уже в период поздней Реформации, после вступления Брауншвейга в Шмалькальденский союз и ряда военных столкновений с приверженцами

католицизма. Региональная модель церковной и школьной организации, впервые отраженная в Брауншвейгском уставе 1528 г., впоследствии была реализована не только в Брауншвейге и его округе, но и в некоторых других евангелических территориях. Таким образом, отмеченные выше обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности избранной нами в качестве объекта исследования темы.

Хронологически работа охватывает период с 1517 до 1555 гг. Нижний хронологический предел: 1517 г. – время выступления Мартина Лютера с «95 тезисами», послужившего началом борьбы против власти папского Рима во всей Германии. Верхний хронологический предел: 1555 г. – дата подписания Аугсбургского религиозного мира, который стабилизировал внутреннее положение Германии и позволил утвердить достижения Реформации в ряде ее территорий, в том числе – в Брауншвейге. Вместе с тем автор привлекает материалы по более ранней истории Брауншвейга для более глубокого исследования ситуации в этом городе накануне Реформации.

Объект исследования – Реформация в Германии и формирование территориальной Евангелической Церкви и школы.

Предмет исследования – реформационное движение в Брауншвейге: столкновения между городской администрацией и Церковью, конфликты в среде клира, выступления горожан, их борьба с духовенством Римско-Католической Церкви и территориальными властями Брауншвейгско-Вольфенбюттельского герцогства, утверждение евангелической церковной и школьной организации, а также мировоззрение и деятельность Иоганна Бугенхагена – наиболее выдающегося реформатора церковной и школьной системы Брауншвейга.

Целью работы является изучение истории Реформации в Брауншвейге и преобразования церквей и школ этого города на основах евангелизма. В соответствии с этой целью ставятся такие основные **задачи**:

- дать общую характеристику развития церквей и школ в средневековом Брауншвейге;

- исследовать евангелическое движение в Брауншвейге;
- охарактеризовать взгляды и деятельность Иоганна Бугенхагена – автора Брауншвейгского церковного устава;
- проанализировать содержание Брауншвейгского церковного устава 1528 г. и выявить его особенности по сравнению с более ранними евангелическими уставами;
- проследить развитие Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге с момента принятия устава 1528 г. до завершения Реформации.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые осуществлено комплексное исследование становления территориальной организации Евангелической Церкви и школы Брауншвейга;
- установлено, что выступления горожан и Совета Брауншвейга против духовенства в XIV-XV вв., включая наиболее масштабное столкновение – «войну священников» 1413-1420 гг., – были направлены на устранение отдельных злоупотреблений в сфере финансов и образования и не ставили целью ликвидировать или коренным образом преобразовать католическую церковную организацию и школьную систему;
- раскрыты причины и исследована эволюция ранней Реформации в Брауншвейге от идейно-теоретического к массовому движению бюргерства и плебса города за упразднение католической церковной организации, создание новой евангелической организации и культура;
- на основе изучения событий евангелического движения подвергнута критике существующая в исторической науке периодизация Реформации в Брауншвейге и предложен новый вариант периодизации;
- выяснено, что в период до 1521 г. мировоззрение Иоганна Бугенхагена складывалось под влиянием идей гуманизма и Священного Писания с преобладанием последних, и что в это время его позиция в идейной борьбе в Германии еще не определилась;

- освещена реформаторская деятельность Иоганна Бугенхагена в период его пребывания в Виттенберге и установлено, что в это время он приобрел необходимый опыт для написания евангелических церковных уставов, благодаря многогранности своей деятельности (теолог, проповедник, преподаватель, публицист);

- на основе анализа основных положений Брауншвейгского устава 1528 г. опровергнуто утверждение ряда авторов о независимости от светской власти формировавшейся Евангелической Церкви и установлено, что для преобразования территориальной церковной организации реформаторы активно сотрудничали с городскими властями, в ряде случаев подчиняясь их требованиям;

- определено, что в сфере образования основным результатом принятия Брауншвейгского церковного устава стало создание единой системы городских школ, основными целями которых были воспитание молодежи в духе евангелизма и подготовка выпускников к практической деятельности в условиях раннебуржуазного общества;

- впервые прослежена связь между вступлением Брауншвейга в Шмалькальденский союз и укреплением авторитарных тенденций в организации Евангелической Церкви на территории этого города и округа;

- выяснено, что контроль над деятельностью приходских священнослужителей и учителей высшестоящими церковными и светскими чиновниками в 30-е–50-е гг. XVI в. стал характерной чертой Евангелической Церкви.

Практическое значение диссертации состоит в том, что содержащийся в ней фактический материал, основные положения и выводы могут использоваться при подготовке общих и специальных лекционных курсов по истории Германии, для написания учебников и учебных пособий по истории средневековья и раннего нового времени, работ по истории Реформации, Католической и Евангелическо-Лютеранской Церкви, истории образования.

Апробация результатов исследования была проведена во время обсуждения основных разделов диссертации на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. По теме работы были сделаны доклады на пятнадцати научных конференциях: на конференциях «Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории» (Харьков, 1998 г., 1999 г., 2000 г.); на конференциях «Каразинские чтения» (Харьков, 2001 г., 2002 г., 2003 г., 2004 г.); на Всероссийской конференции «Вера и церковь в средние века и раннее новое время» (Москва, 2001 г.); на Всеукраинской конференции «Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории» (Луганск, 2001 г.); на Международной конференции «Историческая наука: проблемы развития» (Луганск, 2002 г.); на Международной научно-практической конференции «Украина научная ' 2003» (Днепропетровск – Черкассы, 2003 г.); на V Международной конференции «История и политика в количественных измерениях: глазами молодых исследователей» (Донецк, 2004 г.); на II научном семинаре «Изучение всемирной истории в Украине» (Чернигов, 2004 г.); на научно-теоретической конференции «Образы университетов в публицистике и историографии. VIII Астаховские чтения» (Харьков, 2004 г.); на Межвузовской научно-практической конференции «Война и насилие: прошлое и будущее» (Харьков, 2005 г.).

Основные положения диссертации отражены в одиннадцати статьях, шесть из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Украины, а также в шести публикациях тезисов докладов на конференциях.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историографический обзор

Структура историографического обзора обусловлена различной глубиной разработки проблемы в трудах западных и отечественных исследователей. Следует отметить, что германские авторы уже в XVIII в. обратились к изучению Реформации в Брауншвейге, в то время как ученые из других стран Западной Европы не исследовали специально эту тему. Исследователи из Российской империи, СССР и стран СНГ, в том числе – Украины, также специально не изучали эту проблему. Но вместе с тем их вклад в изучение разных вопросов истории Реформации в Германии заслуживает внимания. Освещение историографии проблемы в нашем обзоре подразделяется на два блока – труды германских и отечественных ученых. Характеристика литературы предусматривает анализ как общих трудов по истории немецкого города эпохи Реформации, так и специальных работ по истории Церкви и школы Брауншвейга.

Общая характеристика Римско-Католической и Евангелической Церкви в Брауншвейге впервые была дана в «Церковной истории знаменитого города Брауншвейга» Ф.Ю. Рехтмайера [244]. Эта работа представляла собой подробное описание событий церковной жизни города от средневековья до начала XVIII в. – времени написания сочинения. Третий том «Церковной истории...» посвящен периоду Реформации: от первых евангелических лекций Готтшалка Крузе до Аугсбургского религиозного мира. Ф.Ю. Рехтмайер писал свой труд после возврата Брауншвейга под власть Брауншвейгско-Вольфенбюттельского герцогства в 1671 г. – события, усилившего позиции приверженцев католицизма. Однако сам автор

принадлежал к сторонникам евангелизма. Результатом расхождения его позиций с официальным курсом герцогской династии стало стремление автора избежать оценок Реформации, ограничившись подробным пересказом событий в городе. Ф.Ю. Рехтмайер опирался на более ранние городские хроники и другие документы (деловую переписку, законодательные акты), значительная часть которых до нашего времени не сохранилась. Это повышает значимость его труда для исследования Реформации в Брауншвейге.

В первой половине XIX в. история Реформации становится объектом научного изучения. Наиболее видным ее исследователем был Леопольд фон Ранке. Его шеститомный труд «История Германии в эпоху Реформации» содержит обширный фактический материал.

При изучении всемирной истории Л. фон Ранке основное внимание уделял международным отношениям, а не социальным вопросам [33, с. 342]. Он стал основателем политического направления в германской медиевистике [22, с. 57]. Несомненным достижением Л. фон Ранке и его учеников было стремление к тому, чтобы опираться на критически осмысленный материал оригинальных источников.

В третьем томе «Истории Германии в эпоху Реформации» содержится краткая характеристика евангелического движения в Брауншвейге. Л. фон Ранке характеризовал лишь некоторые события Реформации в этом городе. В частности, он отметил требования к городскому Совету реформировать богослужение, выдвинутые от лица бюргеров юристом Сандером [242, S. 379], но не анализировал предпосылки возникновения этих требований.

Отдельные аспекты Реформации в Германии исследовались Л. фон Ранке в работе «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях». Так, в этом труде автор анализировал проект папского легата Кампеджио, составленный в 1530 г. и перечислявший силовые меры, необходимые для восстановления власти Римско-Католической Церкви в Германии. Автор пришел к выводу о том, что Карл V отклонил этот проект

не только из-за нехватки сил, но и не желая оказаться в зависимости от римского престола [59, с. 88-90].

Германские историки второй половины XIX в. вывели исследование Реформации на качественно новый уровень. Методологически ученые этого периода были связаны с новым научным течением – позитивизмом. Историки-позитивисты постепенно расширили круг исследуемых проблем, обратившись к источникам по экономической, аграрной и городской истории. С возникновением позитивизма во многом было связано переключение интереса ученых с судеб отдельных личностей на историю масс [22, с. 67].

В этот период была написана «История Реформации» Ф. фон Бецоляда, которая стала одним из наиболее фундаментальных исследований Реформации. В этой монографии автор осветил весь период евангелического движения в Германии: от его предпосылок и первых выступлений Лютера и его сторонников до заключения Аугсбургского религиозного мира. Ф. фон Бецольд уделил значительное внимание не только политике церковных и светских властей, но и выступлениям бюргеров и крестьян. Помимо социальных факторов Реформации, автор стремился проследить экономические и духовные изменения в обществе [см.: 256, S. 92].

Важной особенностью труда Ф. фон Бецоляда при характеристике периода поздней Реформации стал анализ участия городов в деятельности Шмалькальденского союза. В частности, автор охарактеризовал военные действия 40-х гг. XVI в. в Брауншвейгско-Вольфенбюттельском герцогстве, которые привели к временному установлению власти Шмалькальденского союза на этой территории. Ф. фон Бецольд отметил, что активную роль в этом успехе приверженцев Реформации сыграло ополчение Брауншвейга [1, с. 247]. Позднее, после победы католических войск под Мюльбергом и принятия Аугсбургского Интерима, именно северогерманские города, принявшие сторону евангелизма (в том числе Брауншвейг), первыми выступили против Интерима [1, с. 319].

Кроме исследований, освещавших ход Реформации в масштабах всей Германии, во второй половине XIX в. были созданы первые научные труды по истории евангелического движения в отдельных ее территориях, а также по истории этих территорий в эпоху средневековья. Первой обобщающей работой, где освещалось положение церквей и школ Брауншвейга перед Реформацией, стало исследование Г. Дюрре «История города Брауншвейга в Средние века» [121]. Эта монография также написана с позиций позитивизма. Исследование экономического, политического, культурного развития города характерно для принципа многофакторности, лежавшего в основе позитивистской методологии. Значение работы Г. Дюрре заключается прежде всего в привлечении богатого фактического материала по истории Брауншвейга XI-XV вв., в том числе – по церковной и школьной жизни средневекового города. Автор дал общую характеристику положения Римско-Католической Церкви в Брауншвейге перед Реформацией, а также посвятил отдельные главы описанию приходских церквей и монастырей этого города.

Во второй половине XIX в. историки обратились и к изучению жизни и деятельности Иоганна Бугенхагена – автора Брауншвейгского церковного устава 1528 г. Первые научные биографии Бугенхагена были написаны К.А.Т. Фогтом [279] и Г. Герингом [149]. Эти авторы вели исследование в рамках позитивизма. Характерно для указанных работ также то, что К.А.Т. Фогт и Г. Геринг были лютеранами и вследствие этого связывали успехи Реформации в Брауншвейге прежде всего с деятельностью Бугенхагена – ближайшего соратника Лютера. Предшествующий приезду Бугенхагена в Брауншвейг период Реформации оба исследователя освещали лишь в общих чертах. Для их работ также характерно сдержанное отношение к другим направлениям протестантизма – в частности, к цвинглианству.

Во второй половине XIX в. исследователи изучали и влияние Церкви на школы Брауншвейга в средние века и раннее новое время. Одним из первых эту проблему затронул Ф. Кольдевей – составитель первого тома

серии «*Monumenta Germaniae Paedagogica*», которому он предпослал очерк истории городских школ [184]. Проблему развития школ Брауншвейга в средние века и в эпоху Реформации Ф. Кольдевей осветил позднее в отдельной статье [183]. Он прежде всего исследовал внутреннее развитие школ, а не внешние обстоятельства, влиявшие на это развитие, поэтому его труды скорее относятся к истории педагогики, а не к всемирной истории. Однако это не умаляет значения статей, наметивших узловые моменты в исследовании школ Брауншвейга.

Г. Хассебраук проследил взаимоотношения Брауншвейга с территориальной герцогской властью, обратившись к периоду правления герцога Генриха Младшего. Автор отметил, что к началу Реформации городские власти уже добились значительных политических свобод, хотя формально Брауншвейг продолжал подчиняться герцогской династии. Генрих Младший же стремился вернуть город под свой полный контроль [140, S. 13]. По мнению Г. Хассебраука, именно борьба магистратов за сохранение автономии города в герцогстве обусловила их поддержку Реформации. Однако такая оценка не учитывала широкой поддержки евангелического движения в среде брауншвейгского бюргерства.

И. Хеепе рассматривал положение средневекового приходского духовенства Брауншвейга: его правовой статус и финансовое обеспечение [144]. Автор установил, что это положение претерпело некоторые изменения: от сравнительной независимости приходских священников до роста их зависимости от городского Совета, который в конце XIV-XV вв. начал контролировать материальные поступления Церкви.

Таким образом, заслуга германских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. заключается в том, что они впервые осветили ряд проблем Реформации в Брауншвейге: оформление евангелической церковной организации, преобразование школ, политическую борьбу между городской администрацией и герцогской властью. Однако успехи Реформации и попытки сопротивления евангелизму историки объясняли деятельностью

отдельных лиц, а не социальных групп. В этот период исследования по политической и религиозной истории, а также истории образования и социальной борьбы в Брауншвейге велись изолированно друг от друга, что соответствовало позитивистской идее многофакторности исторического процесса.

Во второй половине XIX в. возникло и марксистское направление исследования Реформации. Работа Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» стала одним из первых образцов применения принципов исторического материализма в конкретном историческом исследовании [17, с. 61]. Ф. Энгельс отметил основные экономические и политические предпосылки Реформации, а также охарактеризовал три основные группировки в лагере ее приверженцев [75, с. 392, 397]. Впоследствии труд Ф. Энгельса был положен в основу исследования Реформации историками СССР и ГДР.

В период между двумя мировыми войнами историки выработали новые методологические подходы к изучению Реформации. С исследованиями этого периода связано понятие «лютеровский Ренессанс», означавшее усиление внимания к творчеству вождя Реформации. В частности, берлинский теолог К. Голл указал, что важнейшим вопросом для Лютера в ранний период его деятельности была возможность человека достичь оправдания перед Богом. Исследователь охарактеризовал созданное Лютером учение как «религию совести». Лютер пришел к выводу о том, что Бог пробуждает в человеческом сердце любовь к себе, и основанная на этой любви вера в божье милосердие является источником спасения человека. К. Голл отметил логичность и последовательность реформаторской этики, основанной на христианских заповедях и рассматривавшей весь мир как единое целое [156].

Последователи К. Голла впервые обратились к проблеме восприятия евангельских идей сознанием отдельной личности и реализации этих идей в индивидуальных действиях верующего [см.: 256, S. 96-97]. Этот аспект

Реформации впоследствии изучался не только теологами [71], но и психоаналитиками [124], а также марксистской историографией [3; 98]. Принципы «лютеровского Ренессанса» были применены и в новых исследованиях деятельности Иоганна Бугенхагена. К ним относятся монография Г. Бека [83] и статья Г. Мака [205], издание которых было приурочено к 400-летию юбилею принятия Брауншвейгского церковного устава.

Помимо того, в 20-е–30-е гг. XX в. было продолжено изучение Реформации в отдельных регионах Германии. В частности, ее ход на территории Брауншвейга рассматривался в очерке Г. Мака, посвященном истории города [206]. При анализе последствий Реформации автор отметил и такой ее результат, как разрушение ряда церковных зданий в Брауншвейге, о чем историки – приверженцы лютеранства ранее практически не упоминали.

В. Шписс затронул распространение Реформации в Брауншвейге в связи с характеристикой системы городского самоуправления. Опираясь на архивные материалы, историк установил, что переизбрание магистратов Брауншвейга осенью 1529 г. было связано с враждебностью ряда членов старого Совета по отношению к евангелизму [263, S. 32]. Хотя автор не рассматривал политику переизбранного Совета, его вывод о переходе городской администрации на сторону Реформации был важен для дальнейших исследований.

Во второй половине XX в. ученые продолжили изучение Реформации, расширив круг рассматриваемых вопросов и во многом изменив методологию. Значительный вклад в исследование Реформации внесли западногерманские историки церкви: М. Брехт (Мюнстер), Г.-В. Крумвиде (Геттинген), епископ Евангелическо-Лютеранской Церкви Г. Мюллер (Эрланген), А. Шпренглер-Руппенталь (Гамбург), редактор «Лютеровского ежегодника» Х. Юнгханс (Лейпциг). Названные авторы обратили внимание на ряд малоизученных вопросов истории Реформации: отношения между Виттенбергом и другими евангелическими территориями [95; 220],

особенности развития евангелизма в отдельных регионах [191; 266], организационное и правовое становление новой Церкви [264; 265; 267]. Характерной чертой их исследований является внимание к конкретно-исторической обстановке, повлиявшей на творчество лидеров Реформации [96; 166; 219].

Историки церкви исследовали и деятельность отдельных реформаторов. Так, И. Бергсма проанализировал роль Иоганна Бугенхагена в создании основ Евангелической Церкви в городах и княжествах Германии. Автор пришел к выводу, что новый порядок евангелического богослужения был провозглашен уже в Брауншвейгском церковном уставе и сохранен в более поздних уставах других территорий Германии [84, S. 74-75]. Вместе с тем И. Бергсма, на наш взгляд, чрезмерно акцентировал внимание на близости некоторых черт культа католицизма и евангелизма. Такие позиции характерны для приверженцев экуменического движения. Утверждение принципов экуменизма во многом стало результатом Второго Ватиканского Собора, состоявшегося в 1965 г. [187, S. 7].

В.А. Юнке обратился к некоторым более узким и сравнительно мало изученным проблемам Реформации в Брауншвейге: борьбе сторонников Лютера с приверженцами Цвингли среди брауншвейгского духовенства [162], евангелическому движению в городе в период между принятием церковного устава и вступлением города в Шмалькальденский союз [160], связям Лютера с Брауншвейгом [161]. Начало Реформации в городе автор отнес к 1517 г., связывая его с выступлением Лютера с «95 тезисами». Характерная черта работ В.А. Юнке – критическое отношение к противникам Лютера, как в лагере католицизма, так и среди других направлений Реформации. Симпатии и антипатии автора, по-видимому, объясняются его конфессиональной принадлежностью к Евангелическо-Лютеранской Церкви (В.А. Юнке был викарием в Брауншвейге).

Г.-Г. Хольфельдер посвятил работу изучению теологии Иоганна Бугенхагена как основы его реформаторской деятельности [155]. Автор

пришел к выводу, что послание Бугенхагена «О христианской вере и истинных добрых делах...» соединило проблемы толкования Евангелия с задачей реформирования церковной организации. Принципы этого сочинения были сохранены в евангелических уставах, первым из которых стал Брауншвейгский.

Оригинальную трактовку принципов организации Евангелической Церкви, выдвинутых в Брауншвейгском уставе, предложила Л. Шорн-Шютте. По ее мнению, целью Бугенхагена было создание автономной церковной организации, которая защищала бы общины от светских властей [255, S. 260-261]. Однако этот вывод представляется нам спорным, поскольку не в полной мере учитывает данные, содержащиеся в евангелических уставах.

Кроме теологов, в послевоенный период изучение Реформации вели и светские историки. Ведущим направлением в этот период становится «социальная история» [99; 181]. Ее приверженцы стремились при анализе исторических явлений выделить ряд социальных структур, взаимодействие которых определяло ход событий. Результатом такого подхода стала разработка исследователями ФРГ теории множественности факторов Реформации – религиозных, экономических, политических, культурных [25, с. 47].

Эта теория повлияла и на изучение Реформации историками других стран. Так, ученый из США Дж. Штраус провел комплексное исследование влияния лютеранства на систему образования и культуру Германии [271]. В более поздней статье, написанной Дж. Штраусом в соавторстве с Р. Коутропом, была отмечена преемственность между школьными уставами эпохи Реформации и учебными планами XVII-XVIII вв. [114].

В послевоенный период западногерманские историки сформулировали понятие «городской Реформации» как важной составной части всего евангелического движения в Германии. К наиболее известным приверженцам этой модели исследования принадлежат Б. Мёллер [212; 213; 215], П. Бликле

[89; 90], Б. Хамм [137]. Они подчеркнули роль городов в распространении евангелизма, в том числе в период 1525-1555 гг. – «поздней» Реформации, которая ранее оценивалась только как «княжеская», отметили самостоятельность их позиций в ряде событий евангелического движения, хотя и выступили против трактовки Реформации как исключительно «городского» явления.

Принципы «социальной истории» использовались и теми учеными, которые характеризовали особенности Реформации в Брауншвейге. Б.Д. Ланге обратился к событиям раннего евангелического движения в городе, исследуя деятельность одного из первых нижнесаксонских реформаторов – Готтшалка Крузе [195]. По мнению автора, именно благодаря лекциям Крузе о Евангелии, читавшимся в 1521-1522 гг., идеи Реформации начали распространяться среди брауншвейгского духовенства.

Своеобразным продолжением работы Г. Дюрре является труд В. Шписса [262]. Он охватывает период с конца XV в. до 1671 г. – даты окончательной потери городских свобод и перехода Брауншвейга под власть герцогской династии в результате военного вторжения. Однако В. Шписс, в отличие от Г. Дюрре, обратился в первую очередь к рассмотрению общественно-политической жизни города. Среди важнейших ее явлений он отметил и Реформацию, начало которой в городе датировал 1521 г., связывая его с лекциями Готтшалка Крузе. Последующие события в Брауншвейге автор характеризовал как «триумфальный путь Реформации». В качестве ее ключевых моментов В. Шписс выделил первые религиозные диспуты, начало евангелической проповеди, приезд Иоганна Бугенхагена и разработку им церковного устава в 1528 г., дальнейшие преобразования Церкви и борьбу города с попытками герцога Генриха восстановить свою власть над Брауншвейгом. Хотя однозначная оценка этих событий как успешного распространения Реформации представляется спорной, особенно для периода до 1528 г., труд В. Шписса ценен стремлением автора показать связь политических, идеологических и культурных факторов Реформации.

Исследование Э. Дёлля посвящено истории брауншвейгских штифтов св. Власия и св. Кириака [117]. Автор изложил общую историю их основания и функционирования, а также охарактеризовал структуру их управления, отношения с приходскими церквями, развитие школ штифтов и другие стороны их деятельности. Э. Дёлль отметил, что именно Реформация окончательно подорвала влияние штифтов – оплотов Римско-Католической Церкви в средние века. При этом штифты дольше обычных монастырей сопротивлялись проведению Реформации, опираясь на поддержку герцогской династии.

Со второй половины 70-х гг. XX в. количество исследований по Реформации в Брауншвейге возросло. Во многом это было связано с 450-летней годовщиной принятия Брауншвейгского устава. К этому юбилею был приурочен выход сборника статей «Реформация в Брауншвейге», в которых анализировались предпосылки принятия устава, его содержание, а также последующий ход Реформации в городе. Так, К. Юргенс посвятил свое исследование ранней Реформации в Брауншвейге [165]. Характеризуя программы Реформации, выдвинутые городским Советом и бюргерством весной 1528 г., автор пришел к выводу, что уже в этих программах содержался ряд положений, которые позднее были официально провозглашены Брауншвейгским церковным уставом.

Пребыванию Бугенхагена в Брауншвейге в период составления церковного устава 1528 г. была посвящена статья Г. Циммерманна. Автор справедливо заметил, что содержание устава опиралось на знание реформатором требований бюргерства. В то же время оценка Бугенхагена лишь как надежного помощника Лютера [288, S. 36] не учитывала всей разносторонности и глубины его деятельности в период Реформации.

Автором ряда трудов по истории социальных конфликтов в Брауншвейге XV в. является Б.-У. Хергемёллер. Первоначально основным объектом его исследования стали события «войны священников» 1413-1420 гг. [145]. Позднее автор расширил рамки исследования, поставив события в

Брауншвейге в один ряд с выступлениями в других ганзейских городах Германии – Люнебурге, Оснабрюке и Ростоке [146; 147]. Б.-У. Хергемёллер пришел к выводу о типичности форм и содержания «войны священников» для позднего средневековья, когда городские власти стремились ограничить права Римско-Католической Церкви в сфере финансов и образования.

О. Мёрке в своей монографии сопоставил события Реформации в Брауншвейге с Реформацией в двух других нижнесаксонских городах – Люнебурге и Геттингене. Такой подход помогает выявить как общие черты Реформации в этом регионе, так и ее специфику в каждом городе. О. Мёрке дал периодизацию ранней Реформации в Брауншвейге, выделив четыре ее периода: период «скрытой» циркуляции идей Реформации среди отдельных социальных групп; период начала «открытой» Реформации, повлиявшей на сознание всего населения, и образования ряда религиозно-политических группировок; период оформления «бюргерских комиссий», открыто действовавших и вступивших в переговоры с городским Советом для реализации евангелических идей; период проведения «Реформации Совета» [216, S. 174]. Ранее исследователи характеризовали евангелическое движение в Брауншвейге до 1528 г. как «раннюю Реформацию» и не выделяли в нем отдельные периоды. Однако нужно отметить, что основной проблемой исследования О. Мёрке была не столько Реформация как таковая, а отношение к ней городского Совета. Кроме того, О. Мёрке воздержался от определения кульминационных пунктов евангелического движения. Реформацию в городе он характеризовал как процесс эволюционных изменений. Предложенные им хронологические границы ранней Реформации в Брауншвейге и оценка содержания каждого ее периода, по нашему мнению, нуждаются в уточнении.

Проблемы ранней Реформации затронул и У. Бубенхаймер, анализирувавший переписку Томаса Мюнцера с горожанами Брауншвейга в 1517-1521 гг. Отметив сочетание в этих письмах критики продажи индульгенций, идей средневековых мистиков и гуманистических тенденций,

исследователь пришел к выводу, что в указанный период в Брауншвейге уже началась ранняя Реформация [100, S. 28]. Нам представляется, что критика отдельных сторон католицизма, распространявшаяся среди сравнительно узкого круга образованных жителей города, еще не дает основания говорить о начале Реформации. Однако справедливо замечание У. Бубенхаймера о том, что отсчет Реформации в Брауншвейге следует вести не с официального признания ее завоеваний уставом 1528 г., а с более раннего времени [100, S. 29].

Современные германские авторы вновь возвратились и к теме развития средневековых школ Брауншвейга, расширив рамки исследования. Наиболее полно это проявилось в монографии М. Кинтцингера [171]. В сравнении с Ф. Кольдевеем, его подход отличается бóльшим вниманием к социальной среде, в которой развивались школы. Так, автор рассматривал уже упоминавшуюся «войну священников», подчеркивая влияние длительной борьбы Совета и бюргеров на учреждение первых приходских школ.

З. Бройер в своей статье не только осветил ход ранней Реформации в Брауншвейге, привлекая некоторые малоизвестные факты (в частности, сведения о прибытии в город приверженцев евангелизма из Саксонии), но и проанализировал историографию этой проблемы. Он указал, что датировка начала Реформации в Брауншвейге неоднозначна. Одни авторы относят ее начало к 1521-1522 гг. (первые лекции по Евангелию, читавшиеся в городских монастырях); другие – к 1527 г. (утверждение евангелической проповеди в богослужении); третьи – к 1528 г. (официальное утверждение новым церковным уставом принципов Реформации). Таким образом, наиболее распространенные точки зрения исследователей сводятся к трем моделям Реформации в Брауншвейге – т. н. «монастырской», «проповеднической» и «правовой» [93, S. 86-90]. Как подчеркнул З. Бройер, каждая из этих моделей дает несколько упрощенное, одностороннее представление о предпосылках и ходе Реформации в городе; сам автор в

объяснении ее причин обратился не столько к внешним обстоятельствам, сколько к изменениям в сознании брауншвейгского бюргерства.

В послевоенный период события Реформации стали объектом исследования и для историков ГДР. Они, в отличие от западногерманских ученых, стремились изучать историю Реформации на основе методологии марксизма. В начале 50-х гг. была опубликована книга Л. Штерна, в которой проблема гуманизма и Реформации в Германии рассматривалась на основе анализа взаимоотношений Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона [269].

Трактовка Реформации и Крестьянской войны как первой раннебуржуазной революции в Европе была выдвинута на конференции медиевистов ГДР в Вернигероде (январь 1960 г.) [8, с. 64]. Эта концепция Реформации была положена в основу работы М. Штейнмеца [268] и коллективной «Иллюстрированной истории раннебуржуазной революции в Германии» [195].

Среди историков ГДР 60-х–80-х гг. наиболее весомый вклад в изучение роли Лютера в Реформации внесли Г. Щебиц и Г. Брендлер. Г. Щебиц стал автором первой биографии Лютера, написанной с позиций марксизма. В этой работе значительное внимание уделялось и общественной ситуации в Германии начала XVI в. [289]. Г. Брендлер же впервые в марксистской историографии подробно проанализировал формирование теологии Лютера в период до 1517 г., связывая его с последующим участием Лютера в Реформации и придя к выводу, что лютеровская теология была революционной, в принципе отрицая право Римско-Католической Церкви решать вопросы веры [3, с. 318].

Развитие школ в эпоху Реформации также привлекло внимание историков ГДР. В частности, Ф. Хофманн отметил, что проект трехклассной школы, разработанный Филиппом Меланхтоном в «Наставлении визитаторов...», заложил фундамент «ученой школы» в Германии более чем на столетие вперед. Он был воспринят составителями евангелических школьных уставов, в том числе – Брауншвейгского [153, S. 104]. Этот вывод,

однако, не учитывал ряда отличий содержания Брауншвейгского устава от «Наставления визитаторов...».

Заслугой исследователей ГДР стало выяснение ряда социальных особенностей Реформации, а также объективная оценка исторических заслуг Мартина Лютера. Но при этом практически не была рассмотрена деятельность Лютера в период поздней Реформации [8, с. 67]. При анализе евангелического движения в отдельных регионах истории ГДР характеризовали преимущественно районы Саксонии и Тюрингии; Реформация в Брауншвейге ими не изучалась.

В досоветской, советской и постсоветской историографии развитие Церкви и школ в Брауншвейге в эпоху Реформации специально не исследовались. Российские историки XIX – начала XX вв. рассматривали ход Реформации преимущественно в курсах лекций по истории средних веков и нового времени [20; 26; 36; 52]. Евангелическое движение в отдельных территориях Германии не анализировалось ими как специальная проблема; это относится и к Брауншвейгу. Лишь М.Н. Петров упомянул его в числе городов Северной Германии, выступивших на стороне Лютера. Однако автор допустил неточность, связывая введение Реформации в Брауншвейге со вступлением города в Шмалькальденский союз и подписанием в 1532 г. Нюрнбергского перемирия между католиками и протестантами [52, с. 61], поскольку этим событиям предшествовали более ранние успехи евангелического движения, закрепленные принятием церковного устава 1528 г.

Советские историки 20-х – середины 30-х гг. XX в. исследовали Реформацию в Германии на основе принципов марксизма. Однако в большинстве случаев они заимствовали фактический материал из работ буржуазных исследователей и пытались интерпретировать его в марксистском духе. При этом основное влияние на исследователей оказывали не столько идеи марксизма, сколько распространенные в тот период концепции экономического материализма и торгового капитализма

[18, с. 131]. В «Очерках истории Западной Европы XVI-XVII вв.» П.П. Щеголева при освещении Реформации в Германии основное внимание уделялось экономике, политике и классовой борьбе. События 1525-1555 гг. характеризовались автором как «княжеская реформация», их основное содержание сводилось к борьбе протестантских князей с императорской властью [74, с. 121].

Подобный подход был характерен и для советских историко-педагогических работ 20-х – начала 30-х гг. XX в. Первой среди них стала работа Е.Н. Медынского. Автор проводил исследование по следующей схеме: краткий очерк экономических и классовых отношений; анализ идеологии общества; основные педагогические идеи данного периода; отражение в этих идеях экономических отношений и идеологии [47, с. 9-10]. Такой подход может показаться чрезмерно социологичным. Однако он давал возможность изучать историю педагогики как составной элемент жизни общества, а не как изолированную сферу, подчеркивал связь этой области культуры с социальными факторами. В этом – безусловное достижение автора. Его труд был первой попыткой исследовать историю педагогики на основе марксизма. В дальнейшем в Советском Союзе, по сути, надолго было прекращено исследование проблемы образования в эпоху Реформации. В 30-е гг. XX в. новых работ по истории педагогики не появилось.

В период Великой Отечественной войны советские историки к исследованию Реформации не обращались. В это время главной их задачей стало изучение героического прошлого народов Советского Союза, их борьбы с иноземными захватчиками. Исследование истории Церкви и школ зарубежных стран (в особенности – Германии) считалось несвоевременным.

После Великой Отечественной войны ситуация изменилась. Весомый вклад в изучение Реформации в Германии внес М.М. Смирин. Его работа «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война» основывалась на глубоком исследовании как источников эпохи Реформации, так и трудов ее идейных предшественников – в частности, германских

мистиков и чешских таборитов. М.М. Смирин обратил внимание и на контакты Мюнцера с приверженцами Реформации среди жителей городов; так, он процитировал фрагменты адресованного Мюнцеру письма брауншвейгского бюргера Ганса Пельта, написанного в июне 1521 г. [64, с. 80]. По мнению М.М. Смирин, уже в это время Мюнцер ставил иные задачи Реформации, чем Лютер, горячим сторонником дела которого Пельт объявил себя [64, с. 85]. Указанная монография осталась единственной работой в советской историографии, где отмечался факт контактов Томаса Мюнцера с жителями Брауншвейга.

На дальнейшее исследование проблем истории Германии советскими историками позитивно повлияла дискуссия о характере Реформации и крестьянской войны в Германии. Дискуссионные статьи публиковались на страницах журнала «Вопросы истории» в 1956-1958 гг. Поводом к дискуссии послужила статья О.Г. Чайковской, в которой оспаривалась оценка Реформации и Крестьянской войны в Германии как буржуазной революции [72]. Результатом дискуссии стало утверждение в советской историографии оценки Реформации и Крестьянской войны в Германии как первой европейской раннебуржуазной революции. Правда, историки разошлись во мнениях относительно ее экономических предпосылок и движущих сил [21; 46; 65; 68; 76]. Рассматривая предпосылки Реформации, М.М. Смирин отметил, что отличием раздробленной Германии от централизованных европейских государств являлись постоянные претензии высшего католического клира на политическое господство. Ликвидация политической раздробленности представлялась возможной лишь после устранения церковной иерархии, и в этом были заинтересованы почти все слои общества. В этих условиях лютеровская реформация стала идеологией, в которой каждая оппозиционная группа могла видеть обоснование своих социальных и политических требований [63, с. 113-114].

Что касается советских историко-педагогических работ второй половины 40-х – 50-х гг. XX в., то для них была характерна критическая

оценка большинства систем западноевропейского воспитания [73] без их глубокого анализа; исключением являлись лишь труды прогрессивных педагогов (Коменского, Песталоцци, Руссо, Дистервега). Так, в обширном труде «Очерки по истории педагогики», где история воспитания и образования рассматривалась с древнейших времен, всей педагогике XVI в. было уделено... полторы страницы. При освещении Реформации упоминалось только ее «известное влияние на школу в XVI веке»; Лютер характеризовался как основатель «школы религиозного назидания и национализма»; было упомянуто возникновение государственных – княжеских школ [51, с. 31]. Но ряд вопросов – положение образования перед Реформацией, деятельность гуманистов в период Реформации, теоретические взгляды Лютера как педагога, организация городских школ – не был затронут. Соответственно не был выяснен главный вопрос: что же дала Реформация для развития образования? Материал «Очерков...» сводил ее значение к конфессиональной борьбе протестантов против католиков; связь образования с социальными и политическими изменениями оставалась невыясненной. Эта работа может быть отнесена, по выражению О.Е. Кошелевой, к позитивизму под маской марксизма, к исследованиям, выявляющим и описывающим локальные исторические факты без включения их в общую историческую перспективу [35, с. 87-88]. Такое сложное, не поддающееся однозначной оценке явление, как Реформация, на некоторое время было практически изъято из истории педагогики.

В 60-х – начале 80-х гг. XX в. в советской литературе встречались лишь отдельные упоминания о педагогических работах Лютера [61, с. 80-81], которые в некоторых случаях дополнялись краткой характеристикой их содержания [66, с. 265-266]. Но подробный анализ этих произведений не проводился. В этот период дело, временно оставленное историками педагогики, в какой-то мере продолжили специалисты по всеобщей истории. Особо следует отметить деятельность Комиссии по проблемам культуры Возрождения под руководством В.И. Рутенбурга. Им были организованы

конференции по вопросам культуры, искусства, общественной мысли эпохи Возрождения. Среди материалов этих конференций следует выделить сборник «Культура эпохи Возрождения и Реформация», содержащий ряд важных методологических положений. Это и необходимость сопоставить два явления одной эпохи – Возрождение и Реформацию, – чтобы определить их влияние друг на друга [60, с. 4-7]. Это и указание на то, что иррациональное мировоззрение средневековья не могло быть преодолено в результате одного рывка – даже такого титанического, как гуманизм [67, с. 38]. Это и вывод о том, что, хотя гуманизм расчистил дорогу Реформации, он был вытеснен ею [53, с. 40]. Хотя авторы и не ставили целью исследовать евангелическую церковную и школьную организацию, формировавшуюся в Германии, результаты их работы следует учитывать при комплексном рассмотрении этой проблемы.

Становление евангелической церковной организации также не было самостоятельным предметом изучения советских исследователей в послевоенный период. Эта проблема затрагивалась лишь в связи с общим ходом Реформации в Германии. Так, Ю.А. Голубкин проанализировал позицию Мартина Лютера в начале 20-х гг. XVI в.: его отношение к городскому движению в Виттенберге 1521-1522 гг. и выступлению имперского рыцарства, его взаимоотношения с Томасом Мюнцером. Он подчеркнул, что в этот период Лютер не изменил свои прежние взгляды на сущность Реформации, а лишь уточнил свои позиции относительно методов ее осуществления, сделавшись идеологом одного направления Реформации – бюргерской умеренной группировки [11].

Дальнейшие изменения в изучении проблемы произошли во второй половине 80-х гг. Думается, причины этого следует искать как внутри науки, так и во внешних факторах. Накопление большого количества материала требовало обобщения; этому обобщению способствовал постепенный отход от жестких определений роли того или иного явления, утвердившихся в советской исторической науке. И то, и другое относится к изучению

Реформации. Ряд вопросов этой проблемы теперь получил детальное освещение.

Пример этого – статья Т.Н. Таценко. Автор рассматривает вопрос, который прежде, по сути, выпадал из поля зрения исследователей: положение городских школ Германии накануне и в эпоху Реформации. Историк приходит к выводу о двойственном влиянии Реформации на школу: повышение престижа немецкого языка, более тщательный отбор учителей – и распространение протестантской идеологии, ужесточение контроля над образованием [69, с. 151].

Предметом диссертационного исследования А.А. Гаврюшенко стала деятельность Филиппа Меланхтона – одного из ближайших сподвижников Лютера. Характеризуя положения трактата «Об улучшении воспитания юношества» (1518), автор подчеркнул: задуманная Меланхтоном реформа образования могла осуществиться лишь при условии нанесения решительных ударов по католической теологии. Важнейшим достижением Меланхтона А.А. Гаврюшенко называет превращение христианского гуманизма в орудие демократической педагогики [5, с. 22].

Работы Н.Г. Подаляк были посвящены развитию северогерманских ганзейских городов позднего средневековья. Исследовательница отметила, что в ряде отраслей производства этого региона уже в XV в. наблюдалось зарождение капиталистических начал, тормозившееся, однако, всей системой феодальных общественных отношений [58, с. 152-155]. При формальном подчинении власти территориальных князей достижение ганзейскими городами широкой автономии способствовало остроте социально-политической борьбы в этих центрах, приобретающей также конфессиональную и антикняжескую направленность [57].

В 1986-1991 гг. был также выпущен ряд сборников, подготовленных Лабораторией истории школы и педагогики за рубежом при НИИ общей педагогики АПН СССР с участием историков ряда отечественных вузов. В этих изданиях были опубликованы и статьи, посвященные образованию в

эпоху Реформации. Так, С.Л.Савина охарактеризовала лютеровскую «Проповедь о том, что нужно посылать детей в школу», а также деятельность Филиппа Меланхтона, Иоганна Штурма, Валентина Троцендорфа, Михаила Неандра. Был сделан вывод о создании Реформацией системы воспитания, соответствовавшей интересам нарождающегося буржуазного общества [62, с. 119]. Ю.А.Голубкин перевел на русский язык произведение Лютера «К советникам всех городов земли немецкой...» и охарактеризовал его. Говоря об упадке образования, последовавшем за крушением устоев католицизма, автор отметил: Лютер понимал неизбежность поражения, если разрушение старого не будет сопровождаться созданием нового, в том числе – школ и университетов [9, с. 192].

Итак, уже в 20-е гг. XX в. советская историография затронула проблему развития Евангелической Церкви и школ Германии, стремясь исследовать ее на новой, марксистской основе. Но затем эти исследования были на долгое время прерваны. В 40-е–50-е гг. историки подчеркивали классовую природу Реформации в Германии, выделяя «народную Реформацию» и противопоставляя ее «княжеской». В 60-е–70-е гг. эти взгляды были уточнены: Реформация стала рассматриваться как незавершенная раннебуржуазная революция. В 80-е гг. появились первые исследования школ Германии в эпоху Реформации.

Современные украинские историки продолжают изучение Церкви и школ Германии XVI в. При этом в сравнении с советским временем хронологические рамки исследований расширились: они включили в себя период поздней Реформации 1525-1555 гг., ранее практически не освещавшийся в отечественной литературе. Так, Ю.А.Голубкин охарактеризовал влияние «Наставления визитаторов...» Филиппа Меланхтона на евангелические школы Германии [16, с. 58]. В статьях последних лет Ю.А.Голубкин обратился к проблемам формирования территориальной организации Евангелической Церкви в конце 20-х гг. XVI в. [10; 12; 13; 19]. Основной материал этих исследований относится к

курфюршеству Саксонскому, но поскольку именно оно было основным центром Реформации, преобразования территориальной церковной организации Саксонии влияли и на другие регионы Германии.

Региональные исследования истории Германии позднего средневековья и раннего нового времени продолжает вести и Н.Г. Подаляк. В ее монографии рассматривается торгово-политическая деятельность Ганзы от начала до завершения существования этой организации [54]. Исследовательница посвятила отдельную работу событиям Реформации в северогерманских городах, отметив сложность отношений между участвовавшими в ней силами: городским патрициатом и бюргерством, духовенством и князьями [56]. В докторской диссертации Н.Г. Подаляк, наряду с решением других задач, рассматривались пути формирования магистратов в ганзейских городах, а также методы борьбы горожан за свои права против произвола князей и патрициата [55]. Эти вопросы актуальны и при изучении Реформации в Брауншвейге.

Среди отечественных исследований последних лет следует также выделить монографию В.А. Дятлова «"Во имя Бога и общей пользы". Низшие слои населения немецкого города и Реформация». Всесторонне рассматривая положение низших слоев населения немецкого города конца XV – первой половины XVI вв., автор проанализировал и их отношение к образованию. Он изучил выступления Андреаса Карлштадта, видевшего в простых людях носителей Божьего откровения и возвеличивавшего «народную мудрость» в противовес ученому знанию [23, с. 246-247]. В.А. Дятлов также обратился к особенностям создававшейся в эпоху Реформации коммунальной системы призрения бедняков, отметив ее принципиальные отличия от средневековой благотворительности Римско-Католической Церкви. Впервые в украинской историографии он рассмотрел эту систему в рамках курса «социального дисциплинирования», проводившегося светскими властями [23, с. 155].

Развитие Церкви и школ Германии в эпоху Реформации привлекло внимание П.Н. Котлярова, исследовавшего в кандидатской диссертации

религиозно-политическую деятельность Филиппа Меланхтона. Автор рассмотрел как период формирования мировоззрения Меланхтона, так и его сочинения периода 1525-1530 гг. Исследователь отметил, что труды Меланхтона – в частности, «Наставление визитаторов пасторам курфюршества Саксонского» – оказали влияние на реформирование церковных и образовательных структур не только в Саксонии, но и в других евангелических территориях Германии [34, с. 14]. Однако автор не ставил задачей проследить это влияние.

Таким образом, характеристика историографии рассматриваемой нами проблемы свидетельствует о том, что основные события истории Реформации и многие аспекты истории школьного образования в Брауншвейге освещены на надлежащем научном уровне. Вместе с тем развитие церквей и школ Брауншвейга до Реформации и события ранней Реформации в городе обычно исследовались изолированно друг от друга. Вследствие этого предпосылки борьбы горожан против Римско-Католической Церкви освещались в литературе весьма сжато. Между тем уже в конце XIV-XV вв. между населением города, администрацией и духовенством произошел ряд столкновений, повлиявших на положение Церкви в Брауншвейге.

Вопрос о начале Реформации в Брауншвейге вызывает среди исследователей значительные расхождения. Одни авторы относят его к 1517 г., связывая начало Реформации с «95 тезисами» Лютера и прослеживая их влияние на Брауншвейг; другие – к 1521 г., когда в ряде городов Германии начались массовые выступления против католического культа; третьи считают отправной точкой Реформации в городе 1528 г. – дату принятия Брауншвейгского церковного устава. Большинство исследователей рассматривали события в Брауншвейге до 1528 г. как раннюю Реформацию, однако не уточнили содержания этого понятия. Существование этих различных точек зрения означает, что проблему нельзя считать окончательно решенной.

Ключевой пункт в развитии Реформации в Брауншвейге – прибытие в город Иоганна Бугенхагена и его деятельность по составлению церковного устава – также требует дополнительного изучения. Особого внимания заслуживают обстоятельства перехода Бугенхагена на сторону Реформации и его деятельность в Виттенберге в 1521 – начале 1528 гг. Исследователи обычно не характеризовали всех занятий Бугенхагена в этот период, сосредотачиваясь на отдельных аспектах его биографии, прежде всего – на службе городского проповедника и написании теологических сочинений. Между тем заслуживает внимания сочетание проповеднической и теологической деятельности Бугенхагена с преподаванием в Виттенбергском университете, а также его сотрудничество с приверженцами Реформации в других городах до поездки в Брауншвейг.

Биографы Иоганна Бугенхагена неоднократно затрагивали проблему создания Брауншвейгского устава 1528 г. Однако они, что вполне объяснимо для биографических работ, рассматривали прежде всего роль самого Бугенхагена в преобразовании городской церковной организации. Связь же содержания устава с предшествующим развитием Церкви и школ Брауншвейга хотя и не отрицалась, но отходила на второй план исследований.

В оценках содержания Брауншвейгского устава 1528 г. среди исследователей существуют значительные расхождения. Одни авторы полагают, что устав подчинил церковную организацию территориальным светским властям; другие утверждают, что формировавшаяся Церковь была не зависима от властей, а в значительной мере автономна; третьи считают, что в результате принятия устава ведущую роль в церковной жизни города приобрела община верующих. Эти дискуссии свидетельствуют о том, что проблема требует дальнейшего исследования.

Недостаточно освещен в литературе и ход Реформации в Брауншвейге после принятия устава 1528 г. – до подписания Аугсбургского религиозного мира. Связь преобразования городских церковных институтов с

политической борьбой в Германии этого времени также мало изучена. Практически не исследована роль Брауншвейга в процессе утверждения евангелической церковной организации в близлежащих территориях.

Таким образом, исследователи Реформации в Брауншвейге рассматривали преимущественно отдельные ее события, а не весь ход евангелического движения в городе. Этим и предопределен выбор темы нашего исследования.

1.2. Исторические источники

Становление Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге отражено в разнообразных исторических источниках. К ним относятся документальные источники: акты имперских и местных властей, отчеты о состоянии церквей и школ. Нами были привлечены и правовые источники – евангелические церковные уставы, а также широкий круг нарративных источников: сочинения реформаторов, письма, листовки. При их характеристике обращается внимание как на информативность содержания этих документов, так и на их видовые и жанровые особенности, а также на степень их достоверности.

При рассмотрении евангелического движения в Брауншвейге следует прежде всего обратиться к **документальным источникам**. Основной группой документов общеимперского масштаба являются акты рейхстагов [116; 222]. Их постановления, распространявшиеся на всю территорию Священной Римской империи, играли важную роль в период Реформации. В частности, противники Реформации при обосновании своих позиций ссылались на постановление Вормского рейхстага 1521 г., запрещавшее распространение учения Лютера во всех германских землях [116, S. 643-659].

На ход Реформации в Брауншвейге влияли решения не только имперских, но и территориальных властей. Для комплексного изучения взаимоотношений Церкви с местной администрацией прежде всего необходимо проанализировать постановления городского Совета, на основании которых магистраты вели свою политику в отношении духовенства. Многочисленные постановления Совета Брауншвейга содержатся в «Книге актов города Брауншвейга» [276]. Хронологически они охватывают период с конца XIII в. до начала XVI в. Они важны для нашего исследования, так как в документах Совета рассматривался ряд вопросов городской жизни, на решение которых влияли отношения между администрацией города и духовенством: порядок наследования имущества бюргеров; учреждение приходских школ; право патроната над церквями.

В то же время важными источниками являются документы, отражающие позиции Римско-Католической Церкви. Эту группу можно разделить на несколько подгрупп. В их число входят: привилегии папского престола [85; 238; 239]; постановления брауншвейгского высшего духовенства и договоры клира с городской администрацией [101; 277]; уставы городских монастырей [258; 259].

Евангелическое движение в Германии привело к выдвиганию ряда проектов переустройства территориальной церковной организации. В Брауншвейге в конце 20-х гг. XVI в. с такой инициативой выступили как местные власти, так и бюргерство. Позиции магистратов в отношении Реформации отразились в программе «Устав Совета» [230], а требования бюргеров наиболее полно были сформулированы общиной одного из районов Брауншвейга – Хагена [243]. Обе эти программы Реформации датируются мартом 1528 г. Ряд предложений администрации и бюргеров были учтены в более поздних документах.

Отдельную группу источников составляют документы по истории брауншвейгских школ в средние века и раннее новое время. Значительная их часть опубликована в первом томе серии «*Monumenta Germaniae*

Paedagogica». Это собрание охватывает период с середины XIII до первой половины XIX вв. Основными источниками, приведенными в нем для характеристики городской школьной системы в эпоху средневековья, являются акты об основании новых школ [79], учебные планы [259], договоры с учителями об их правах и обязанностях [87; 278]. Документы, помещенные в этом томе, дают возможность также исследовать влияние Реформации на брауншвейгские школы, поскольку ряд из них непосредственно относится к периоду 20-х–40-х гг. XVI в.: учебные планы преобразованных латинских школ [260], договоры городского Совета с новыми преподавателями [270], постановление Шмалькальденского союза об изучении в школах основ христианского вероучения [231], а также отчет диаконов о состоянии школ города, представленный в 1547 г. [133]. Последний из названных документов содержит сведения о трудностях в материальном обеспечении школ, о разногласиях среди преподавателей этих заведений, о равнодушии части бюргерства к евангелическим идеям.

Важнейшим результатом Реформации в Брауншвейге стало формирование территориальной евангелической церковной организации. Ее деятельность регламентировалась рядом **правовых источников**. Основную группу среди них составляют церковные уставы. Этот тип источников возник в Германии в первой половине 20-х гг. XVI в. Первыми евангелическими уставами являются «Новый порядок города Виттенберга» (1522) [228] и «Устав общей кассы» города Лейснига (1523) [229], предисловие к которому было написано Мартином Лютером [204]. Уже в этих документах были намечены пути упразднения католических церковных институтов и иерархии, преобразования догматики и культа, а также попытки решения острых социальных проблем позднего средневековья – бедности и нищенства.

Со второй половины 20-х гг. XVI в. разработка уставов стала массовым явлением в евангелических территориях Германии в связи с активным формированием новой церковной организации. Эти документы

регламентировали жизнь общины верующих на определенной территории. В тех случаях, когда положения того или иного устава успешно воплощались в жизнь, они могли перениматься составителями уставов других городов и княжеств.

На содержание евангелических церковных уставов прямо повлияло «Наставление визитаторов пасторам курфюршества Саксонского» Филиппа Меланхтона, опубликованное весной 1528 г. [48; 208]. В составлении этого документа участвовали и другие реформаторы: Мартин Лютер (написавший к нему предисловие), Иоганн Бугенхаген, Юстус Йонас. Визитаторы – лица, проводившие проверки церковных приходов – должны были, по замыслу реформаторов, заменить в структуре формировавшейся Евангелической Церкви прежних епископов. При написании «Наставления визитаторов...» Меланхтон руководствовался «Инструкцией для визитаторов», разработанной по поручению курфюрста Иоганна Постоянного летом 1527 г. [157].

Сформулированные Меланхтоном требования контроля деятельности священнослужителей легли в основу службы суперинтендентов – высших лиц территориальной евангелической церковной организации. «Наставление визитаторов...» также включало в себя учебный план «латинских» школ, преобразованных на началах евангелизма. Первым документом, распространившим принципы «Наставления визитаторов...» на деятельность церквей и школ других территорий Германии, стал принятый в сентябре 1528 г. Брауншвейгский церковный устав, написанный Иоганном Бугенхагеном.

Для анализа этого источника мы обращаемся к наиболее полному собранию евангелических церковных уставов под редакцией Э. Зелинга, которое издавалось с 1903 г. до 80-х гг. XX в. В первой части шестого тома этого собрания был опубликован Брауншвейгский устав [123]. Достоинством собрания Э. Зелинга в сравнении с более ранними публикациями этого документа, осуществленными Л. Хензельманном [113] и Г. Литцманном [111], являются вводная статья по истории Реформации в Брауншвейге, а

также тщательное оформление справочного аппарата. Издание Э. Зелинга используется нами и при анализе других евангелических уставов, в частности, Гамбургского (1529) [175] и Любекского (1531) [170], также написанных Бугенхагеном.

Брауншвейгский церковный устав состоит из вступления и 43 глав. Главы Брауншвейгского устава сгруппированы в три основных смысловых блока: изложение принципов евангелического вероучения и культа; диаконическое служение; преобразование городских школ на началах евангелизма. Эти проблемы оставались ведущими и в более поздних евангелических уставах других территорий Германии. В то же время устав позволяет выяснить роль городского Совета в процессе развития евангелической церковной организации, в частности, участие администрации в назначении евангелических священнослужителей.

При анализе евангелических уставов следует учитывать, что они носили характер инструкции, перечисляя требования, выдвигаемые церковными и светскими властями к священнослужителям и верующим. Однако они не могут ответить на вопрос, насколько эти требования соблюдались. Поэтому для широкой характеристики церковной и школьной жизни материал уставов необходимо дополнять сведениями других источников.

Проследить, как наставления деятелей Реформации воплощались в жизнь, позволяют материалы визитаций. После утверждения евангелической церковной организации в Брауншвейге ее руководители начали регулярно проводить визитации приходов городской округи. Обнаруженные недостатки и рекомендации по их устранению стали основным содержанием визитационных статей [80]. Этот источник позволяет судить о том, с какими трудностями сталкивалась формирующаяся церковная организация, и какие средства использовались для их преодоления.

Многочисленная информация о событиях евангелического движения в Брауншвейге содержится и в **нарративных источниках**. Их достоинство

заключается в непосредственном отражении исторических событий их участниками и очевидцами. Проблема состоит в том, чтобы установить, в какой степени на это отражение повлияли субъективные взгляды того или иного лица, его принадлежность к определенной конфессиональной и социальной группе. Именно в нарративных источниках содержится основной материал по истории евангелического движения в Брауншвейге первой половины 20-х гг. XVI в., когда требования Реформации уже выдвигались бюргерами, но не были признаны и официально утверждены городскими властями.

Некоторые аспекты развития Римско-Католической Церкви в Брауншвейге накануне Реформации отражены в городских хрониках. Так, Герман Боте – писец, трудившийся в Брауншвейге в конце XV – начале XVI вв. – посвятил главу своей хроники «войне священников» 1413-1420 гг., впервые употребив это название конфликта между городским Советом и высшим клиром [92]. При освещении этого столкновения Боте выражал солидарность с действиями городской администрации, что можно объяснить не только личной позицией автора, но и официальным характером хроники.

К нарративным источникам относятся и письма участников евангелического движения в Брауншвейге. Так, бюргер Ганс Пельт сообщал Томасу Мюнцеру о настроениях в городе в связи с рассмотрением «дела Лютера» на Вормском рейхстаге 1521 г. [234]. Письма Пельта позволяют установить круг приверженцев евангелизма на начальном этапе Реформации в Брауншвейге. Жители Брауншвейга затрагивали в переписке и вопросы, связанные с церковным культом, в частности, продажу индульгенций; об этом упоминал в письме к Томасу Мюнцеру ректор школы св. Мартина Генрих Ханнер [248].

В работе использованы также письма лидеров Реформации – Мартина Лютера и Иоганна Бугенхагена. Благодаря их авторитету эти послания в ряде случаев играли роль руководства к действию. Так, письмо Лютера к Совету Брауншвейга в августе 1531 г. содержало предложение изгнать из города

приходского священника Иоганна Копманна, проповедовавшего цвинглианские идеи [280].

Эмоционально насыщенные послания Лютера дают возможность оценить его отношение к преобразованию церковной организации. Бугенхаген также неоднократно обращался к соратникам, рассказывая о событиях Реформации и предлагая помощь в ее проведении. В его письмах упоминались и события в Брауншвейге, где Бугенхаген после составления церковного устава побывал еще дважды – в 1529 и 1532 гг. [112].

Отдельную группу нарративных источников составляют произведения публицистического жанра, которые содержат важный материал для характеристики менталитета немецкого общества XVI в. К ним относятся листовки, в которых пропагандировалось лютеровское учение – «летучие листки» (Flügschriften) [125], а также некоторые проповеди реформаторов, посвященные важным вопросам современной им жизни. Это, в частности, выступления Иоганна Бугенхагена в период Крестьянской войны [104].

При исследовании публицистики, как и при работе с письмами, следует учитывать ярко выраженный субъективизм этих источников. Их задача заключалась в привлечении на сторону Реформации новых сторонников. Следствием этого были односторонняя оценка событий евангелического движения и откровенная враждебность к идейным противникам.

При анализе начального периода Реформации в Брауншвейге – идейно-теоретического движения начала 20-х гг. XVI в. – ценным источником являются лекции монаха-бенедиктинца Готтшалка Крузе, с которыми он выступал в местном монастыре св. Эгидия и деревне Фолькмароде в 1522-1523 гг. Они адресовались не только монахам, но и горожанам Брауншвейга [193].

Лекции Крузе, как и других сторонников евангелизма, действовавших в отдельных территориях Германии, основывались на программных принципах, выдвинутых в произведениях идеологов Реформации. Это – прежде всего сочинения Мартина Лютера, сформулировавшего

принципиальные идеи евангелизма. К работам Лютера, наиболее важным для становления Евангелической Церкви и школы, относятся: «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» (1520) [41; 201], «О вавилонском пленении Церкви» (1520) [202], «О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться» (1523) [43; 203], «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» (1524) [40], «Проповедь о том, что нужно посылать детей в школу» (1530) [45]. В этих произведениях содержалась программа упразднения католических церковных институтов и преобразования культа.

Важными источниками для исследования евангелической церковной организации являются такие вероисповедные сочинения, как Малый и Большой Катехизисы, написанные Лютером в 1529 г. Первый из них, по замыслу автора, адресовался всем прихожанам, «особенно молодежи», чтобы упрочить христианское учение в массах [42]. Вторым же являлся руководством для пасторов, проповедников, учителей и глав семей, необходимым для постоянного изучения [39]. Катехизисы, подчеркивавшие соответствие реформационного учения слову Божьему и принципам раннего христианства, упрочили связь Евангелической Церкви с обществом, школой и семьей [14, с. 344]. Они стали основными учебными книгами в преобразованных на началах евангелизма школах.

Сподвижники Лютера также выдвинули в своих произведениях на первый план Реформацию Церкви, которую они связывали с утверждением новых принципов ее институционального устройства, вероучения и культа. Эти идеи стали основными в творчестве Иоганна Бугенхагена. К сожалению, до сих пор не опубликовано собрания сочинений этого реформатора – одного из ближайших соратников, друга и духовника Лютера. Между тем библиография его трудов насчитывает около пятисот наименований [128]. Она включает в себя экзегетические, гомилетические, полемические произведения, а также ряд церковных уставов. В рамках этого раздела

охарактеризуем те источники, которые наиболее важны для характеристики деятельности Бугенхагена – реформатора.

В начале 1521 г. Иоганн Бугенхаген завершил работу над «Прощальным посланием к своим ученикам в Трептове» [102]. Развивая идеи Лютера, Бугенхаген отстаивал в этом произведении идею оправдания верой и отказ от культа «добрых дел», насаждавшегося Католической Церковью. Принципы, сформулированные в «Прощальном послании...», стали определяющими для последующей деятельности Бугенхагена в Виттенберге. Его творчество перекликалось с проблематикой произведений Мартина Лютера, так как Бугенхаген являлся одним из его ближайших помощников. В частности, в «Совете относительно того, может ли князь защищать посредством войны своих подданных, преследуемых за веру императором или другими князьями?» (1523) [105] рассматривались те же проблемы, что и в произведении Лютера «О светской власти...»: отношения между императорской и территориальной властью, между князем и верующими – его подданными.

В середине 20-х гг. XVI в. важной задачей реформаторов стало утверждение принципов евангелического культа. В 1524-1525 гг. Бугенхаген написал ряд произведений, посвященных вопросам Крещения и Причастия: «О евангелической мессе» [109], «Совет о том, как следует причащаться, или принимать Причастие» [106], «Об исповеди и христианском отпущении грехов» [110]. В этих сочинениях, адресованных прежде всего прихожанам, содержалась евангелическая трактовка христианских Таинств.

Отдельные положения этих работ были развиты Бугенхагеном в ходе полемики с другими реформаторами. Так, толкование Таинства Причастия стало предметом ожесточенных споров между приверженцами Лютера и Ульриха Цвингли. Бугенхаген принял участие в дискуссии, выступив с «Посланием против нового заблуждения о Таинстве Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа» (1525) [102]. В этой работе автор последовательно

отстаивал лютеранскую точку зрения о присутствии Плоти и Крови Христовых в Причастии.

В 1526 г. Бугенхаген написал сочинение «О христианской вере и истинных добрых делах против ложной веры и измышленных добрых дел», адресованное общине Гамбурга [108]. Это послание примечательно тем, что, развивая принципы евангелического вероучения, реформатор одновременно сформулировал идеи переустройства церковной организации, в частности – усиление роли проповедника, избиравшегося самой общиной.

Содержание работ Иоганна Бугенхагена позволяет с достаточной полнотой осветить его участие в Реформации. Оно дает возможность определить основные направления его деятельности и выявить ее особенности по сравнению с творчеством Лютера, Меланхтона и других реформаторов. Следует учитывать, что в своих произведениях Бугенхаген в ряде случаев либо обращался к аудитории, еще не определившей свои позиции, либо прямо выступал против идейных противников лютеранства. И в том, и в другом случае результатом этого становилось четкое последовательное изложение тех или иных принципов евангелизма, связанное с резкой критикой его оппонентов – и католиков, и представителей других направлений Реформации.

В заключение следует отметить основные особенности источниковой базы исследования. Прежде всего, к ним относится ярко выраженная односторонность ряда источников. События Реформации в Брауншвейге характеризовались либо ее приверженцами, либо ее противниками. Неизбежным следствием этого стал субъективизм в оценке событий евангелического движения. В наибольшей степени он заметен в нарративных источниках, но его проявления налицо и в евангелических церковных уставах, отражавших усиление позиций территориальных властей. Еще одна особенность указанных документов – их фрагментарность: каждый из них освещает какой-либо отдельный аспект евангелического движения в

Брауншвейге, а не весь его ход; источники общего характера (в частности городские хроники) для этого периода отсутствуют.

Таким образом, только комплексное использование различных видов источников может позволить воссоздать полную картину хода Реформации в Брауншвейге и становления Евангелической Церкви и школы в этом городе. В целом, источниковая база вполне достоверна и достаточна для изучения поставленных в работе вопросов.

1.3. Методология и основные методы исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составляют: принцип историзма, который предусматривает освещение прошлого в его историческом контексте, с учетом изменений объекта исследования и связанных с ним явлений; принципы объективности и всесторонности, требующие выявить все предпосылки и факторы возникновения и развития исторического явления, подразумевающие анализ объекта исследования в контексте его внутренних и внешних взаимосвязей. Применительно к нашему объекту исследования эти принципы требуют выявления связи формировавшейся Евангелической Церкви и школы Брауншвейга с религиозной, политической и культурной жизнью как самого города, так и других территорий Германии.

Указанные принципы реализуются посредством применения комплекса общенаучных и специальных методов. Основными общенаучными методами исследования являются исторический и логический методы с присущими им анализом, синтезом, системным подходом к объекту изучения. Наряду с ними в работе использован ряд специальных исторических методов.

При анализе событий Реформации в Брауншвейге важную роль играет историко-типологический метод, направленный на определение сущности

исторических явлений и фактов. Его применение позволяет выделить важнейшее отличие Реформации от предыдущих конфликтов между городским населением и Римско-Католической Церковью. В XIII-XV вв. даже длительные столкновения – в частности, «война священников» 1413-1420 гг. – не приводили к существенным изменениям в отношениях между бюргерством и плебсом, городской администрацией и духовенством. В средние века эти конфликты касались только отдельных сторон церковной жизни Брауншвейга. в то время как задачей Реформации стало упразднение старых и создание новых институтов, а также преобразование догматики и культа Церкви.

Реформация в Брауншвейге прошла длительный путь, развиваясь от идейного к массовому общественному движению. Для адекватного отображения этого процесса в работе использован историко-генетический метод, последовательно раскрывающий изменения изучаемой действительности в процессе ее развития.

Изменения в характере Реформации в Брауншвейге в 20-е–50-е гг. XVI в. определялись тем, какие социальные группы играли ведущую роль в преобразовании Церкви, как в зависимости от их преобладания изменялись цели борьбы и методы их достижения. Постепенно произошел переход от Реформации как идейно-теоретического движения, связанного с выступлениями отдельных сторонников евангелизма, к «общинной Реформации», а затем – к «Реформации Совета», официально закрепившей евангелические преобразования в жизни города. Каждый из этапов имел определенные хронологические границы. Для периодизации Реформации в Брауншвейге в работе использовался диахронный метод исторического исследования.

В то же время при анализе особенностей Реформации в Брауншвейге нельзя ограничиться рассмотрением евангелического движения в самом городе. Становление местной евангелической церковной и школьной организации было связано с ходом Реформации в других территориях

Германии. Выступление Лютера с «95 тезисами», городские движения начала 20-х гг. XVI в., события Крестьянской войны и последующая борьба между сторонниками евангелизма и католицизма – все эти факторы прямо или опосредованно влияли на ситуацию в Брауншвейге. Поэтому применение синхронного метода является еще одной составной частью нашего исследования.

Сходные исторические явления могут изучаться при помощи сравнительно-исторического метода, который требует сопоставить их, чтобы выявить общие и особенные черты. В исследовании этот метод применен при анализе выступлений в Брауншвейге 1521 – начала 1528 гг. с требованиями Реформации (деятельность Готтшалка Крузе, Эвриция Корда, первых евангелических проповедников, Генриха Винкеля). Во всех этих случаях выдвинутые идеи не были реализованы, но причины неудач несколько различались.

При исследовании евангелических церковных уставов были применены и методы количественного анализа, в частности – контент-анализ, основанный на выделении в тексте ограниченного набора определенных элементов, которые затем подвергаются подсчету и анализу. Этот метод был использован для более глубокого исследования Брауншвейгского церковного устава. По нашему мнению, этот документ соответствует основным требованиям к применению контент-анализа: бесспорная принадлежность текста одному автору; отсутствие поздних переделок текста и полная его сохранность; достаточная определенность содержания текста; четкость и относительная устойчивость терминологии [2, с. 127]. Автором устава был один человек – Иоганн Бугенхаген. Сохранности текста способствовало его издание местной типографией. Количественному анализу устава благоприятствует и то, что этот документ являлся инструкцией, которая перечисляла официальные нормы поведения служителей Церкви и жителей города и давала четкие формулировки того или иного понятия. Контент-анализ Брауншвейгского устава дает возможность установить основные

функции каждой группы священнослужителей, а также отношения между этими группами.

Метод системного анализа позволяет исследовать организацию Евангелической Церкви в Брауншвейге, формировавшуюся в 20-е–50-е гг. XVI в., как единое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов. К ним относятся: штат священнослужителей, условия их деятельности, материальное обеспечение, отношения с прихожанами и со светскими властями. Метод системного анализа также дает возможность проследить роль церковных институтов в политике «социального дисциплинирования», проводившейся территориальными властями в период поздней Реформации.

Таким образом, исторические источники позволяют определить основные черты развития церквей и школ Брауншвейга в средние века, установить особенности Реформации в этом городе и связь становления местной евангелической организации с общим развитием лютеранства в Германии.

Привлеченная историческая литература дает возможность установить направления дальнейшего исследования этих вопросов. Ее обзор позволяет сделать вывод о необходимости комплексного изучения церквей и школ в эпоху Реформации, деятельность которых представляла не изолированное явление, а находилась в прямой зависимости от экономического, политического, культурного развития Германии.

Использование перечисленных методов исследования, по нашему мнению, позволяет воссоздать процесс становления евангелической церковной и школьной организации в Брауншвейге и определить ее место в общем развитии Германии в первой половине XVI в.

ГЛАВА 2.

ОТ РЕФОРМЫ К РЕФОРМАЦИИ:

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРАУНШВЕЙГЕ В 1517-1528 гг.

2.1. Церкви и школы Брауншвейга в средние века

Реформация имела свои особенности в каждом регионе Германии. К числу территорий, где распространение евангелического вероучения и преобразование церковных институтов стали наиболее продолжительным и сложным процессом, принадлежал город Брауншвейг.

Город Брауншвейг был основан в XI в. на территории современной Нижней Саксонии. До 1180 г. он входил в состав герцогства Саксонского. В 1180 г., после потери герцогом Генрихом Львом большинства владений в результате конфликта с императором Фридрихом I Барбароссой, герцогство Саксонское распалось на ряд территорий. Брауншвейг вошел в новое Брауншвейгско-Вольфенбюттельское герцогство. Его центром стал город Вольфенбюттель. Брауншвейг же, оставаясь в составе герцогства, постепенно приобрел определенную независимость от власти правящей династии; этому способствовало его членство в Ганзе [188, S. 141].

В средние века церкви Брауншвейга входили в состав двух диоцезов – Хальберштадтского (территория восточнее реки Окер) и Хильдесхаймского (территория к западу от Окера) [233, S. 13]. Город подразделялся на пять районов (первоначально являвшихся отдельными поселками): Альтштадт, Нойштадт, Сак, Альтенвик и Хаген. Церкви первых трех районов подчинялись хильдесхаймскому епископу, а двух последних – находились в юрисдикции епископа Хальберштадта. Единое для всех пяти районов

законодательство возникло в 1269 г., когда был создан общегородской – т. н. «общий» – Совет [240, S. 5].

Фактически власть епископов в Брауншвейге стала номинальной в результате того, что папа римский наделил Совет города рядом привилегий. Первая из них была получена еще в 1256 г., после обращения герцога Альбрехта к папе Александру IV. Согласно ей монастырские и приходские церкви Брауншвейга выводились из-под юрисдикции епископов [233, S. 13]. Видимо, это стало возможным после выплат городским духовенством компенсации епископам [121, S. 370]. По нашему мнению, на этом историческом этапе Совет и духовенство города отстаивали общие интересы, стремясь ограничить внешнее (епископское) вмешательство во внутреннюю жизнь Брауншвейга.

Следующей уступки Совет добился в 1394 г., когда первой инстанцией духовного суда для мирян был признан городской церковный судья – официал. До этого брауншвейгские бюргеры при вызовах в духовный суд должны были выезжать в центр соответствующего диоцеза – Хальберштадт или Хильдесхайм, по пути зачастую становясь жертвами разбоя и убийств [165, S. 26; 233, S. 13]. Вследствие апелляции епископов Совет отправил делегацию в Рим за подтверждением привилегии, и только в 1396 г. первый брауншвейгский официал был утвержден в должности [148, S. 171]. В 1415 г. город добился еще одной уступки в области судебной автономии: на основании привилегии императора Сигизмунда бюргеры Брауншвейга не могли привлекаться к судам вне города (за исключением имперских судов) [77, S. 6].

Как свидетельствуют источники, в результате этих привилегий влияние городского Совета на духовенство усилилось [227]. Укрепились и позиции районных Советов, но следует отметить, что роль отдельных районов во внутригородской жизни была неодинаковой. До конца XV в. доминирующее положение сохранял Альтштадт – старейший центр торговли и место проживания богатых купцов. Главным его соперником был Хаген, где жили

портные, связанные как с местным рынком, так и с международной торговлей. Третьим по значимости районом был Нойштадт – центр ремесел, связанных с обработкой металла [245, S. 30].

Имущественный статус представителей тех или иных социальных групп определял их политическое влияние. В XIII-XIV вв. управление Брауншвейгом находилось в руках патрициата, который составляли богатые купцы и мастера привилегированных цехов. Ситуация изменилась после коммунального движения 1374-1386 гг. Оно привело к тому, что власть в Брауншвейге перешла к новому Совету, в состав которого вошли представители не только патрициата, но и бюргерства (в источниках это событие отмечено как «большой раздел [функций]» – *große Schicht*) [см.: 245, S. 72]. С этого времени каждые три года происходили выборы магистратов, участие в которых могли принимать только члены городских общин и гильдий [122, S. 123; 263, S. 29]. Аналогичные изменения произошли в Советах районов, что было отмечено в городских уставах. Так, в 1408 г. в Совете Альтштадта из 36 членов 9 было избрано общиной, 6 – цехом портных, 6 – цехом менял; другие цехи и гильдии избирали в магистрат 2-3 представителей [227, S. 8].

В своей деятельности Советы должны были учитывать влияние Церкви. Оно было обусловлено исполнением ряда важных функций: религиозной, политической, экономической, культурной [146, S. 313-314]. Основными центрами церковной жизни Брауншвейга в средние века были приходские церкви. Их строительство велось благодаря финансированию со стороны общин. В 1190 г. в Альтштадте началось строительство церкви св. Мартина, продолжавшееся пять лет; в 1200-1205 гг. была построена церковь св. Екатерины в Хагене, а в 1225-1230 гг. – церковь св. Андреаса в Нойштадте [119, S. 14]. Большинство городских церквей в средние века находилось под патронатом Брауншвейгско-Вольфенбюттельской династии, проявлявшемся прежде всего в праве назначать приходских священников. Но в XIV-XV вв. влияние герцогов на город несколько уменьшилось: они

продали Совету ряд своих привилегий, в том числе – право патроната над некоторыми церквями (св. Мартина, св. Екатерины и св. Михаила) [77, S. 7].

До начала XV в. священник являлся подлинным хозяином церковного прихода: он взимал ренты, а также самостоятельно нанимал и увольнял низшее духовенство. Совет должен был контролировать выполнение приходским духовенством основных обязанностей и пресекать их нарушения. На практике, однако, члены Совета не препятствовали священникам в их деятельности, поскольку и те, и другие обычно происходили из семей городского патрициата и зачастую находились в родственных или дружеских отношениях [144, S. 6].

Кроме приходских церквей, в Брауншвейге действовали монастырь св. Эгидия (располагался в Альтенвике) [172, S. 192], а также штифты св. Власия и св. Кириака (первый был основан на территории крепости Данквардероде, второй – примерно в километре южнее, на холме у Окера) [117, S. 22]. Монастырь св. Эгидия был учрежден орденом бенедиктинцев в 1115 г. Инициатива его основания исходила от маркграфини Гертруды [283, S. 183]. Влияние городской администрации на монастырь св. Эгидия отразилось в «Ординарии» 1408 г., утвердившем право альтштадтского Совета назначать пробста (монастырского эконома) [227].

Штифты св. Власия и св. Кириака были учреждены благодаря покровительству Брауншвейгско-Вольфенбюттельской герцогской династии в первой половине XI в. [117, S. 17-18]. Эти религиозные объединения создавались по типу монастырей, но были тесно связаны с местным дворянством: они служили своеобразными убежищами для лишенных наследства младших детей дворян, и их уставы отличались большей свободой по сравнению с уставами обычных монастырей. После смерти учредителей и попечителей штифты отправляли заупокойные мессы по ним и по умершим членам их родов [241, S. 31]. Главой штифта являлся декан, который в случае отсутствия епископа исполнял его обязанности [24, с. 250]. Духовенство штифтов зависело от герцогов, контролировавших замещение

вакантных церковных должностей [117, S. 12]. Таким образом, влияние городского Совета на штифты с момента основания было незначительным; благодаря поддержке герцогской династии они могли вести собственную политику. Эта ситуация усиливала напряженность в отношениях между городом и Церковью.

Изменения в составе Совета в результате «большого раздела» повлияли на отношения между администрацией и духовенством. Новый Совет, более демократичный по своему составу и менее связанный личными отношениями с приходскими священниками, стремился упорядочить экономические отношения с Церковью, лишив духовенство возможности бесконтрольного обогащения. Так, в 1407 г. клирикам было запрещено участвовать в составлении завещаний бюргеров. Эту обязанность должны были исполнять сами горожане, в чем им могли помогать только их дети и члены Совета. Духовным лицам также запрещалось выступать в качестве наследников, даже если они были родственниками умершего [276, S. 126]. Но это постановление не учитывало всех спорных ситуаций, которые могли возникнуть в отношениях между бюргерством и клиром. Если отдельные клирики теперь не могли быть наследниками умерших горожан, то церковные организации этого права не лишились. Чтобы окончательно урегулировать эту проблему, Совет 5 мая 1413 г. принял решение о контроле доходов Церкви по завещаниям бюргеров, где отмечалось: «Тот, кто хочет учреждать заупокойные службы или совершать пожертвования, должен делать это с ведома и с разрешения Общего Совета» [276, S. 140].

Школы Брауншвейга также испытывали постоянное влияние Церкви. Первые из них были организованы при штифтах св. Власия и св. Кириака и монастыре св. Эгидия. Точное время их основания не установлено; наиболее ранние из сохранившихся документов этих школ относятся к XIII в. Так, 23 июля 1251 г. было принято «Постановление об обязанностях и правах схоластика [штифта] св. Власия»; руководителем школы в это время был магистр Энгельберт [87, S. 3-5]. Упоминания должности схоластика

встречаются и в памятных записях от 1227 г., сделанных к десятилетнему юбилею правления герцога Генриха [см.: 121, S. 564].

«Постановление об обязанностях и правах...» представляло собой договор между капитулом и схоластиком. Декан и капитул выступали здесь как уполномоченные герцога Отто – покровителя штифта, схоластик же являлся лицом, всецело от них зависимым [171, S. 97]. Схоластик мог отстраняться от должности как за неподчинение вышестоящим лицам, так и за невыполнение служебных обязанностей [87, S. 4]. Текст «Постановления...» копировался во всех последующих «ординариях» (общих уставах штифта), начиная с 1298 г. [171, S. 94]. Несмотря на ограничение прав схоластика и его подчиненное декану положение, «Постановление об обязанностях и правах...» представляло собой важную ступень в развитии школ Брауншвейга. Оно зафиксировало отделение функций схоластика от задач других духовных лиц.

Правовой статус схоластика был уточнен «Школьным уставом из устава капитула штифта св. Власия» (1308). Здесь было указано, что «схоластик представляет законную власть, служа Церкви» [258, S. 6]. Должность главы школы являлась пребендой – «схоластрией»; вследствие этого его доходы зависели от воли руководства штифта.

Возникает вопрос: насколько схоластики были профессионально подготовлены к руководству школой? Поскольку специальных учебных заведений для будущих преподавателей в средние века не существовало, задачу их подготовки решали университеты [185, S. 25]. Однако далеко не все руководители монастырских школ Брауншвейга обучались в университетах и получали ученую степень. Так, за период XIII – первой четверти XVI вв. (т.е. до начала Реформации) из 17 схоластиков школы штифта св. Власия лишь 7 имели степень магистра [117, S. 216-217]. Видимо, эта должность в первую очередь рассматривалась как почетное и доходное место, а не как пост, занимать который мог только специалист.

Подобно другим школам средневековья, в учебных заведениях Брауншвейга обучались как будущие клирики, так и дети, которых родители не предназначали к карьере священнослужителя. Отбора учеников по социальным признакам не существовало: в школы на положении стипендиатов допускались и одаренные дети из бедных семейств [183, S. 450-451]. Но большинство родителей оплачивало обучение своих детей, что давало схоластику дополнительную прибыль [258, S. 6]. Кроме денежных расчетов, уставы штифтов предусматривали возможность оплаты обучения продовольствием [278, S. 8].

Основными учебными предметами в монастырских школах были латинская грамматика, диалектика и риторика. Важную роль играла и музыка, поскольку духовными песнопениями сопровождалась церковная служба и процессии [186, S. 118]. Уже в «Постановлении об обязанностях и правах...» отмечалось: все ученики школы штифта св. Власия должны участвовать в хоре, и схоластик должен соблюдать этот порядок [87, S. 3]. В качестве учебников по латинскому языку применялись сборники комментариев ученых-схоластов к теологическим произведениям – например, комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского, парижского епископа XII в. Этот сборник использовался в школах Брауншвейга и в начале XVI в. [118, S. 22-23].

Три монастырские школы долгое время являлись единственными учебными заведениями в Брауншвейге. По договору 1370 г. между аббатом монастыря св. Эгидия и деканами штифтов св. Власия и св. Кириака в городе запрещалось учреждать новые школы. Это соглашение было направлено против конкуренции в сфере образования [147, S. 15]. Высшее духовенство Брауншвейга пыталось закрепить свое влияние на школы города; бюргерство же, войдя в Совет, стремилось ограничить позиции клира в сфере образования.

Борьба Совета и Церкви наиболее отчетливо проявилась в т. н. «войне священников» (Pfaffenkrieg). Среди причин этого столкновения Б.-У.

Хергемёллер отмечает две основных: борьбу за право назначения священника в церковь св. Ульриха и спор об учреждении городских школ [145, S. 51]. Но, по нашему мнению, изложенный выше материал свидетельствует, что конфликт между администрацией и духовенством Брауншвейга имел более глубокие корни и назревал в течение многих десятилетий.

«Война священников» проходила в 1413-1420 гг.; основными враждебными группировками в ней являлись, с одной стороны, городской Совет, который поддержали цехи и внецеховые ремесленники, с другой стороны – руководство штифтов [147, S. 461]. В то же время значительная часть приходского духовенства выступила на стороне города, в частности – приняв участие в «согласительной комиссии», готовившей от имени Совета проект предложений для рассмотрения высшими инстанциями [145, S. 54]. Брауншвейгская герцогская династия приняла сторону штифтов, обвинив Совет в насильственных действиях. Диапазон средств, применявшихся противниками, был широким: от процессий на городских улицах до неоднократных письменных обращений к папе римскому для разрешения спорных вопросов.

Исследуя конфликт, историки не дали его периодизации. На наш взгляд, в «войне священников» можно выделить три этапа, различавшихся методами борьбы враждовавших сторон и участием внешних сил. В 1413-1414 гг. конфликт развертывался в рамках города, и высшей инстанцией при его решении выступала герцогская власть. В 1415-1418 гг. причины столкновения рассматривались на церковном Соборе в Констанце. Можно утверждать, что на его решения влияла материальная заинтересованность чиновников папской курии. Так, представитель штифтов Иоганн ван Эмберн, находившийся в Констанце, истратил около 900 гульденов, большая часть которых пошла на «подарки» должностным лицам [145, S. 57]. Так же действовали и представители городского Совета. На завершающем этапе конфликта основную роль в его решении сыграли постановления высшей

церковной инстанции – папской курии. Они были конкретизированы в договоре между городским Советом и штифтами от 25 февраля 1420 г., завершившем конфликт.

В соглашении 1420 г. было затронуто большинство спорных пунктов. В вопросе о патронате над церковью св. Ульриха штифт св. Власия поступился правом назначения священника, но оно перешло не к Совету, а к герцогу Бернду, который за это передал штифту часовню Штекленбург [92, S. 323]. В соглашении не упоминались имена претендентов на должность священника, однако этот вопрос был решен в пользу штифта: вакантное место занял его кандидат Иоганн Мунштеде [147, S. 76]. Однако решение других проблем свидетельствует, что Совет и его союзники также достигли определенных успехов. Прежде всего были упразднены все отлучения от Церкви, объявленные с начала «войны священников». Кроме того, штифты обязывались платить городу налог на их здания (ранее церковная недвижимость налогом не облагалась). Не были забыты в соглашении и викарии штифтов, которые приняли в конфликте сторону Совета: они должны были получить доходы от церковных служб, не выплачивавшиеся им на протяжении шести с половиной лет – с самого начала «войны священников» [92, S. 325-328]. По нашему мнению, все эти мероприятия не позволяют оценить одну сторону исключительно как победителя конфликта, а другую – как побежденную. Для прекращения «войны священников» обеим группировкам пришлось пойти на взаимные уступки, поэтому договор 1420 г. следует рассматривать как компромисс. Подобный исход характерен для ряда столкновений между администрацией и клиром в ганзейских городах Германии позднего средневековья: Люнебурге, Оснабрюке, Ростоке [57; 147].

Правовое положение приходского духовенства Брауншвейга после «войны священников» претерпело некоторые изменения. Основным средством обеспечения священника в XV в. стал лен (Lehen), который предоставлялся ему за выполнение службы. Священники были лишены права

единолично назначать и смещать служителей приходской церкви. Эти полномочия перешли к городскому Совету [144, S. 7-8].

Невзирая на эти ограничения, Римско-Католическая Церковь к исходу средневековья сохраняла в Брауншвейге сильные позиции. Всего к началу XVI в. в Брауншвейге действовало около 60 церквей, монастырей и капелл [165, S. 26]. Общее число городского духовенства в 1520 г. составляло 450-500 человек [83, S. 3], т. е. около 3 % населения города, насчитывавшего в это время более 15 тыс. жителей [137, S. 22]. Разветвленный штат духовенства и церковных чиновников вызывал недовольство горожан своим постоянным стремлением к обогащению.

Одним из наиболее ярких проявлений эксплуататорской политики Римско-Католической Церкви являлась продажа индульгенций, охватившая всю Германию. В Брауншвейге в 1227-1509 гг. были проданы индульгенции 144 видов [235, S. 137]. Они зачастую были связаны с установленными папой римским «юбилейными годами» Церкви. Эти даты не только привлекали паломников в Рим, но и давали папскому престолу возможность направлять своих представителей в различные территории. Так, в Брауншвейге неоднократно выступали представители Церкви с проповедями о необходимости приобретать индульгенции: в 1451 г. – кардинал Николас фон Куэс, в 1488 г. и 1503 г. – кардинал Раймундо Перауди, в 1502 г. – эрфуртский теолог-августинец Иоганн Пальтц. Их выступления давали существенные результаты: так, с 4 по 7 марта 1503 г. в Брауншвейге было продано индульгенций на сумму в 3895 гульденов. Целью этой торговли провозглашалась организация крестового похода против турок-османов. Треть собранной суммы – 1298 гульденов – была передана кардиналу Перауди, а остальные деньги – штифту св. Власия на хранение до организации похода [100, S. 10-11]. Когда выяснилось, что поход не состоится, ни кардинал, ни штифт не стали возвращать горожанам деньги. Вполне понятно, что в результате подобных злоупотреблений недовольство бюргерства папским Римом постоянно нарастало.

Стремясь пресечь его и расширить свое влияние, Римско-Католическая Церковь в начале XVI в. создает в Брауншвейге т. н. «Союз клира» (*Unio cleri*). В него входили представители высшего духовенства города: аббат монастыря св. Эгидия, деканы штифтов св. Власия и св. Кириака, прелаты семи приходских церквей (св. Мартина, св. Екатерины, св. Андреаса, св. Магнуса, св. Ульриха, св. Петра и св. Михаила). «Союз клира» контролировал всю церковную жизнь Брауншвейга и преследовал нарушения ее правил. Контроль над исполнением наказаний поручался особому лицу в штате церковных чиновников – упомянутому выше официалу [121, S. 374-375; 165, S. 27]. Создание «Союза клира» – еще одно доказательство того, что конфликты между Церковью и горожанами, а также в среде самого духовенства в начале XVI в. уже не были для Брауншвейга чем-то новым.

«Война священников» внесла некоторые изменения в организацию школьного образования в городе. В результате этого конфликта при церквях св. Мартина и св. Екатерины были организованы первые городские школы. Для этого потребовалось разработать целый ряд документов – причем папские постановления не свидетельствуют о целенаправленной политике в сфере образования [171, S. 232]. В феврале 1415 г. на Соборе в Констанце папа Иоанн XXIII предоставил Совету Брауншвейга привилегию об учреждении школ при упомянутых приходских церквях [238, S. 13-15]. Но она была отменена уже через полгода, когда Иоанн XXIII был лишен папского титула, тем же Собором, подтвердившим монополию трех монастырей в школьной системе Брауншвейга «на вечные будущие времена» [85, S. 24]. Тем не менее, город продолжил борьбу. Первым шагом к достижению поставленных целей стала отмена в 1418 г. герцогом Берндом запрета учреждать новые школы [79, S. 15-17]. Затем потребовалось отправлять миссии к папскому двору и тратить значительные суммы на подарки [168, S. 69]. С этой целью делегату Совета Тидерику Фритце, ездившему в Болонью и Мантую, было выделено 700 гульденов [145, S. 58]. Только в 1419 г. папа Мартин V учредил новую привилегию об основании

двух «городских» школ [239, S. 18-19]. В 1420 г. она была закреплена договором между Советом и капитулом штифта св. Власия.

Термин «городские» не означал светского характера обучения в новых школах. Церковь сохранила право контроля над ними. В ряде пунктов договора 1420 г. наблюдалось сходство с прежними школами. Дисциплины тривиума оставались основными учебными предметами: «первым искусством для молодежи» вновь была названа грамматика [277, S. 20]. Учителя новых школ были монахами бенедиктинского монастыря св. Эгидия [184, S. XL].

В течение долгого времени после учреждения городские школы действовали на основе постановления 1420 г. Лишь в 1478 г. был принят «Устав прелатов и Совета», оговаривавший порядок управления как монастырскими, так и городскими школами. Во главе их находились ректоры, подчинявшиеся либо духовным лицам (соответственно аббату монастыря св. Эгидия и деканам штифтов св. Власия и св. Кириака), либо светской администрации (в школе св. Мартина – Совету Альтштадта, в школе св. Екатерины – Совету Хагена) [259, S. 23]. В качестве помощников ректоров «Устав прелатов...» называл бакалавров. Но если труд ректоров оплачивался из средств учеников, то жалованье бакалавров этим документом не оговаривалось; по-видимому, его размеры зависели от воли руководителя школы [184, S. XLIV]. Не изменилась и учебная программа: основными предметами, как и в более ранних уставах, были названы «свободные искусства», в частности – грамматика, а также музыка [259, S. 22]. Предписания, касавшиеся организации, дисциплины и содержания учебы монастырских и городских школ, не особенно отличались друг от друга [ср.: 259, S. 22-23; 257, S. 24].

Монастырские и городские школы Брауншвейга относились к т. н. «латинским» школам. Вместе с тем в городе начали создаваться «немецкие» школы, где обучение было ориентировано на практические интересы бюргерства: основными предметами в них были немецкий язык, письмо и

арифметика. Эти учебные заведения подвергались постоянным преследованиям со стороны Церкви, которая видела в них угрозу собственной монополии в области образования [69, с. 129]. Большинство этих школ действовало нелегально. Они назывались «закоулочными школами» (Winkelschulen), поскольку обычно открывались на окраинах города для того, чтобы избежать контроля и преследований.

Отрицательное отношение Церкви к организации новых учебных заведений ограничивало возможности горожан получить образование. Особенно это касалось детей из беднейших семей, родители которых не имели возможности оплачивать обучение. Для этих детей единственной возможностью получить образование были стипендии. Некоторые бюргеры, сознавая тяжесть положения детей низших слоев городского населения, стали завещать свое имущество на стипендии. Так поступил, например, городской синдик Хинрик Вуншторп в завещании, написанном в 1514 г. [171, S. 534]. Но благотворительность отдельных лиц не могла решить проблему, которая приобрела социальный характер.

На исходе средневековья наблюдалось такое явление, как фактическое закрепление должностей в городской администрации за представителями определенных родов. Так, упомянутый выше Хинрик Вуншторп был не единственным членом своей семьи, входившим в магистрат Брауншвейга. Представители этого рода были городскими писцами, а также клириками в Гамбурге и Любеке. Многие из них, прежде чем занять должность, учились не только в «латинской» школе, но и в университете [287, S. 81]. Итак, возможность или невозможность получить образование свидетельствовала, что расслоение среди городского населения в позднее средневековье усилилось.

С. Киршнер указывает, что гуманистические планы развития образования не были широко восприняты в Брауншвейге [178, S. 40], но не объясняет причин такой ситуации. По нашему мнению, основным фактором стало отсутствие в городе «организующей силы» для гуманистов.

Брауншвейг не был ни университетским центром, как Росток или Эрфурт, ни княжеской резиденцией, как Гейдельберг, ни епископским центром, как Страсбург. Соответственно, гуманисты не могли здесь рассчитывать ни на должность преподавателя, ни на поддержку при дворе либо епископской кафедре. Не был этот город и таким крупным центром торговли, как Аугсбург или Нюрнберг, где в роли меценатов выступали представители патрициата. В Брауншвейге конца XV – начала XVI вв. мы видим лишь отдельных деятелей, которых можно считать гуманистами: писца Германа Боте [94], ректора школы св. Мартина Иоганна Лафферда, бюргера Тилеманна Циренбергера, который в 1494 г. так охарактеризовал положение дел в брауншвейгских школах: «Языческую литературу, т.е. латинских классиков, тут совсем не изучают; латинские поэзия и риторика совершенно неизвестны; усилия прилагаются только к [изучению] грамматики и диалектики» [цит. по: 183, S. 452].

К началу XVI в. школьная система Брауншвейга в ключевых пунктах (подбор штата преподавателей, оплата их труда, учебная программа) оставалась тесно связанной с традициями культурного развития предыдущих столетий и в первую очередь – с Римско-Католической Церковью как главным идеологическим институтом средневекового общества. Учеба в школах и университетах в ряде случаев была предпосылкой для успешной службы их выпускников в качестве юристов и чиновников: писцов, нотариусов, синдиков [78, S. 43]. Так, в конце XV – начале XVI вв. в Совет были избраны Конрад Грундманн (впоследствии – городской канцлер), Иоганн Зеебург и Кристоф Куппенер, получившие юридическое образование в Болонье [120, S. 130-134]. Но вывод В. Дотцауэра о масштабной «Реформации» городского права, сделанный на основании этих примеров, представляется недостаточно убедительным [120, S. 133]. Высшее образование получала только небольшая часть представителей власти: за период 1400-1517 гг. из всех членов магистратов Брауншвейга (включая как «общий Совет», так и Советы районов) лишь 24 учились в университетах

хотя бы один семестр [286, S. 516]. Можно заключить, что уровень образования не был решающим фактором при выборе городской администрации.

Среди брауншвейгского духовенства не было гуманистически образованных людей. Гуманизм не оказал серьезного влияния на религиозную жизнь во всей Германии [237, p. 99]. Причины, на наш взгляд, коренились в ориентированности гуманизма не на массовое сознание, а на сравнительно узкий слой образованных людей. В.М. Володарский видит в аристократизации идеалов гуманистов результат контроля со стороны властей, усилившегося в эпоху Реформации [4, с. 113]. Но политика правителей лишь закрепила тенденцию, выраженную в самой сущности гуманизма.

Положение Римско-Католической Церкви в средневековом Брауншвейге в основном не отличалось от ее положения в других городах и землях Германии. Как и в других территориях, здесь к исходу средневековья существовало много проблем, связанных как с деятельностью отдельных иерархов, так и с общей политикой католицизма. Наибольшее недовольство горожан вызывало откровенное корыстолюбие клира, особенно представителей папского Рима. В предреформационную эпоху Римско-Католическая Церковь единолично решала, что является истинной верой; это был один из существенных факторов ее власти [38, с. 249]. Кризис усиливался из-за нежелания Церкви осуществлять назревшие преобразования: она поддерживала свое могущество путем запретов и карательных мер. Хотя после 1420 г. вплоть до начала XVI в. выступлений против клира в этом городе не происходило, постепенно складывались предпосылки для столкновения – более масштабного, чем «война священников». Борьба против злоупотреблений Церкви, начавшаяся в Германии в первой четверти XVI в., охватила и Брауншвейг.

2.2. Раннее евангелическое движение в Брауншвейге (1517-1525 гг.)

После выступления Мартина Лютера с «95 тезисами» в нижнесаксонских землях, как и в других территориях Германии, развернулась борьба за обновление Церкви. Произведения Лютера, в которых осуждались злоупотребления Римско-Католической Церкви, начали распространяться и в Брауншвейге: так, «Проповедь об отпущении грехов и милости» была издана в городе вскоре после написания, весной 1518 г. [165, S. 28]. Работы Лютера публиковал печатник Ганс Дорн, работавший в Брауншвейге с 1506 г. и издававший книги на нижненемецком диалекте (литературный немецкий язык – «Hochdeutsch» – утвердился здесь только во второй половине XVI в.) [211, S. 40].

Лютеровские идеи распространялись в Брауншвейге и благодаря пропаганде бродячих проповедников. Хроника зафиксировала прибытие в этот город в 1520 г. подмастерьев из курфюршества Саксонского, которые «долго работали здесь; они пели духовные песни и привозили с собой книги Лютера» [цит. по: 93, S. 95].

В распространении идей Реформации в Брауншвейге принял участие и Томас Мюнцер, который в 1514-1515 гг. был проповедником в местной церкви св. Михаила [93, S. 105-107]. Покинув Брауншвейг, Мюнцер не утратил связей с его жителями. Так, ректор школы св. Мартина Генрих Ханнер обратился к нему летом 1517 г. с просьбой разъяснить некоторые теологические вопросы, связанные с индульгенциями. При этом Ханнер отметил размах торговли индульгенциями, которую проводили монахи-проповедники [248, S. 70-71]. Мюнцер вел переписку и с брауншвейгским купцом Гансом Пельтом. В частности, весной и летом 1521 г. он обратился к Пельту с письмами, в которых упоминал о рассмотрении «дела Лютера» на Вормском рейхстаге [см.: 93, S. 105]. В ответах Пельт называл себя горячим приверженцем Лютера, а также перечислял других городских жителей,

«почитающих Христа и учение Мартина (Лютера – С.К.)» – пивовара Иоганна Хорнбурга, писца Марсилия, бюргеров Ганса Кеттелера и Петера Хуммеля [234, S. 71-76].

Именно Петер Хуммель еще в 1518 г. порекомендовал прочесть «Проповедь об отпущении грехов и милости» Готтшалку Крузе, в то время – монаху бенедиктинского монастыря св. Эгидия [194, S. 102]. Непосредственное ознакомление с идеями Лютера, которого Крузе до этого считал еретиком, привело к тому, что молодой монах решил продолжить образование в Виттенберге. С 22 апреля 1520 г. до декабря 1521 г. Крузе обучался в Виттенбергском университете; 17 октября 1521 г. ему была присвоена степень бакалавра теологии. К концу этого года Готтшалк Крузе возвратился в Брауншвейг и начал чтение лекций по Евангелию от Матфея [193]. Первоначально они предназначались для послушников и монахов монастыря св. Эгидия [165, S. 28; 194, S. 105]. Вскоре, однако, лекции стали посещать священники приходских церквей и бюргеры. Этот момент В. Шписс рассматривает как исходную точку реформационного движения в Брауншвейге, указывая на популярность выступлений Крузе среди населения [262, S. 48]. Кроме Брауншвейга, Крузе читал лекции в близлежащей деревне Фолькмароде.

Чтобы адекватно оценить значение лекций Крузе, следует учесть общую ситуацию в Германии. После Вормского рейхстага 1521 г., на котором Лютер и его сторонники были преданы имперской опале, нужно было обладать немалым мужеством для выступления с популяризацией их идей. При этом, если в ряде городов Германии евангелическое движение приобрело размах уже во второй половине 1521 г., то ситуация в Брауншвейге была иной. Деятельность Крузе вызвала гнев как у декана штифта св. Власия Иоганна Блекера, так и у брауншвейгско-вольфенбюттельского герцога Генриха Младшего. В январе 1522 г. Крузе под их давлением оставил Брауншвейг и направился в Виттенберг [165, S. 28].

Год спустя Крузе возвратился в Брауншвейг и вновь приступил к чтению лекций – на этот раз о Послании к Римлянам; на них присутствовал аббат монастыря св. Эгидия Дитрих Кох, а также духовенство и миряне. Это обстоятельство дало повод противникам Крузе обвинить его в организации еретической школы. 19 марта 1523 г. по приказу герцога Генриха для задержания Крузе в Фолькмароде были направлены 30 рейтар; проповедника им схватить не удалось, но они арестовали и отправили в Вольфенбюттель (резиденцию Генриха Младшего) его единомышленника Иоганна Хорнбурга [194, S. 107]. Крузе вновь вынужден был покинуть родной город, на этот раз – до конца жизни (он скончался в 1540 г.). Последовав совету Лютера, он направился в город Целле в герцогстве Брауншвейгско-Люнебургском (местный герцог Эрнст был приверженцем Реформации), где разработал Люнебургский церковный устав, а также проповедовал [93, S. 91; 194, S. 110-140].

Возникает вопрос: справедливо ли рассмотрение деятельности Готтшалка Крузе в Брауншвейге как начала Реформации? Для ответа следует прежде всего обратить внимание на продолжительность его деятельности как лектора. В первом случае лекции читались им менее месяца: уже 2 января 1522 г. ландтаг в Зальцдалуме постановил, что герцог Генрих не желает терпеть выступлений Крузе в своей земле [165, S. 28]. Повторное пребывание Крузе в Брауншвейге длилось в течение примерно такого же времени: с середины февраля до 19 марта 1523 г. [194, S. 107]. Таким образом, выступления Крузе продолжались недолго. Наше несогласие с авторами, которые провозглашают его лекции началом евангелического движения, мы можем аргументировать тем, что массового отклика на них не последовало, и преобразования в церковной жизни города не были проведены. Поэтому говорить о лекциях Крузе как о «начале Реформации в Брауншвейге» [165, S. 27; 262, S. 48], по нашему мнению, нельзя.

В.-Д. Морманн полагает, что лекции Крузе были связаны с коммунальным движением 1513 г. [217, S. 63]. Однако в этом конфликте

против Совета Брауншвейга выступил прежде всего городской плебс [236, S. 85]. Аудитория Крузе существенно отличалась от движущих сил выступления 1513 г.: она включала преимущественно духовенство и бюргерство. Вполне вероятно, что духовные и светские власти опасались распространения евангелических идей среди беднейшего населения в будущем и вследствие этого поспешили пресечь проповедь. Но при этом оценивались только возможные последствия, а не непосредственные результаты.

На наш взгляд, важнейший итог выступлений Крузе – это не прямое, но опосредованное их воздействие. Лично Крузе контактировал со сравнительно малочисленной аудиторией, однако некоторые его слушатели позднее приняли участие в распространении евангелических идей, хотя при этом вынуждены были переехать в другие города. Так, приор монастыря св. Эгидия Герман Бокхайстер покинул Брауншвейг и стал пастором во владениях герцога Эрнста; позднее он возвратился в город и до смерти являлся проповедником в приходской церкви св. Магнуса. Аббат Дитрих Кох также оставил монастырь и учился в Виттенбергском университете; позднее он вернулся в Брауншвейг [194, S. 108-109]. Судьбу Крузе в определенной мере повторил учитель школы при церкви св. Екатерины Николай Деций, также покинувший Брауншвейг весной 1523 г. [82; 194, S. 109] В 1529 г. Деций стал проповедником в померанском городе Штеттин [143, S. 157].

Таким образом, распространение идей Реформации в Брауншвейге в начале 20-х гг. XVI в. было связано не с личностью одного человека – Лютера, Мюнцера, Крузе или кого-то еще. Оно протекало в русле широкого процесса коммуникации на основе социальных, родственных, дружеских, профессиональных связей [93, S. 115]. Это объясняет, почему после изгнания Крузе популяризация идей Реформации в Брауншвейге не прекратилась. Основную роль в этом сыграли не сторонники Крузе из числа духовенства: они вынуждены были оставить город. Главным условием распространения

идей Реформации стало наличие среды, воспринимавшей принципы евангелизма.

В число пропагандистов нового учения, помимо духовенства, входили и бюргеры. К ним принадлежал пивовар Иоганн Хорнбург, получивший образование в университетах Виттенберга, Лейпцига и Болоньи. Он преследовался как еретик (в частности, за несоблюдение постов) католическим духовенством которое нашло поддержку у светских властей [93, S. 98; 244, S. 9]. Вынужденный покинуть Брауншвейг по решению городского Совета, Хорнбург не прекратил выступлений против официальной Церкви. После его ареста в 1523 г. ряд знакомых Хорнбурга примкнул к кружку интеллигенции, группировавшейся вокруг городского врача Эвриция Корда. В этот кружок вошли, в частности, ректор школы св. Мартина Иоганн Лафферд, юрист Генрих Штаппензен и городской синдик Левин фон Эмден [216, S. 177; 244, S. 36]. Еще до прибытия в Брауншвейг Корд был знаком с идеями Лютера. Возможно, этому помог другой гуманист – Тилеманн Конради из Геттингена, юрист и поэт, который присутствовал в апреле 1521 г. на Вормском рейхстаге [125, S. 1305] и мог поделиться с Кордом впечатлениями о «деле Лютера». В Брауншвейге Эвриций Корд работал в 1523-1525 гг.

Деятельность кружка Корда свидетельствует о росте популярности евангелических идей в Брауншвейге. Однако она еще не доказывает, что эти идеи приобрели массовую поддержку среди бюргерства и что Реформация уже осуществлялась. Для этого с новыми идеями должно было ознакомиться большинство горожан, а не узкая группа наиболее образованных людей; важнейшим же показателем этого ознакомления служит движение, направленное на преобразование церковной жизни. В 1523 г. такого явления не наблюдалось.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли оценивать самого Эвриция Корда как последовательного сторонника Реформации, ее идеолога в Брауншвейге? Имеющиеся данные не позволяют ответить на него

утвердительно. Мироззрение Корда, о котором можно судить по сохранившимся письмам и эпиграммам, более характерно для гуманиста, жившего в переходный исторический период, когда изменялся сам характер гуманизма. Кульминационным пунктом в развитии Северного гуманизма явилась именно Реформация. Ее начало совпало с наиболее активной борьбой гуманизма против схоластики. Она же привела к расколу среди гуманистов с присоединением их к различным политическим лагерям. Дальнейшее развитие гуманизма А.Н. Немилов определяет как «эрудитское консервирование» [49, S. 50].

Корд иронизировал по адресу малообразованных бюргеров с их сосредоточенностью на бытовых заботах и нежеланием думать о более сложных вещах. По его печальному замечанию в эпиграмме, обращенной к Иоганну Лафферду, «единственный способ распространить среди горожан Евангелие – подмешать его в их пиво; горького лекарства, которым является Евангелие, они пить не хотят» [см.: 165, S. 33]. Но сам он не предлагал бюргерам этого «горького лекарства», предпочитая обсуждать подобные проблемы с немногими образованными единомышленниками. Корд не искал способов изменить современное ему общество. Уже в 1525 г. он покинул Брауншвейг, после чего трудился в Марбурге, а затем переехал в Бремен, где и умер в 1535 г.

Среди наиболее активных приверженцев Реформации в Брауншвейге в 1521-1523 гг. следует также назвать Антония Корвина. Его деятельность, подобно выступлению Крузе, заключалась в чтении лекций по Евангелиям. Именно из-за нее Корвин в 1523 г. был обвинен в ереси и изгнан из цистерцианского монастыря Риддагсхаузена, расположенного недалеко от Брауншвейга [165, S. 32]. Впоследствии Корвин действовал не только в Брауншвейге, но и в других городах Нижней Саксонии.

Таким образом, в 1521-1523 гг. евангелическое движение в Брауншвейге развертывалось менее успешно, чем в Саксонии и Тюрингии. Объяснения «отставанию» Реформации в Брауншвейге от этих территорий

исследователями пока не предложены. Вывод о том, что в Нижней Саксонии не была выдвинута самобытная форма реформаторской теологии [210, S. 235], лишь констатирует результат без объяснения его причин. На наш взгляд, основным препятствием для распространения евангелизма в Брауншвейге было то, что его сторонники в этот период не формулировали программы переустройства местной церковной организации: они выступали только как распространители нового вероучения, обращаясь к сравнительно небольшой части городского населения. Поэтому приверженцам Реформации в Брауншвейге необходимо было искать новые способы воздействия на массы.

Наряду с лекциями важным средством пропаганды евангелических идей в начале 20-х гг. XVI в. стали «летучие листки». Ганс Пельт сообщал Мюнцеру, что после Вормского рейхстага читал сатиру, в которой сторонник Лютера «магистр Ислевен» (подразумевался Иоганн Агрикола из Эйслебена) высмеивал приверженцев Рима: Тецеля, Экка, Альфельда и Эмзера [234, S. 74]. О распространении реформационной публицистики в Брауншвейге упоминал также Эвриций Корд в письме от 24 июня 1524 г. к эрфуртскому реформатору Иоганну Лангу: «[Здесь] распространяются «летучие листки» против священников; возможно, это – предвестники будущих волнений, если Бог их не предотвратит» [цит. по: 165, S. 33].

«Летучие листки» и устная агитация способствовали тому, что жители Брауншвейга постепенно превращались в участников евангелического движения. Летом 1524 г. в Брауншвейге состоялся диспут – первое публичное обсуждение вопросов о почитании святых и Причастии. На нем выступали францисканец Эберхард Рунге и доминиканец Андреас Людер, отстаивавшие нерушимость принципов средневекового католицизма. Но некоторые горожане (брат Иоганна Хорнбурга Петер, городской писец Марсилиус, магистр Иоганн Лафферд, юрист Сандер) поддержали идеи Лютера об отказе от паломничества к «святым местам» и праве мирян

причащаться под двумя видами [93, S. 112; 165, S. 33]. Эти требования отвечали стремлению бюргеров создать «дешевую» Церковь.

Помимо диспутов, середина 20-х гг. XVI в. примечательна еще одним новым для Брауншвейга явлением – распространением евангелической проповеди, ориентированной на бюргерство. Проповедь являлась элементом богослужения и в Римско-Католической Церкви. Однако в ее рамках проповедь сводилась к пересказу на немецком языке тех же текстов Библии, которые во время мессы звучали по-латыни, и, таким образом, не была основной частью богослужения; проповедник в средние века являлся лицом, подчиненным приходскому священнику [262, S. 51]. Теперь же проповедники в своих выступлениях начали затрагивать важные проблемы церковного культа, решать которые они предлагали на основе текстов Библии. Среди духовенства Брауншвейга одним из первых против догм католицизма выступил священник церкви св. Ульриха Гросскопф, поддержавший на диспуте 1524 г. идеи Лютера. 5 марта 1525 г. капеллан Курт Гротеваль выступил в приходской церкви св. Мартина с критикой постов [165, S. 34].

Начало проповедей такого рода доказывает: евангелическое движение в Брауншвейге с 1524 г. стало более массовым, чем в 1521-1523 гг. Выступления сторонников Реформации, находя отклик среди горожан, с середины 20-х гг. XVI в. переросли в масштабное движение. И если действия отдельных противников церковные власти подавляли, продолжая политику запретов и преследований, то преодолеть широкую оппозицию в среде бюргерства они не могли.

Каковы же причины усиления позиций сторонников Реформации в Брауншвейге? По-видимому, активность проповедников была связана с ростом массового интереса к новым идеям. Следует учитывать, что в 1524-1525 гг. многие регионы Германии были охвачены Крестьянской войной. Восставшие крестьяне в ряде случаев выступали совместно с бюргерством, чьи позиции наиболее полно были выражены в Гейльброннской программе.

Показательно первое требование этого документа: «Все духовные лица должны быть реформированы» [6, с. 201]. Оно отражало суть т. н. «общинной Реформации». П. Бликле применяет это понятие и к «бюргерской Реформации», и к «крестьянской Реформации», отмечая их общее требование – слушать истинное Евангелие и жить в соответствии с ним [89, р. 100]. Иерархия Римско-Католической Церкви должна была смениться проповедниками, назначавшимися и смещавшимися с должности только общиной.

В Брауншвейгско-Вольфенбюттельском герцогстве Крестьянская война не приобрела такого размаха, как в Швабии, Тюрингии, Саксонии и Франконии. В. Шписс отмечает: выступления за стенами городов мало влияли на местное бюргерство [262, S. 51]. Такая ситуация объясняется особенностями развития Нижней Саксонии по сравнению с территориями основных боевых действий. Этот регион отличался меньшей степенью раздробленности, чем Тюрингия или юго-запад Германии, и соответственно – меньшим произволом феодалов, сравнительно малой плотностью городского населения, а также некоторым расширением крестьянского землевладения за счет секуляризации части монастырских земель [236, S. 88-95].

Тем не менее, власти Брауншвейгско-Вольфенбюттельского герцогства, по-видимому, опасались распространения Крестьянской войны на свою территорию. Этим можно объяснить жесткость репрессивных мер к сторонникам Реформации, даже если они не предпринимали активных действий, а лишь проповедовали. С началом Крестьянской войны для властей стала окончательно ясна связь евангелических идей с социальными требованиями. Судьба первых брауншвейгских проповедников – яркий пример того, как Римско-Католическая Церковь стремилась пресечь распространение «лютеранской ереси». Гросскопф за поддержку на диспуте 1524 г. лютеровских идей был изгнан из Брауншвейга. Так же поступили и с Гротевалем; в ходе Крестьянской войны он стал полевым проповедником

[165, S. 34]. Обострение социальной борьбы заставило власти искать виновников среди проповедников нового учения.

Таким образом, в 1517-1525 гг. Реформация в Брауншвейге являлась прежде всего идейно-теоретическим движением. До 1524 г. ее приверженцы были сравнительно немногочисленны и их выступления подавлялись церковными и светскими властями. Но затем, в результате распространения идей евангелизма среди бюргерства, учение Реформации начало приобретать массовую поддержку среди жителей Брауншвейга.

2.3. Формирование территориальной евангелической церковной организации в Брауншвейге (1526-1528 гг.)

После поражения Крестьянской войны в Германии начался новый этап Реформации. Инициатива в проведении преобразований постепенно переходила к территориальным властям. В советской историографии период германской истории 1525-1555 гг. традиционно определялся как «княжеская Реформация». Однако такая оценка не учитывала того обстоятельства, что поздняя Реформация была связана не только с действиями князей, но и с политикой городов – как имперских, так и княжеских.

В апреле 1526 г. «Союз клира», действовавший в согласии с консервативным большинством городского Совета Брауншвейга, запретил городским проповедникам вводить церковные новшества под угрозой отстранения от должности [130, S. 9; 244, S. 25]. Запрет распространялся как на продажу «лютеранских» произведений, так и на изменения в богослужении [216, S. 183]. Очевидно, эту санкцию следует рассматривать как реакцию не на единичные случаи, а на распространенное явление, причем настолько широкое, что либо церковные, либо светские власти справиться с ним не могли.

В то же время приверженцы Римско-Католической Церкви в Брауншвейге осознали необходимость новых способов борьбы против Реформации. Они заключались в апелляции к массам – средстве, ранее примененном сторонниками евангелизма. В 1525-1526 гг. в городе действовал уже упоминавшийся францисканец Рунге, прибывший из Ганновера; центром его выступлений стала церковь св. Ульриха [130, S. 9]. Рунге, в частности, возражал против изложения в проповедях для горожан Послания апостола Павла к Римлянам [165, S. 35].

Насколько же эффективной была борьба католического духовенства со своими противниками в Брауншвейге? По нашему мнению, именно разнообразные запреты и попытки найти поддержку в массах доказывают: старая политика Римско-Католической Церкви зашла в тупик. Но и новые меры не помогали держать население города под контролем. Помимо распространения евангелической проповеди, важным результатом Реформации стало преобразование богослужения. Еще в 1524 г. службы во всех церквях Брауншвейга отправлялись по католическому обряду [117, S. 58]. Но уже в 1526 г., несмотря на запрет, в приходских церквях Брауншвейга исполнялись духовные песни на немецком языке. Более того, в апреле этого же года, вопреки запрету каноника, на немецком языке также прошло пасхальное богослужение в соборе [216, S. 126].

О том, что ни карательные меры, ни агитация Римско-Католической Церкви во второй половине 20-х гг. XVI в. уже не достигали цели, свидетельствует, в частности, сообщение Гебеля Шикенберга – монаха августинского штифта Беддекена (вблизи Падерборна). Весной 1527 г., в период поста, Шикенберг посетил город для ежегодного сбора ренты и оставил описание своих впечатлений: «Во время поездки в Брауншвейг я испытывал большую тревогу и страх... Находиться на здешних улицах было неприятно. К сожалению, куда бы мы, бедные духовные лица, ни прибывали, нас презирают [повсюду], во всех землях. Те, кого я встречал на дорогах или в городах, осмеивали меня и швыряли [в меня] камнями и навозом. Еще

жители Брауншвейга очень часто ели масло и яйца – и это во время поста!.. Кроме того, возле Брауншвейга находится деревня, пастор которой также впал в заблуждения, поскольку он причащал своих прихожан под двумя видами, хлебом и вином. Это привлекло многих бюргеров из Брауншвейга, которые также ходили туда и могли рассказать о новом порядке [Причастия]. Совет узнал об этом и запретил это горожанам. И когда я находился там, то нашлось от 20 до 40 таких [бюргеров], которые вместе обратились к Совету и заявили, что они тоже требуют, чтобы их к нынешней Пасхе в Брауншвейге причащали под двумя видами – или же они отправятся к пастору за город и хотели бы видеть, кто им это запретит. Потому хотелось бы, чтобы разразился сильный гнев Господа Всемогущего, чтобы все кончилось благополучно; поскольку все они в Брауншвейге охвачены новой ересью» [цит. по: 165, S. 36].

Злоклучения Шикенберга – характерное явление для Германии эпохи Реформации. Авторитет монашества был основательно подорван его многочисленными злоупотреблениями. Но самым примечательным в письме представляется не описание насмешек над монахом, а характеристика развития Реформации. Если в 1525 г. капеллан Гротеваль вынужден был оставить город за один призыв отказа от постов, то в 1527 г. эта идея уже широко реализовывалась, и бюргеры не опасались санкций за нарушение принципов католицизма. Столь же показателен факт требования причащения под двумя видами. Хотя «Союз клира» и Совет за год до этого запретили любые нововведения в богослужении, бюргеры не собирались подчиняться запрету.

Решительность бюргеров, на наш взгляд, связана с изменением политической ситуации в Германии во второй половине 1526 г. Первый Шпейерский рейхстаг, проходивший в июне – августе 1526 г., рассмотрел ряд вопросов церковного культа и богослужения. Евангелическая группировка отстаивала на рейхстаге право священников вступать в брак, право мирян причащаться под двумя видами, упразднение частных месс и

исповедей по принуждению. Главным в содержании проповеди должно было стать не толкование Евангелия священнослужителями, а непосредственное изложение самих идей Священного Писания [207, S. 165]. Императорская власть признавала себя неспособной решить религиозный вопрос в общегерманском масштабе. Это решение она вверяла территориальным властям [13, с. 52]. 27 августа 1526 г. рейхстаг постановил, что в отношении предписаний Вормского рейхстага об искоренении Реформации имперские чины могли поступать так, чтобы впоследствии ответить перед Богом и императором [222, S. 274]. Таким образом, Первый Шпейерский рейхстаг закрепил стремление немецких князей к неограниченному господству в своих владениях – т. н. территориализации (Territorialisierung). Реформация ускорила этот процесс и дала ему правовое обоснование; этим объясняется заинтересованность некоторых князей в ее продолжении [90, S. 217]. Со второй половины 20-х гг. XVI в. становление Евангелической Церкви все больше зависело от политики местных властей. Характерной чертой поздней Реформации стал процесс утверждения территориальной церковной организации, связанной с поддержкой светской власти. Эта помощь имела решающее значение как для усиления лютеранства, так и для сохранения католицизма [246, S. 271].

Как же продолжалась в это время Реформация в Брауншвейге? Следует отметить, что, невзирая на санкции церковных и светских властей, осенью 1527 г. в приходских церквях этого города отправляли богослужение уже восемь евангелических проповедников: Генрих Лампе и Иоганн Ольдендорп – в церкви св. Магнуса, Лудольф Петерсен – в церкви св. Мартина, Генрих Папе – в церкви св. Петра, Конрад Думе – в церкви св. Андреаса, Ричард Швайнфусс и Иоганн Виссель – в церкви св. Ульриха, Иоганн Копманн – в госпитальной церкви св. Марии [86]. Эти священнослужители действовали в несколько иных условиях, нежели Гросскопф, Гротеваль и другие представители «первой волны» сторонников Реформации среди брауншвейгского духовенства. Они обращались к аудитории, которая уже

восприняла идеи Реформации и начала их отстаивать; поддержка масс способствовала продолжению нововведений. Так, Генрих Лампе (один из наиболее молодых проповедников, знавший греческий и еврейский языки) и Иоганн Ольдендорп перед Рождеством 1527 г. совершили обряд Крещения на немецком языке и причастили прихожан под двумя видами [262, S. 54].

Деятельность евангелических проповедников по-прежнему не санкционировалась городским Советом. На наш взгляд, позиции магистратов в этот период следует определить как выжидательные. Совет уже не запрещал евангелических проповедей и изменений в богослужении, но и не торопился их признавать. В то же время высшее духовенство не желало смириться с фактической утратой своего влияния в городе. Поскольку «Союз клира» уже не мог контролировать ситуацию в Брауншвейге, в дело вмешались иерархи Церкви. 2 января 1528 г. Совет получил письмо архиепископа Альбрехта Майнцкого. В нем отмечалось, что пропаганда лютеранских идей и преобразование богослужения противоречат как постановлениям церковных Соборов, так и решениям Вормского рейхстага. На основании этого Альбрехт требовал пресечь распространение Реформации в Брауншвейге [165, S. 42].

Это письмо, видимо, оказало только временное воздействие. Первоначально под влиянием протестов герцога Генриха Младшего и архиепископа Майнцкого Совет отложил решение вопроса об изменении богослужения. На заседании в марте, однако, магистраты отметили: «Всем проповедникам официально было предписано проповедовать чистое, ясное и подлинное Святое Евангелие и Слово Божье» [цит. по: 165, S. 42]. Эта формулировка, по сути, закрепляла евангелическую трактовку проповеди.

На наш взгляд, для таких позиций Совета существовало, по крайней мере, две причины. Во-первых, в самом Совете уже сложилась группировка сторонников Лютера; ее возглавлял городской синдик Левин фон Эмден [163, S. 34]. А во-вторых, к этому времени городские общины открыто заявили Совету о своих требованиях; их сформулировал юрист и лицензиат права

Сандер, выпускник Лейпцигского университета, в 1524 г. участвовавший в религиозном диспуте в Брауншвейге. На встрече магистратов с представителями гильдий и общин (т. н. «бюргерской комиссией» в составе 140 человек) он перечислил требования горожан: признание лютеранской проповеди, соответствие Таинства Причастия Евангелию, устранение ряда злоупотреблений духовенства и приглашение в город ученого проповедника [165, S. 40; 216, S. 128; 273, S. 16].

Последнее требование Совет осуществил прежде всего. Возможно, «отцы города» согласились на это, чтобы при новых критических высказываниях или враждебных действиях архиепископа и светских властей указать конкретного виновника нарушений – «ученого проповедника», не связанного с городом. «Ученый проповедник» был привлечен из лагеря сторонников Реформации. В конце февраля в Брауншвейг прибыл выпускник Лейпцигского университета, лицензиат теологии Генрих Винкель; 1 марта 1528 г. в церкви св. Мартина состоялась его первая проповедь [158, S. 15; 216, S. 129].

К моменту прибытия в Брауншвейг Винкель уже участвовал в Реформации. В середине 20-х гг. он с этой целью действовал в Хальберштадте, откуда и был приглашен в Брауншвейг Сандером и городским секретарем Иоганном Альсхаузенем [158, S. 14]. Но систематизировать все нововведения в церковной жизни Брауншвейга и закрепить их официально Винкель не смог. Его деятельность в городе в марте 1528 г. ограничилась проповедью – то есть, по сути, осталась в рамках уже достигнутого жителями города в предыдущие годы.

Возникает вопрос: почему приглашение Винкеля не дало реального результата? Единого ответа исследователи не дают. В. Юнке полагает, что «для бескомпромиссного проведения Реформации он (Винкель – С.К.) оказался слишком снисходителен» [163, S. 34], однако не подкрепляет свою мысль конкретными примерами снисходительности Винкеля. Э. Якобс указывает, что весной 1528 г. евангелическое вероучение в Германии еще не

являлось общепризнанным [158, S. 15]. Но в общегерманском масштабе подобная ситуация сохранялась и спустя десятилетия. Между тем в Брауншвейге положение изменилось уже в течение нескольких ближайших месяцев.

По нашему мнению, существовало несколько причин этой неудачи. Прежде всего, нужно указать на сравнительно малый опыт практической деятельности Генриха Винкеля. Он исчерпывался проведением Реформации в Хальберштадте в 1526 г., где Винкель не встретил серьезного противодействия городского Совета и бюргерства [158, S. 12]. До прибытия в Брауншвейг ему не приходилось действовать в атмосфере острой идейной борьбы, испытывать серьезное давление со стороны церковных и светских властей.

Недостаточный авторитет Винкеля для жителей Брауншвейга мог быть связан и с тем обстоятельством, что он не был широко известен не только в этом городе, но и за его пределами. Винкель не был лично знаком с ведущими деятелями Реформации и сам не принадлежал к числу ключевых фигур в евангелическом движении. По сути, он являлся «человеком со стороны» не только для Брауншвейга, но и для Виттенберга – центра евангелизма.

Дополнительной трудностью являлось и то обстоятельство, что городским Советом не был определен официальный статус «ученого проповедника» в Брауншвейге. Винкелю не было поручено исполнять четкий круг обязанностей. Фактически он действовал как гость, приглашенный в город для чтения лекций и проповедей, а не как реформатор, стремящийся утвердить новшества законодательным путем. Эта цель не была поставлена, что создавало трудности для дальнейшего развития Реформации в Брауншвейге.

Осознав, что приглашенный теолог едва ли сможет преобразовать устройство церкви в одиночку, городское население выступило с собственными инициативами. Март 1528 г. ознаменовался разработкой

нескольких проектов Реформации, которые были предложены как городскими властями, так и бюргерами. Первым из них стал «Устав» из 18 пунктов, выдвинутый Советом города после встречи с представителями гильдий и общин 11 марта 1528 г. [216, S. 129-130].

Предложения, содержащиеся в «Уставе Совета», можно разделить на три основные группы: отправление богослужения; отношение к римско-католическому культу; урегулирование отношений между бюргерами и духовенством и санкции к нарушителям. Главным достижением программы Совета было признание «истинного Евангелия» как основы проповеди (пункт 1) [230, S. 46]. Проповедники должны были отправлять богослужение и в монастырях – по согласию с их руководством (пункт 3). «Устав Совета» допускал возможность причащения мирян под двумя видами, но и причащение под одним видом не запрещалось (пункты 10-11). Двойственность сохранялась также в трактовке Таинства Крещения: допускались и лютеранский «Чин Крещения», и «Чин Крещения» Римско-Католической Церкви (пункт 8). «Устав Совета» сохранял Таинство Исповеди, но предусматривал возможность бюргеров обращаться к «разумным, ученым людям» в качестве духовников (пункт 4) [230, S. 46]. О. Мёрке справедливо замечает, что авторы этой программы пытались пойти навстречу всем группам [216, S. 130].

«Устав Совета» доказывает, что необходимость реформ уже была осознана властями Брауншвейга, которые стремились не утратить управления городом. Компромиссный характер этого проекта проявился и в признании существования монастырей. Наиболее прочных же институтов Католической Церкви в городе – штифтов – «Устав Совета» не упоминал вовсе, видимо, опасаясь гнева их могущественных светских покровителей.

Одной из основных проблем церковной жизни в Брауншвейге конца 20-х гг. XVI в. было изъятие икон из приходских церквей [281, S. 24]. Подобное явление наблюдалось практически во всех городах Германии, охваченных евангелическим движением. «Устав Совета» предусматривал

изъятие икон и статуй из церквей (пункт 6), но городские власти не собирались делать это немедленно, отмечая: любое самовольное действие с применением насилия будет рассматриваться как выступление против Совета и караться властями (пункт 17) [230, S. 46-47]. Примечательно также стремление ограничить инициативу бюргеров в осуществлении Реформации. Для возможных дополнений к «Уставу...» требовалось либо согласие главы гильдии, либо обращение к Совету руководства общины (пункт 16). Стихийные собрания горожан «Устав...» запрещал (пункт 15). Санкции – вплоть до смещения с должности – за «неподобающие их службе высказывания» могли применяться и к проповедникам (пункт 14) [230, S. 46]. Очевидно, что подобная формулировка подчиняла проповедников светской власти. Проблем же городской жизни, прямо не связанных с церковными делами, «Устав Совета» не рассматривал. Этот проект лишь фиксировал некоторые возникшие изменения, но не предлагал дальнейших преобразований.

Слабое внимание «Устава Совета» к социальным проблемам не могло удовлетворить массы бюргерства. 13 марта 1528 г. гильдии и общины Брауншвейга вручили Совету свои варианты замечаний к предложенному им проекту. Наиболее развернутый перечень дополнений подала община Хагена [243]. По сути, она подготовила самостоятельную оригинальную программу Реформации, выдвинув в ней на первый план социальные требования. Важнейшим из них был проект создания «общей кассы» (*gemeinen Kasten*).

Создание «общих касс» было характерно для Германии эпохи Реформации. Средневековая система благотворительности опиралась на добровольные пожертвования и раздачу подаяния; распорядительницей этих имуществ выступала Церковь [23, с. 148-149]. Ситуация изменилась на рубеже средневековья и раннего нового времени, когда бедность и нищенство стали массовыми явлениями. Уже в XV в. городские Советы в некоторых случаях выступали распорядителями завещанного имущества бюргеров; власти также начали разделять просителей милостыни на «своих»

и «чужих», отказывая в подаении нищим из других городов. Но только в эпоху Реформации стала создаваться коммунально-общинная система социальной опеки бедняков [23, с. 154]. Впервые эта задача была сформулирована в «Новом порядке города Виттенберга», утвержденном в январе 1522 г. городским Советом под давлением радикального бюргерства и плебса [228, S. 560-561].

С развитием Реформации «общие кассы» возникли и в других городах Германии, поскольку проблема бедности и нищенства в XVI в. приобрела небывалую прежде остроту [15, с. 132]. Эти учреждения взяли на себя благотворительные функции в связи с закрытием монастырей, приютов, госпиталей и других заведений Римско-Католической Церкви, ранее решавших вопросы призрения бедняков и нищих. Реформаторы полагали, что в их ведение перейдут церковные и монастырские владения, которые станут экономической базой деятельности «общих касс». Согласно «Новому порядку города Виттенберга», руководство «общей кассой» возлагалось на четырех выборных представителей бюргерства, в подчинении которых находились счетоводы и казначеи; контроль над ней осуществлял бургомистр. Средства этого учреждения должны были пополняться как за счет ежегодных взносов бюргеров, так и за счет конфискованного церковного имущества; их предполагалось расходовать на оказание помощи беднякам, нищим, сиротам, вдовам, а также на выплату стипендий одаренным детям бедных горожан [7, с. 288].

Действительность внесла некоторые изменения в этот проект. Лейснигский устав, принятый в 1523 г. при участии Лютера, постановил: «общая касса» создается на основе бюргерских пожертвований, обеспечивавших нужды Церкви, школы и призрение бедняков. Контроль над расходами осуществляла комиссия из представителей Совета, дворянства, бюргерства и крестьянства [229]. Лейснигский устав юридически оформил основы новых взаимоотношений между общиной верующих и городской администрацией [95, S. 7-9; 247, S. 24-25]. О передаче в «общую кассу»

конфискованного имущества Церкви в более поздних уставах уже не говорилось. Князья и магистраты не стремились выпускать эти средства из своих рук, перекладывая обеспечение низших слоев населения на плечи бюргерства. Были разработаны специальные «уставы о бедных» (Armenordnungen): Нюрнбергский, Регенсбургский, Кельнский, Фрейбургский [138, S. 428]. Согласно им, городские власти и зажиточные бюргеры принимали на себя ответственность за обеспечение малоимущих: так, Нюрнбергский устав 1522 г. поручал распределение пожертвований двум членам Совета и десяти бюргерам [225, S. 68]. Такой порядок подчеркивал заботу администрации о беднейших горожанах, что должно было стабилизировать социальные отношения и предупредить массовые волнения [23, с. 158]. Эта задача стала особенно актуальной после 1525 г., когда власти стремились избежать повторения событий Крестьянской войны.

Община Хагена предложила именно такой принцип организации «общей кассы». Управление этим учреждением возлагалось на четырех выборных лиц, представлявших Совет, гильдии и общины (статья 1). Речь шла не о конфискации церковных имуществ, но только о взносах бюргеров – «милостыне». В программе отмечалось: главная задача «общей кассы» – «препятствовать бедности» [243, S. 50]. Но и такое мероприятие было важным нововведением для бюргерства Брауншвейга. Социальные проблемы ранее неоднократно были здесь причиной коммунальных движений – в частности, в 1374-1386 гг.

Программа хагенской общины предлагала и другие дополнения к проекту Совета. Основным из них было право общины приглашать проповедника и смещать его после нескольких предупреждений, если проповеди не соответствуют Евангелию (статья 2) [243, S. 50]. Бюргеры, таким образом, поддержали фундаментальный принцип «общинной Реформации». Но это направление к тому времени зашло в тупик. После Крестьянской войны судьба предложенных Лютером реформ зависела

главным образом от позиций императора и князей [13, с. 52]. Инициатива бюргеров теперь могла реализоваться лишь при одобрении ее властями.

Другие требования общины Хагена основывались на идее свободного распространения Евангелия. Проповедники должны были беспрепятственно выступать в богадельнях, госпиталях и приютах, содержащихся на средства Церкви (статья 10). Штифты не должны были требовать от бюргеров принимать Таинства по католическому обряду (статья 8) [243, S. 51]. Была также отмечена потребность приходских школ при церквях св. Мартина и св. Екатерины в компетентных ректорах и учителях, сочетавшаяся с требованием закрыть как «закоулочные» школы, так и школы штифтов (статья 6). Ставился вопрос оплаты труда проповедников (статья 9). Предлагалось, наконец, официально разрешить духовенству вступать в брак (статья 11) [243, S. 52]. При реализации этих предложений сторонники евангелизма заметно усилили бы свои позиции в Брауншвейге, хотя и без полной ликвидации институтов католицизма.

Совет Брауншвейга в целом позитивно воспринял программу общины Хагена [165, S. 52]. Для утверждения подобных решений необходимо было создать документ общегородского масштаба. В принципе же противостоять воле большинства бюргерства городские власти не решались. Для характеристики обстановки в городе в это время важны сведения лиц, посетивших Брауншвейг весной 1528 г. Так, 31 марта 1528 г. в городе для сбора ренты вновь побывал Гебель Шикенберг, оставивший такие записи о своих впечатлениях: «Здесь отправляют немецкую мессу и едят мясо в течение поста..., и никто не может служить мессу иначе, как по новому еретическому способу. Они запретили монастырям проповедовать или служить мессы. Только в соборе их еще служат по нашему порядку; как долго [это будет продолжаться], известно [только] Богу. Боже, наставь всех нас на истинный путь к спасению» [цит. по: 165, S. 52]. Но призывы сторонников католицизма не могли воспрепятствовать Реформации.

Периодизация, предложенная О. Мёрке, который выделял деятельность «бюргерских комиссий» в особый, предшествующий «Реформации Совета», этап [216, S. 174], представляется недостаточно обоснованной. Первоначально требования бюргеров о преобразовании Церкви выдвигались стихийно, хотя и повторялись неоднократно. Лишь в феврале 1528 г. «бюргерские комиссии» организованно выдвинули эти требования, но и Совет менее чем через месяц откликнулся на них собственным проектом Реформации, который повлиял на новые предложения общин. Деятельность «бюргерских комиссий» и «Реформация Совета» – явления не последовательные, а взаимосвязанные и в какой-то степени дополняющие друг друга, поэтому целесообразнее рассматривать их как один этап евангелического движения в городе.

Таким образом, в средние века Католическая Церковь в Брауншвейге вела консервативную политику, стремясь упрочить свое могущество и избежать реформ. Пользуясь поддержкой герцогской династии, она сосредотачивала в своих руках земельные владения и денежные средства. Влиянию Церкви была подчинена и городская система образования. Совет Брауншвейга, состоявший из представителей патрициата, не входил в конфликты с местным духовенством. Однако в конце XIV в. ситуация изменилась вследствие усиления позиций бюргерства, занявшего часть мест в администрации и в результате получившего возможность вмешательства в городскую политику. Расхождение интересов бюргеров с притязаниями клира привело к масштабному конфликту – «войне священников» 1413-1420 гг. Это столкновение выявило многочисленные противоречия между бюргерами и духовенством Брауншвейга в финансовых, правовых, образовательных вопросах. Завершение конфликта показало, что Церковь уже не могла сохранить полное господство в этих сферах, но и Совет не располагал силами для обеспечения решающего перевеса.

Отдельные реформы местной церковной организации не изменили суть взаимоотношений между бюргерами и духовенством, между администрацией

и иерархами Брауншвейга. Несмотря на потерю некоторых источников обогащения, и после «войны священников» клир сохранил основные финансовые ресурсы. Средства, которые духовенство получало от горожан (благодаря многочисленным требам, мессам «по заказу», а также распространению индульгенций), аккумулировались в монастырях и церквях Брауншвейга либо пополняли папскую казну. Контроль над сохранением такого положения осуществлял «Союз клира», благодаря которому иерархи могли согласовывать свои действия. Власть Католической Церкви идейно обосновывалась и зависевшими от нее школами Брауншвейга, практически не затронутыми влиянием гуманизма. Нарастание недовольства горожан в этих условиях стало закономерным явлением. Учение Мартина Лютера было воспринято в Брауншвейге в одно время с другими регионами Германии, но его реализация стала длительным процессом.

Как же на фоне общего развития Реформации оценить события евангелического движения в Брауншвейге 1517-1528 гг.? Неудачи выступлений Крузе, Корда, Корвина, а также миссии Винкеля, как нам представляется, не позволяют говорить об «успешном пути» Реформации в этом городе до весны 1528 г. В сравнении с ее распространением в таких районах, как Саксония и Тюрингия, Реформация в Брауншвейге выглядит явно запоздавшей. До середины 20-х гг. XVI в. успехи евангелизма в Брауншвейге были частными и, как правило, кратковременными.

Ситуация несколько изменилась в результате проведения Первого Шпейерского рейхстага 1526 г., после которого на стороне Реформации открыто выступили некоторые князья и Советы ряда городов Германии. Этот внешний фактор положительно повлиял на утверждение евангелизма и в Брауншвейге. Во второй половине 20-х гг. XVI в. проповедь заняла центральное место в службах, проводившихся в церквях Брауншвейга, что характерно уже для евангелического богослужения. Это стало важной предпосылкой формирования новой территориальной церковной организации. Для завершения этого процесса требовалось одобрение

городских властей: Реформация, поддерживавшаяся «снизу», нуждалась в утверждении «сверху».

Между программами Реформации, выдвинутыми Советом и бюргерством, существовали определенные расхождения. «Третьим судьей» в такой ситуации мог стать человек, не зависевший от отдельных внутригородских группировок, но достаточно авторитетный для всех этих сил. Генрих Винкель не смог выступить в этом качестве в силу причин как объективного, так и субъективного характера. Для продолжения Реформации в Брауншвейге необходимо было привлечь более опытного и авторитетного среди сторонников евангелизма деятеля.

Таким образом, 1517-1528 гг. являются периодом раннего евангелического движения в Брауншвейге. В это время оно развивалось как «общинная Реформация», опираясь на инициативу бюргеров. В дальнейшем ведущая роль в утверждении Реформации перешла к городским властям.

ГЛАВА 3.

ИОГАНН БУГЕНХАГЕН: УЧЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1485-1528 гг.)

3.1. Начало пути (1485-1520 гг.)

Утверждение евангелической церковной организации в германских землях во многих случаях осуществлялось с помощью специально приглашенных людей. К числу лиц, сыгравших наиболее значительную роль в распространении Реформации в Германии, принадлежал Иоганн Бугенхаген – один из ближайших сподвижников и друзей Мартина Лютера.

Мировоззрение реформатора формировалось достаточно долгое время, под влиянием различных идейных течений. Это формирование началось еще в ранний период деятельности Иоганна Бугенхагена, но только в ходе Реформации его позиция окончательно определилась. После переезда в Виттенберг Бугенхаген вел разностороннюю реформаторскую деятельность. Это впоследствии обусловило успешное участие Бугенхагена в преобразовании церквей и школ Брауншвейга и других территорий Германии.

Иоганн Бугенхаген родился 24 июня 1485 г. в померанском городе Воллин, в семье члена городского Совета Герхарда Бугенхагена. Воллин, как и большинство городов Померании, не обладал самоуправлением и был подчинен герцогу [197, S. 13]. Родился мальчик в день св. Иоанна, что и определило выбор имени для новорожденного [139, S. 21]. Его фамилия, предположительно, связана с названием местности Букхаген, где в XIII в. был основан цистерцианский монастырь Нойенкамп. По-видимому, родители Иоганна принадлежали к третьему сословию, хотя в тот же период в Померании жил и рыцарский род фон Бугенхагенов [197, S. 13].

О детстве Иоганна Бугенхагена почти ничего не известно. Реформатор не оставил воспоминаний о раннем периоде своей жизни, поэтому трудно судить, какую роль в его воспитании сыграли его родные и близкие. Неизвестно, сколько братьев и сестер было у Иоганна; более поздние источники упоминают только троих – брата Герхарда, сестер Анну и Катерину [см.: 197, S. 14]. Неизвестно также, где именно Бугенхаген учился в школе – в Воллине или в близлежащем Штеттине, и какое влияние оказала учеба на формирование его мировоззрения. К.А.Т. Фогт, ссылаясь на составленную Меланхтоном биографию Бугенхагена, говорит о «любви к Священному Писанию», проявившейся у Иоганна уже в детстве и юности [279, S. 4]. Однако, учитывая то, что знакомство двух реформаторов состоялось только в 1521 г., трудно поверить, чтобы Меланхтон располагал точными сведениями о событиях более чем тридцатилетней давности. Его характеристика скорее напоминает традиционные фразы юбилейных жизнеописаний, чем реальную картину жизни. Можно предполагать, что Иоганн Бугенхаген с юных лет приобщился к культуре Римско-Католической Церкви, но вряд ли он уже в то время глубоко задумывался над догматикой христианства и церковной историей. Для этого требовались более глубокие знания.

Окончив школу, Иоганн Бугенхаген в 1502 г. поступил на артистический факультет университета в Грейфсвальде. По его окончании осенью 1504 г. Бугенхаген был приглашен попечителем городской школы Трептова на пост ее ректора; городской Совет утвердил его кандидатуру. Год спустя к этой должности прибавились обязанности нотариуса в монастыре Бельбук [149, S. 5]. Аббат этого монастыря обладал правом патроната над всеми городскими церквями и над трептовской школой [196, S. 10]

Совмещение Бугенхагеном различных обязанностей не помешало их успешному выполнению. Его деятельность на посту ректора способствовала тому, что трептовская школа приобрела известность за пределами Померании. Сюда поступала молодежь из Лифляндии и Вестфалии [139, S.

54-55]. В частности, здесь с 1514 г. учился будущий лифляндский реформатор Андреас Кнопкен [149, S. 15]. Выпускники школы Кристиан Кетельхут и Иоганн Куреке позднее также стали сторонниками Реформации и проводили ее в середине 20-х гг. XVI в. в Штральзунде [197, S. 10]. Вероятно, тому, что Кнопкен, Кетельхут и Куреке стали теологами, способствовала учеба под руководством Бугенхагена, который к тому времени определил свой путь. В 1509 г. он принял посвящение в духовный сан, после чего стал викарием коллегии священников при городской церкви св. Марии в Трептове.

Уже в это время Бугенхаген проявил глубокий интерес к изучению Священного Писания. Исследователи не могут однозначно решить, что именно послужило решающим толчком к этим занятиям [196, S. 11]. Можно предположить, что основным мотивом было осознание Бугенхагеном своей недостаточной подготовленности к деятельности священнослужителя. Учеба в Грейфсвальдском университете была недолгой; к тому же он обучался только на подготовительном – артистическом факультете и не овладел программой теологического факультета. Вследствие этого Бугенхагену пришлось самостоятельно восполнять пробелы в знаниях [167, S. 112]. А это помогло тому, что вместо усвоения готовых догм он развил в себе способность к анализу источников, не ограничиваясь изучением наследия средневековых авторитетов – схоластов. В его письме к мюнстерскому гуманисту Иоганну Мурмеллию (1512) встречается просьба указать имена современных философов и теологов, произведения которых полезны для сопоставления их с трудами отцов Церкви – Иеронима, Амвросия и Августина [112, S. 3]. В ответном письме Мурмеллий посоветовал Бугенхагену обратиться к работам Пико делла Мирандолы, Рейхлина и Эразма Роттердамского [112, S. 6].

Переписка между Мурмеллием и Бугенхагеном продолжалась и в последующие годы [154, S. 355]. В письме Бугенхагена к Мурмеллию от 1 сентября 1515 г. речь шла об изучении ректором трептовской школы трудов

Альберта Великого и Бонавентуры [112, S. 7]. Брат Бугенхагена Герхард, в то время также преподававший в Трептове, лично посетил мюнстерскую школу [197, S. 14]. Кроме того, в 1512 г. Бугенхаген направил в Мюнстер четырех учащихся своей школы для продолжения учебы под руководством Мурмеллия [111, S. 2].

О профессионализме Бугенхагена – преподавателя, в частности, об основательных познаниях в области латинского языка, свидетельствует тот факт, что в 1519 г. в Копенгагене был издан его учебник «Правила грамматики». Он являлся первой частью пособия по латинскому языку; в качестве второй части была издана книга Мурмеллия, умершего двумя годами ранее [84, S. 2]. То, что издатели сочли возможным объединить работу Бугенхагена с книгой одного из выдающихся представителей «Северного Возрождения», показывает, что ректор трептовской школы приобрел авторитет далеко за ее пределами.

Таким образом, уже на раннем этапе своей деятельности Бугенхаген общался с гуманистами. Г. Геринг и К.А.Т. Фогт полагают, что влияние гуманизма Бугенхаген испытал уже во время учебы в Грейфсвальдском университете [149, S. 3; 279, S. 5]. Р. Шмидт указывает, что на рубеже XV-XVI вв. здесь преподавали приглашенные померанским герцогом Богиславом X итальянские гуманисты – юрист Петр Равеннский и его сын Винцентий; ректор университета, юрист Николас Лове также был дружен с гуманистами: его имя упоминалось в стихах Ульриха фон Гуттена [252, S. 95-96]. Отмечается также возможное влияние на Бугенхагена Германа фон Буша – впоследствии одного из авторов «Писем темных людей» [250, S. 7]. После преподавания в Ростокском университете Буш в начале XVI в. переехал в Грейфсвальд, где читал лекции по латинской грамматике, «Запискам о галльской войне» Цезаря и сатирам Лукиана. Среди его слушателей мог быть и Бугенхаген, занимавшийся в этот период на артистическом факультете. Р. Штупперих безоговорочно определяет преподавание Буша в университете, побудившее студентов изучать античное наследие и вновь возродившее

гуманистические идеалы, как «удачу» для Бугенхагена [272, S. 50]. Высказывания на этот счет других исследователей более сдержанны. В частности, Г.-Г. Ледер отмечает, что в период учебы молодого померанца в университете преобладали консервативно настроенные преподаватели; ранее приглашенные в Грейфсвальд гуманисты либо покинули университет (Петр Равеннский оставил город весной 1503 г.), либо были оттеснены на второй план [197, S. 14]. На наш взгляд, в период учебы в университете повышенного интереса именно к гуманизму со стороны Бугенхагена не наблюдалось. Этот интерес возник позднее, в период напряженных размышлений над Библией.

Ранние теологические работы Бугенхагена позволили А. Бибер определить его позицию до 1520 г. как положение «между реформой и Реформацией». При этом отмечается сходство ряда положений в трактовке Евангелия у Бугенхагена и Эразма Роттердамского, а также критика, высказанная обоими мыслителями в адрес многочисленных теологических школ и духовных орденов [88, S. 308-309]. Гуманисты этого периода выступали прежде всего как моралисты [167, S. 109]. Деятельность Бугенхагена в период заведования трептовской школой дала основание М. Брехту для вывода о близости померанского теолога к христианским гуманистам [96, S. 78]

Морально-этическая проблематика, действительно, составляла важный аспект трудов Бугенхагена. Однако главным объектом его профессионального интереса постоянно оставалось Священное Писание. Вскоре после посвящения в сан Бугенхаген приобрел известность среди духовенства и бюргерства как экзегет [197, S. 15]. Его знание Библии углубилось в результате получения новой должности. В 1517 г. аббат Иоганн Больдеван учредил в Бельбуке школу, стремясь подготовить монахов к будущему духовному служению; Бугенхагену было поручено читать в ней лекции по Священному Писанию. «После этого назначения, – вспоминал Бугенхаген, – я должен был читать в аудитории [книгу] Евангелиста Матфея;

тогда я обратился к истории страданий, смерти и Воскресения Христа, углубился в работу во имя Господа и с большим усердием собрал в надлежащем порядке в одну книжечку истории страстей и Преображения Господа нашего Иисуса Христа из всех четырех Евангелий» [цит. по: 84, S. 3]. Помимо Евангелий, в программу лекций вошли Псалтирь, Первое послание к Тимофею, Десять заповедей, «Верую» и «Отче наш» [250, S. 7].

Кроме того, Бугенхаген во время пребывания в Трептове был привлечен к работе, не связанной непосредственно с деятельностью Церкви. В 1517 г. померанский герцог Богислав X получил просьбу саксонского курфюрста Фридриха Мудрого: собрать и упорядочить документы, легенды и предания по истории Померании. Эту работу герцог поручил Бугенхагену, которому в поисках старинных актов и хроник потребовалось изучать архивы монастырей, школ и замков на всей территории герцогства [149, S. 7]. Несмотря на то, что эта работа не оплачивалась, уже в мае 1518 г. Бугенхаген закончил составлять фундаментальный труд «Померания», в котором свел воедино наиболее важные материалы по истории этой земли. Работа состояла из четырех частей: в первой содержалось общее описание территории и ранней истории Померании; во второй описывалась история христианизации Померании и близлежащего острова Рюген; в третьей рассказывалось о распространении там христианства до правления Богислава X; в четвертую вошли дополнения, легенды и примечания [84, S. 3]. Написание «Померании» – еще одно доказательство тщательного подхода Бугенхагена к работе с источниками как по церковной, так и по светской истории. Структура и содержание этой книги свидетельствуют: для Бугенхагена наиболее важными представлялись события, связанные с историей Церкви.

Разделяя по отдельным вопросам гуманистическую критику Церкви, Бугенхаген сожалел о том, что духовенство не соблюдает предписания Библии в повседневной жизни. Однако до 1520 г. он еще не был активным участником идейной борьбы, разворачивающейся в немецком обществе. Сам он позднее оставил такое замечание на полях своей проповеди того времени:

«Эту речь произносил я, Иоганн Бугенхаген, тогда еще молодой человек и папист, обращаясь к духовенству в Бельбуке и также – к народу... Отсюда можно видеть, как сильно я хотел быть христианином; но время заблуждений тогда еще не прошло» [цит. по: 279, S. 13]. Как отметил Г.-Г. Ледер, источники к биографии Бугенхагена до октября 1520 г. не содержат сведений об ознакомлении ректора трептовской школы с произведениями Лютера [197, S. 17]. При этом следует заметить, что лютеровские идеи к тому времени были известны и в Померании. В Штральзунде их пропагандировал горожанин Генрих Витте, полемизировавший на диспуте с местными монахами-доминиканцами. Кроме того, уроженцы Померании, обучавшиеся в Виттенберге, также могли распространять у себя на родине сведения об идейной борьбе. В частности, в этот период в Виттенбергском университете учился друг Бугенхагена Петер Суаве (впоследствии – реформатор в померанском городе Штольп) [149, S. 12-13]. Невозможно представить, что ректор трептовской школы не имел представления о дискуссиях, развернувшихся вокруг взглядов Лютера. Однако о том, как Бугенхаген воспринял новые идеи, в источниках 1517-1520 гг. ничего не говорится.

Не свидетельствует о том, что Бугенхаген разделял или отвергал лютеровские идеи, и проповедь, произнесенная им в монастыре Бельбук в день святых Петра и Павла в 1519 г. Ее содержание – своеобразный итог первого периода деятельности Бугенхагена – теолога. В ней было подчеркнуто, что главное место в проповедях духовенства должно принадлежать собственно Библии. Бугенхаген сокрушался, что в проповедях «часто содержится мало слов Священного Писания, хотя они богаты многочисленными основаниями к размышлению, как мы узнаем из единственного псалма, если внимательно его прочитаем». Но Бугенхаген вспоминал и труды Эразма Роттердамского, «память о котором не исчезнет в будущих поколениях» [цит. по: 279, S. 15]. Таким образом, ректор трептовской школы признавал авторитет как апостолов христианства, так и современных ему представителей «христианского гуманизма».

В мировоззрении Бугенхагена в этот период преобладали моралистические идеи, с которыми он обращался к верующим: «Ты скажешь: во имя чего я должен жить? Самое главное – уверовать, что Христос, если ты прежде всего ищешь Царства Божьего и Его правосудия, даст тебе все это» [279, S. 23]. С этих же позиций Бугенхаген критиковал недостатки современного ему духовенства [84, S. 6]. Его проповедь подчеркивала, что священники должны прежде всего быть милосердными людьми. Бугенхаген отмечал, что отправление месс еще не делает священника подлинным служителем Бога. Если священник не хочет признавать жертвы Христа и воздавать хвалу Богу, но при этом получает деньги за отправление служб, он будет с этими деньгами предан вечной гибели [279, S. 23]. Однако Бугенхаген не распространял эту критику на всю деятельность Церкви и папского Рима.

Определяющее влияние на последующую деятельность Бугенхагена оказало его ознакомление с работами Лютера, вышедшими в 1520 г. – в частности, с сочинением «О вавилонском пленении Церкви» [202]. Бугенхаген познакомился с ним благодаря священнику трептовской церкви св. Марии Отто Слутову, который в октябре 1520 г. получил из Лейпцига экземпляр этого, только что изданного произведения и сообщил о нем своим знакомым из среды духовенства. По свидетельству автора «Большой Померанской хроники» (1628 г.) Даниэля Крамера, Бугенхаген, едва увидев имя Лютера на титульном листе сочинения «О вавилонском пленении Церкви», заметил: «Хотя после смерти Христа было много еретиков, однако никогда не появлялся столь вредный еретик, как тот, который написал эту книгу» [цит. по: 167, S. 112]. Можно предположить, что Бугенхаген так резко оценил лютеровские взгляды в соответствии с их официальным осуждением Римско-Католической Церковью, не будучи знаком с сочинениями реформатора. Однако произведение «О вавилонском пленении Церкви» коренным образом изменило мировоззрение Бугенхагена [149, S. 15]. Обращаясь к своим коллегам через несколько дней после ознакомления с

этим сочинением, Бугенхаген так выразил свое первое впечатление от него: «Что я должен сказать? Весь мир находится во тьме, и только этому человеку (Лютеру – С.К.) открылась истина» [цит. по: 167, S. 112].

После этого Бугенхаген обратился к Лютеру с просьбой объяснить, каким образом Христос может помочь устроить человеческую жизнь. Сохранился ответ, который Лютер написал на обложке своего трактата «О свободе христианина», присланного им в подарок Бугенхагену: «Ты просил, чтобы я дал тебе определенные предписания для жизни. На самом деле Христу не требуются моральные законы! Ибо Дух веры приводит каждого, кто стремится к Богу и нуждается в братской любви, к Христу. И уже из этого возникает закон. Не все верят Евангелию. Вера проявляется в сердцах» [112, S. 8].

Эта идея нашла отклик в «Прощальном послании к своим ученикам в Трептове», написанном на рубеже 1520-1521 гг. По сути, оно ознаменовало переход Иоганна Бугенхагена на сторону Реформации. Основания для такого вывода содержатся в главных положениях «Прощального послания...»: «Эта вера заключается в том, что ты веруешь во Христа, Сына Божьего, Истинного Спасителя, Который страдал, чтобы освободить нас от оков дьявола... Ты скажешь: что я слышу? Что же здесь нового? Кто же не знает, что Христос является Истинным Спасителем?» [102, S. 23]. Принципиальный момент новизны заключался в том, что вера в Бога для Бугенхагена исключала «страх Божий», угрозу постоянного наказания человека за грехи. Его взгляды совпадали с учением Лютера об оправдании верой. Согласно ему, «козни дьявола» уже были побеждены благодаря жертве Христа, искупившей грехи человечества. «Если ты веруешь во Христа как в Спасителя, необходимо, – наставлял Бугенхаген, – чтобы ты не просил где-то иной святости, но возлагал всю надежду единственно на Него» [102, S. 25]. Вера в искупительную жертву Христа стала для Бугенхагена подлинно христианской верой; сомнение же в этой идее, по его мнению, означает, что человек не является истинным христианином [102, S. 19].

Главным источником христианской веры для Бугенхагена, как и для Лютера, была Библия. «Всеведущий Дух Божий, – утверждал Бугенхаген, – дал нам Священное Писание... Исходя из Священного Писания, следует судить о том, чему учат люди. То, что совпадает с Писанием, является святым и исходящим от Бога. То, что противоречит ему, является заблуждением, исходящим от сил зла, хотя может статься, что тот, кто обучает ему, совершенно не питает злых мыслей. Ибо кому не случилось поступать бездумно или заблуждаться?» [102, S. 15-17].

Именно вера, а не «добрые дела», которые так настойчиво проповедовала Римско-Католическая Церковь, показывала, по убеждению Бугенхагена, подлинным ли христианином является человек. Автор ссылался при этом на Послание к Римлянам, которое характеризует приверженцев исполнения «закона» так: «Не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» (Рим. 10, 3). Он перечислял пути достижения спасения, характерные для сознания средневекового человека: «Каким образом ты хочешь освободиться от грехов? Ты скажешь, что намерен поститься, ежедневно читать по семь псалмов, ходить в церковь, совершить паломничество в Рим». Но, совершаемые сами по себе, все эти действия означали для Бугенхагена только одно: «Ты проявляешь неблагодарность по отношению к Христу, если не безбожие» [102, S. 35].

Божье правосудие и спасение каждого человека, по мнению Бугенхагена, неразрывно связаны с верой этого человека. «Невозможно судить, оправдан ли кто-то, – подчеркивал автор, – иначе, чем только посредством веры во Христа» [102, S. 33]. В другом месте «Прощального послания...» он указал: «Для Бога нет легких грехов, и мы не можем освободиться от них, пока Он нас не освободит. Оставайся тверд в том, что Христос сам определит это» [102, S. 23]. Тех же людей, которые добросовестно запоминают все свои достойные поступки, надеясь их скрупулезным перечислением заслужить оправдание перед Богом,

Бугенхаген относил к фарисеям, безоговорочно осуждавшихся Христом. Тем самым Бугенхаген развивал идеи Лютера, отрицавшего самодовлеющую значимость «добрых дел» для спасения души – фундаментальную доктрину Римско-Католической Церкви – без подлинной личной веры каждого человека.

Сам Бугенхаген свое отношение к Лютеру в «Прощальном послании...» охарактеризовал так: «Я не думаю о Мартине Лютере плохого, поскольку он выводит все из Священного Писания, словам которого я безоговорочно доверяю. Но я не хочу, с одной стороны, опережать суждения ученых, так как я могу не постичь всей глубины вопроса; с другой же стороны, поскольку я не хочу быть обвиненным некоторыми людьми, более неопытными и непосвященными, в том, что навязываю безбожное учение вопреки Христу» [102, S. 29]. Ректор трептовской школы не стремился навязывать другим людям свои новые взгляды. Он настойчиво рекомендовал читателям самим ознакомиться с лютеровским толкованием «Отче наш» и Десяти заповедей. По его мнению, «обе эти книги являются настолько христианскими, что ни один человек не должен пренебрегать ознакомлением с ними – иначе он сам будет настоящим врагом истины» [102, S. 31].

Эти слова свидетельствовали, что Иоганн Бугенхаген в начале 1521 г. еще переживал период исканий. Он сам лишь недавно ознакомился с подлинным учением Реформации, не искаженным его противниками; вполне понятно, что переворот в сознании не мог совершиться мгновенно. Призыв к самостоятельности мышления – одна из важнейших идей «Прощального послания...». Для самого Бугенхагена новые идеи стали руководством к действиям, коренным образом изменившим его последующую жизнь.

3.2. Деятельность в Виттенберге (1521-1528 гг.)

Намерение Иоганна Бугенхагена следовать учению Реформации было реализовано уже в ближайшее время. В период написания «Прощального послания...» (приблизительно в середине марта 1521 г.) он покинул Трептов и переехал в Виттенберг. В источниках не сохранилось указаний на то, каковы были мотивы этого поступка. Вероятно, первоначальной целью переезда была учеба в университете для более глубокого усвоения идей Реформации – ведь именно Виттенберг был ее центром. 29 апреля 1521 г. имя Бугенхагена было внесено в список студентов Виттенбергского университета [272, S. 52].

Вскоре, однако, стало ясно, что знания Бугенхагена могут послужить делу Реформации и без их углубления на студенческой скамье. Бугенхаген быстро сблизился с приверженцами нового учения. Хотя первые встречи с Лютером не дали ему разъяснения всех спорных проблем (сами эти встречи были недолгими, поскольку 2 апреля 1521 г. Лютер уже выехал на рейхстаг в Вормс), Бугенхаген встретил поддержку других реформаторов. В частности, он познакомился с Филиппом Меланхтоном и жил в его доме некоторое время. Меланхтон посвятил Бугенхагену как знатоку сочинений христианских апостолов свое издание Послания к Римлянам на греческом языке с надписью: «По твоему примеру, дражайший Иоганн, мы вверяем себя [апостолу] Павлу» [см.: 149, S. 17]. Кроме того, в доме Меланхтона в распоряжение Бугенхагена был предоставлен отдельный кабинет, что помогло его работе по толкованию Библии.

В течение 1521 г. Бугенхаген пишет комментарии к Псалтири, в которых первоначально видел теологический труд, предназначенный для узкого числа образованных слушателей, в первую очередь – для померанских студентов, обучавшихся в Виттенберге. Но в итоге комментарии стали основой для публичных лекций в Виттенбергском университете; первая из них состоялась 3 ноября 1521 г. [167, S. 102]. Программа лекций значительно расширилась, охватив не только Псалтирь, но и ряд других книг Ветхого и Нового Заветов. Первые лекции Бугенхагена были посвящены Книге Исаяи и

малым Посланиям Павла; затем последовали комментарии к Пятикнижию, Книгам Самуила, Посланию к Галатам, Книгам Царств, Книге Иова и Посланию к Римлянам.

О популярности лекций Бугенхагена говорит, в частности, тот факт, что лектор неоднократно сталкивался с их несанкционированными изданиями типографами – на основе рукописных записей студентов – для последующей продажи. В 1524 г. лекции о Посланиях апостола Павла были опубликованы в Нюрнберге, причем сразу после латинского издания вышел и их немецкий перевод. Эта работа была переиздана и в других городах Германии; известно, по крайней мере, о четырех таких случаях. Узнав об этом, Бугенхаген сам предоставил в распоряжение издателей текст лекции о Послании к Галатам. Она весной 1525 г. была опубликована в Базеле, Страсбурге и Нюрнберге, а в Виттенберге Стефаном Ротом был издан ее немецкий перевод [139, S. 64]. В январе 1527 г. был опубликован составленный на основе лекций комментарий к Посланию к Римлянам [197, S. 27]. Чтение лекций в Виттенбергском университете стало постоянным занятием Бугенхагена – несмотря на то, что официально он был включен в штат преподавателей только в 1533 г., после присуждения ему степени доктора теологии; соответственно, лишь с этого времени его лекции стали оплачиваться [197, S. 22].

Кроме того, Бугенхаген интересовался и ходом Реформации в Померании. В августе 1521 г. он адресовал померанскому духовенству и юристам герцога свое новое послание «О прегрешении вопреки Святому Духу». В нём Бугенхаген настойчиво требовал не предпринимать никаких карательных действий по отношению к сторонникам евангелического движения [196, S. 15]. Вероятно, эта работа помогла приобщить часть духовенства Бельбука к идеям Реформации. После отъезда Бугенхагена среди трептовских священнослужителей возникла группа сторонников евангелизма. Невзирая на преследования со стороны высшего духовенства в лице камминского епископа и его окружения (Каммин был центром диоцеза,

куда входили церкви и монастыри Трептова), этот кружок не прекратил деятельности [149, S. 28]. Сторону Реформации принял и аббат Больдеван, к которому примкнула значительная часть монахов. После того, как большинство их покинуло Бельбук, а сам Больдеван переехал в Виттенберг, монастырь в 1523 г. был закрыт [279, S. 89]. Разумеется, этот факт – не исключительное событие, а часть процесса, охватившего с началом Реформации все земли Германии.

Вскоре после начала преподавательской деятельности в Виттенберге Бугенхаген стал свидетелем нового движения. В конце 1521 г. в городе активизировалась деятельность радикальной бюргерской группировки во главе с Андреасом Карлштадтом. Карлштадт, в частности, доказывал ненужность ученых знаний для понимания Священного Писания и превосходство «народной мудрости» мирян над образованными теологами, призывая закрывать университеты и заниматься физическим трудом. Упадок университетов (в частности – теологических факультетов) делал проблематичной возможность ученой карьеры и вынуждал молодежь искать более перспективные места работы. В январе 1522 г. даже возникла угроза закрытия Виттенбергского университета, так как большинство студентов оставило его, занявшись торговлей, ремеслом и предпринимательством [23, с. 247-250]. Но и в этих условиях Бугенхаген продолжил чтение лекций. В его биографии Филипп Меланхтон утверждал, что в своих выступлениях Бугенхаген критически отзывался о действиях Карлштадта и его сторонников: в частности, осудил «штурм икон», а также отрицательно отнесся к деятельности т. н. «цвиккауских пророков» – Марка Томе, Никласа Шторха и Томаса Дрехзеля, проповедовавших идеи непосредственного Божественного откровения и скорого конца света [см.: 84, S. 11].

На наш взгляд, этим утверждениям вряд ли можно безоговорочно доверять. Следует учесть, что Меланхтон писал биографию Бугенхагена через два десятилетия после виттенбергского движения 1521-1522 гг., когда и Карлштадт, и «цвиккауские пророки» давно утратили влияние в обществе, а

Бугенхаген стал одним из самых известных деятелей Реформации. Между тем, источники 1521-1522 гг. – письма реформаторов и городские хроники – не упоминают имя Бугенхагена в связи с событиями в Виттенберге [284]. По-видимому, Бугенхаген не играл заметной роли в виттенбергских событиях начала 20-х гг. XVI в. Объяснить это можно тем, что за первые полгода пребывания в Виттенберге бывший ректор трептовской школы действовал преимущественно как теолог, а не как пропагандист нового учения. Осенью 1521 г., когда начались выступления радикально настроенной группировки, Бугенхаген только приступил к чтению лекций в университете. По сути, в это время он оставался новичком в лагере Реформации, еще не приобретшим широкой известности.

Уже в следующем году положение начало меняться. В марте 1522 г. в Виттенберг из Вартбурга возвратился Мартин Лютер. Можно предположить, что именно это событие укрепило позиции Бугенхагена среди сторонников евангелизма. Теперь он получил возможность лично общаться с главным вдохновителем Реформации, а Лютер смог оценить эрудицию и энергию своего нового приверженца, которого вскоре после знакомства назвал «первым профессором в городе и округе после Меланхтона» [цит. по: 209, S. 84].

В этом же году произошли изменения и в личной жизни реформатора. На втором году своего пребывания в Виттенберге Бугенхаген обручился и 13 октября 1522 г. вступил в брак. Тем самым он одним из первых среди реформаторов нарушил целибат. Его жена Вальпургия была на пятнадцать лет моложе Иоганна – она родилась 1 мая 1500 г.; ее девичья фамилия и точное происхождение нам неизвестны [84, S. 12]. Судя по сохранившимся воспоминаниям, Вальпургия была достойной супругой. Она неоднократно сопровождала мужа в его поездках за пределы Виттенберга. Ее присутствие рядом с Бугенхагеном не отмечено только во время составления Померанского церковного устава в 1534-1535 гг. За годы брака в семье Бугенхагена родилось шестеро детей, но только трое из них дожили до

совершеннолетия [197, S. 22-23]. После женитьбы Бугенхаген хотел приобрести собственный дом, но стесненное материальное положение – о чем реформатор упомянул в письме от 27 ноября 1522 г. к Георгу Спалатину, секретарю курфюрста Фридриха Мудрого – не позволило этого сделать [112, S. 10]. Видимо, главная причина финансовых трудностей Бугенхагена заключалась в том, что в тот период у него по-прежнему не было постоянно оплачиваемой должности.

В 1523 г. ситуация изменилась. С этого времени Бугенхаген принял активное участие в создании основ новой Церкви в Виттенберге; основными сферами его деятельности стали реорганизация богослужения, школьного дела и благотворительности. Активность реформатора в решении этих задач определялась его новым официальным статусом. В начале осени 1523 г., после смерти виттенбергского пастора Симона Хайнца фон Брюка (брата саксонского канцлера Георга фон Брюка), город несколько недель оставался без проповедника. Первоначально консервативно настроенные представители штифта Всех Святых, под патронатом которого находилась должность проповедника, выдвинули на вакантное место кандидатуру профессора теологии Николауса фон Амсдорфа. Этот выбор упомянут уже в письме курфюрста Фридриха Мудрого от 25 сентября 1523 г., адресованном руководству штифта [232, S. 31]. Однако Амсдорф отказался от предложенной должности без объяснения причин (предположительно, по настоянию Лютера) [96, S. 77]. Тогда городской Совет предложил капитулу штифта две другие кандидатуры: Мартина Лютера, а также священника из Альтенбурга Венцеслауса Линка. Однако между штифтом и Советом возникли расхождения относительно оплаты службы проповедника. В итоге кандидатура Лютера была отклонена; мотивировалось это его «чрезмерной занятостью другими делами». Линку же были предложены более выгодные условия в Альтенбурге, вследствие чего он отказался принять приглашение из Виттенберга [232, S. 84].

После этого Совет принял решение: «согласно учению святого Павла», избрать нового проповедника без консультации с представителями штифта. Мартин Лютер предложил на рассмотрение Совету и городской общине кандидатуру Бугенхагена – как сведущего и критически настроенного по отношению к римско-католической мессе человека. В конце октября предложение было принято; в письме от 2 ноября 1523 г. Совет известил курфюрста об этом решении [232, S. 85]. Таким образом, Иоганн Бугенхаген стал первым человеком, избранным, а не назначенным на должность городского проповедника. С этого времени капитул штифта Всех Святых утратил право патроната над этой должностью. Было провозглашено, что теперь только община определяет, может ли претендент занять пост проповедника, хотя фактически неугодных лиц мог сместить с этой должности и саксонский курфюрст.

Бугенхаген оставался виттенбергским проповедником, невзирая на последующие длительные поездки в другие города и земли по делам Реформации, до самой смерти, т.е. до 1558 г. [84, S. 13]. Он отклонил ряд обращений о переезде из Виттенберга для постоянной службы в другом месте. Так, в 1541 г. датский король Кристиан III предлагал Бугенхагену занять должность епископа в княжестве Шлезвиг. Однако реформатор ответил на это приглашение так: «Я никогда не покину этого города [Виттенберга]. Здесь я проповедую, читаю лекции в школах, пишу, преобразую [Церковь] курфюршества Саксонского, экзаменую, посвящаю в священники, направляю [в разные места] проповедников, молюсь вместе с нашей Церковью и препоручаю всё Небесному Отцу во имя нашего ГОСПОДА Иисуса Христа» [71, с. 352].

Верность Виттенбергу Бугенхаген сохранил и позднее – в ситуации, когда он мог возвратиться на родину и получить там высокую должность. В 1544 г. Бугенхагена приглашали вернуться в Померанию на место епископа в городе Каммин; причем, еще до того, как поступило это предложение, он уже был избран на должность. Но Бугенхаген отверг и эту просьбу, мотивируя

отказ тем, что мирские заботы будут отвлекать его от ученых занятий и молитв [197, S. 23]. После каждой поездки в разные германские земли и за их пределы Бугенхаген возвращался в Виттенберг и продолжал проводить там богослужения.

В 20-е гг. XVI в. главная роль в церковной службе в Виттенберге стала отводиться проповеди [141, S. 65]. Проповеди Бугенхагена постоянно были связаны с насущными вопросами жизни общества. Так, 21 февраля 1525 г. Бугенхаген посвятил свое выступление теме восстания против властей, что было крайне актуально в условиях Крестьянской войны. Он решал эту проблему в том же духе, что и Лютер, решительно осуждая восстание: «Христос не хотел, чтобы вспыхнул мятеж, от чего Он очень часто предостерегал. Он продолжал [говорить так], когда Его (Ин. 6, 15) хотели сделать царем, чтобы Пилат, Ирод и другие правители из-за этого не пострадали... Он определенно не хотел, чтобы во имя Христа разбивали головы. Наши фанатики хотят отстаивать Слово Божье мечом, но оно само достаточно могущественно, чтобы защитить себя... Если Вы уповаете на то, что Христос является вашим Спасителем, то врата ада не смогут более ничего выставить против такой веры. В этом наша победа» [104, S. 59-61].

Отрицательное отношение Бугенхагена к восставшим свидетельствовало, что виттенбергские реформаторы расценивали Крестьянскую войну прежде всего как угрозу Реформации. Проповедь Бугенхагена была произнесена за два месяца до того, как Лютер написал «Увещевание к миру в связи с «12 статьями» крестьянства». В революционных действиях крестьян Лютер видел угрозу всему общественному порядку, который бюргерство и зарождавшаяся буржуазия стремились улучшить, но отнюдь не сокрушить [7, с. 323]. Такая позиция отражала неготовность и нежелание идеологов немецкого бюргерства вступить в союз с восставшим крестьянством. Бугенхаген разделял лютеровские взгляды; его проповеди способствовали их распространению среди горожан.

Помимо службы проповедника, в 1524-1528 гг. Бугенхаген активно работал и как теолог. Он участвовал в работе Лютера по переводу Ветхого Завета на немецкий язык. Эта работа завершилась только в 1534 г., когда в Виттенберге Гансом Люффттом был издан полный перевод Библии на немецком языке. В том же году появилась и «Нижненемецкая Библия». Первое издание ее вышло в Любеке, затем она была опубликована в Гамбурге и ряде других городов Северной Германии. Эти публикации являлись не простым воспроизведением виттенбергского издания, но переводом с верхненемецкого на нижненемецкий диалект [192, S. 77]. Кроме того, в середине 20-х гг. XVI в. Бугенхаген написал «Краткие Евангелия», представлявшие собой сокращенную редакцию четырех Евангелий, а также толкование ряда посланий Нового Завета. Эти работы помогали приобщить к Евангелию не только академически образованных людей, но также бюргеров и крестьян, поскольку на их основе были написаны многие популярные религиозные сборники и духовные песни, использовавшиеся в евангелическом богослужении [197, S. 16]. Одновременно Бугенхаген продолжал читать в университете лекции по различным книгам Священного Писания.

Наряду с этим Бугенхаген уделял внимание отправлению церковных служб. По просьбе Спалатина, предложившего свести важнейшие отрывки из Библии в одну книгу в помощь другим священнослужителям, Бугенхаген в 1524 г. подготовил сборник «Индексы». В него были включены указания на главы из Евангелий, предназначенные для воскресных проповедей. Они дополнялись разъяснениями для священников, где говорилось, какие темы нужно затронуть в каждой проповеди. Например, для проповеди на Пасху предлагалась последняя глава Евангелия от Марка с комментарием: «Здесь нужно сказать о том, что это Воскресение Христово стало нашим оправданием; о том, что, когда мы осознаем, что Господь воскрес, наша вера также укрепляется» [104, S. 67]. Очевидно, что «Индексы» были особенно важны для начинающих священнослужителей, у которых не было опыта

выступлений перед аудиторией, а зачастую – и глубокой теологической подготовки. Им требовалось дать прочную основу для последующего совершенствования проповедей.

Помимо этого, Бугенхаген продолжил работу по комментированию Псалтири [103, S. 49-58]. В середине 20-х гг. XVI в. ее результаты смогли оценить не только виттенбергские сподвижники Бугенхагена, но и жители других городов Германии. Благодаря публикации первого издания сборника комментариев к псалмам в Базеле (март 1524 г.) Бугенхаген приобрел известность как один из виднейших реформаторов – экзегетов [196, S. 16].

В середине 20-х гг. XVI в. Бугенхаген проявил себя и как организатор церковной жизни. В октябре 1525 г. он (вместе с пастором штифта Всех Святых Юстусом Йонасом) выпустил «Устав богослужения города Виттенберга» [141, S. 53]. В 1524-1525 гг. Бугенхаген написал также ряд небольших по объему произведений, разъяснявших прихожанам особенности евангелического культа: «О евангелической мессе» [109], «Совет о том, как следует причащаться, или принимать Причастие» [106], «Об исповеди и христианском отпущении грехов» [110]. В них вновь проводилась идея «милосердия и Божьей милости, которые поглощают все прегрешения» [109, S. 107].

Исходя из этой идеи, Бугенхаген переосмысливал характер исповеди – одного из основных церковных Таинств. Впервые попытка ее толкования в духе евангелизма была предпринята им еще в марте 1523 г., в «Сумме христианского блаженства» – послании к Анне фон Лигниц, дочери померанского герцога Богислава X [197, S. 24]. Теперь суть этого толкования подробно разъяснялась всем верующим – членам христианской общины. «Как христиане, – учил Бугенхаген, – мы должны признать перед Богом, что мы грешны и не можем получить прощение, пока Бог не освободит нас благодаря Христу» [110, S. 87]. Истинно верующий во Христа человек сам осознает свои грехи, и поэтому милость Божья оправдывает прегрешения верующего человека. «Вера уничтожает грех» [110, S. 87] – вот основной

вывод реформатора. Поэтому Бугенхаген отстаивал свободную исповедь, а не признание в проступках как обязанность, исполняемую по принуждению, чего требовала от верующих Римско-Католическая Церковь. Исповедь как признание сердца, нуждающегося в утешении и обретающего отпущение грехов от Бога благодаря посредничеству священнослужителя или другого верующего, который также может выступать в роли исповедника [279, S. 70] – именно к такому пониманию этого Таинства пришел Бугенхаген.

Причащение под двумя видами – хлебом и вином – служило для Бугенхагена внешним проявлением дарованной христианам милости Божьей, поскольку оно приобщало христиан к Царству Божьему. Реформатор говорил об этом так: «Владыка правосудия и мира дает нам в хлебе и вине Причастия свои Тело и Кровь, которые Он называет вечным Причастием, чтобы напомнить об отпущении грехов. Тем самым ты убеждаешься, что не исповедуешь никакой другой веры вместе с Иудой, что, поскольку ты причащаешься, то освобождаешься от грехов и угрызений совести» [109, S. 108].

Вопросу о Причастии реформатор уделил серьезное внимание и в последующие годы. Он принял активное участие в полемике Лютера с другими реформаторами, прежде всего – с Ульрихом Цвингли [197, S. 25-27]. Наиболее полно взгляды Бугенхагена на Причастие были выражены в работе с характерным названием: «Послание против нового заблуждения о Таинстве Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа» (1525) [107]. Это сочинение было адресовано известному гуманисту и реформатору, пастору Эобану Гессу из Бреслау. В скором времени оно было опубликовано, и это стало важной вехой в полемике между приверженцами Лютера и Цвингли.

Камнем преткновения в понимании слов Христа: «Это Тело Мое, ломимое за вас; это есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая для отпущения грехов» (Мф. 26, 26-28) стало слово «есть». Цвингли выступал за символическое толкование Таинства Причастия, утверждая, что слово «есть» (латинское “est”) синонимично слову «означает» (латинское “significat”).

Такое толкование, ставшее одной из основных идей спиритуализма, подверглось резкой критике со стороны Бугенхагена. Как и Лютер, он последовательно проводил мысль: Тело Христово присутствует в Святых Дарах, которые соединяют в себе хлеб и вино со словом Божиим. Исходя из этого, Бугенхаген утверждал, что главным словом для понимания смысла Причастия является слово «сие» [107, S. 73-75].

Новое выступление Бугенхагена, касавшееся Причастия, было связано с переводом его комментариев к псалмам с латыни на немецкий язык. Этот перевод, осуществленный видным реформатором из Страсбурга Мартином Буцером, был издан в 1526 г. Однако перевод Буцера расходился с толкованием сущности Причастия виттенбергскими реформаторами, приближаясь к позиции Цвингли. Поэтому осенью 1526 г. Бугенхаген выступил с протестом, который позднее был подтвержден в новом его произведении – «Выступление о Таинстве Тела и Крови Христа». Это сочинение суммировало взгляды лютеран на Причастие, закрепляя предыдущие положения [197, S. 27].

Следует отметить, что расхождения между Лютером и Цвингли в споре о Причастии определялись не только их разными теологическими позициями, как полагает К.А.Т. Фогт [279, S. 77-78], но и ориентацией на различные политические и социальные силы. Цвингли поддерживал идею ландграфа Филиппа Гессенского о создании коалиции евангелических немецких княжеств, городов и швейцарских кантонов, которые выступили бы против императора Карла. Лютер же был противником такого религиозно-политического союза [3, с. 268]. Его позицию поддержал и Иоганн Бугенхаген.

Идеи Священного Писания определяли подход Бугенхагена и к другим Таинствам Церкви. В частности, в 1525 г. вышло его произведение «О браке епископов и диаконов». В нем Бугенхаген, опираясь на Первое Послание к Тимофею, категорически отвергал установления Римско-Католической

Церкви относительно celibата духовенства и соблюдения постов. Он называл эти требования «действиями антихриста» [см.: 141, S. 66].

В то же время, начиная с 1523 г., Бугенхаген работал над произведениями, в которых рассматривались взаимоотношения верующих со светскими князьями. Эта тема стала актуальной, так как в ряде регионов Священной Римской империи власти начали гонения на приверженцев Реформации. 1 июля 1523 г. состоялась первая казнь сторонников евангелизма: в Брюсселе по приговору приглашенного инквизитора, представлявшего папский престол, были сожжены два проповедника – Хинрик Воэс и Ян ван дер Эшен [207, S. 117]. В таких условиях закономерным был вопрос, имеют ли верующие право на сопротивление властям. Впервые Бугенхаген затронул эту тему в «Совете относительно того, может ли князь защищать посредством войны своих подданных, преследуемых за веру императором или другими князьями?» (1523) [105]. Это сочинение было идейно связано с вышедшим в том же году произведением Лютера «О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться» [43; 203].

В средние века все христиане – и духовенство, и дворянство, и представители третьего сословия – рассматривались как члены единого «христианского тела» (*corpus christianum*). Члены этого объединения разделялись на два народа – мирян и священников. Соответственно, их жизнь регулировалась при помощи двух властей – светской и духовной, двух прав – гражданского и канонического. Чтобы сокрушить претензии папства на господство над миром, необходимо было порвать с идеей «христианского тела», опровергнуть идею превосходства духовной сферы над светской. Эта задача была разрешена Мартином Лютером. Уже в сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520) он противопоставил идее папской теократии учение о всеобщем священстве. При этом Лютер еще не отверг идею единства духовной и светской сфер «христианского тела». Он предлагал поручить контроль над деятельностью духовенства светской

власти как обязанность по отношению к единому христианскому сообществу [41, с. 17].

Отсутствие действенной поддержки Реформации светскими властями подтолкнуло Лютера к пересмотру прежних идей. Он исключил из числа христиан высшее духовенство и подверг сомнению правомерность причисления к истинным христианам светской власти. Эти идеи были изложены в сочинении «О светской власти...», где были сформулированы основы учения о двух царствах. Согласно этой концепции, в мире существует два порядка – светский и Божий: «Принадлежащие к Божьему Царству – это все истинно уверовавшие в Христа и принадлежащие Христу... Невозможно, чтобы в среде христиан применялись светский меч и право, так как они делают сами гораздо больше того, что могут от них потребовать все права и учения... К светскому царству, или к числу подчиненных закону, принадлежат все те, кто не являются христианами» [43, с. 121-122].

Эту идею развивали и последователи Лютера. Справедливым действием «княжеского меча», по убеждению Бугенхагена, является только наказание «разбойников и убийц, которые совершили злые несправедливые дела» [105, S. 104]. При этом реформатор ссылается на Первое послание к Тимофею, в котором апостол Павел утверждает: «Закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц» (1 Тим. 1, 8–9).

В то же время реформаторы отказывали представителям властей в праве применять силу в делах, связанных с верой и духовным миром человека – с «Божьим Царством». «Ты можешь спросить, – замечал Бугенхаген, – что, если христиане захотели бы воззвать о помощи к светской власти? На это я отвечу: истинные, или совершенные христиане, которые стали таковыми посредством Духа Божьего, не защищают сами себя и не отягощают этим своих ближних» [105, S. 105]. Наказание тех, кто отступает

от Божьих заповедей, является делом Христа, но не христиан. «Истинные христиане должны терпеть несправедливость» – к такому выводу пришел Бугенхаген [105, S. 105].

По-видимому, толчком к написанию Бугенхагеном «Совета...» послужили открытые столкновения сторонников и противников евангелизма. С одной стороны, императорская власть развернула преследование приверженцев Реформации и запретила распространение лютеровского перевода Нового Завета. С другой стороны, против императора и католических князей выступило рыцарство под предводительством Франца фон Зиккингена. Отрицательное отношение к насильственным действиям, даже направленным против главного противника – Римско-Католической Церкви, было характерно для Лютера и его приверженцев в начале 20-х гг. XVI в., хотя позднее (в частности, при создании в 1531 г. Шмалькальденского союза) лютеране отошли от этого принципа.

Еще одной задачей, которую решали сторонники Реформации в 20-е гг. XVI в., было распространение своего учения в других странах. В условиях, когда католицизм сохранял господствующие позиции во всей Западной Европе, важно было донести до верующих за пределами Германии не произвольную трактовку новых идей сторонниками папского Рима, а подлинные взгляды реформаторов. С этой целью в 1525 г. в Виттенберге было составлено «Послание к христианам в Англии». В его написании, наряду с Лютером и еще одним теологом – Мельхиором Хоффманом, принял участие и Бугенхаген. В этом сочинении опровергались слухи о Лютере и его сторонниках, распускавшиеся приверженцами католицизма, – хотя, в свою очередь, реформаторы показывали события в Виттенберге односторонне, с апологетической точки зрения [196, S. 21]. Важным пунктом послания стало изложение принципа оправдания верой – одного из основных для евангелизма: «Христос, Который дарует нам правосудие, является также нашим Спасителем... И мы проповедуем во славу Божью и во спасение людей благодаря Иисусу Христу!» [цит. по: 279, S. 95].

Выдающийся гуманист, английский канцлер Томас Мор отрицательно отнесся к «Посланию...», откликнувшись на него своим полемическим трактатом [84, S. 13]. По мнению Мора, папство должно быть не упразднено, а улучшено: отказавшись от земных богатств и почестей, оно должно было реализовать свою вселенскую миссию миротворчества. На путях единства христианского мира Мор, подобно другим гуманистам, искал способ ликвидации войн; в Реформации же он видел лишь «всеобщий беспорядок» [50, с. 93]. Не повлияло сочинение виттенбергских реформаторов и на позиции католиков в Германии. Известный теолог Иоганн Кохлей в 1526 г. составил «Ответ на послание к англичанам», в котором содержались новые нападки на деятелей Реформации [279, S. 95]. Но, несмотря на сопротивление приверженцев католицизма, Реформация быстро превратилась из внутреннего дела Германии в общеевропейское движение. В 30-е гг. XVI в. она охватила ряд государств Западной Европы, в том числе и Англию, где с инициативой ее проведения выступил король Генрих VIII.

Кроме преобразований Церкви, Бугенхаген приложил значительные усилия к развитию системы образования и благотворительности в Виттенберге. Во время выступлений радикального бюргерства под предводительством Андреаса Карлштадта в 1521-1522 гг. учитель Георг Мор был вынужден согласиться на то, чтобы родители забирали детей из школы. В результате городская школа для мальчиков была закрыта; в ее здании после прекращения занятий была открыта булочная. И только в конце 1523 г., после того как Бугенхаген был избран городским проповедником, деятельность школы благодаря его настояниям возобновилась [96, S. 140]. А в 1526 г. Бугенхаген вместе с Лютером и представителями виттенбергского Совета обратился к саксонскому курфюрсту с предложением преобразовать францисканский монастырь в госпиталь [96, S. 282].

Уже в эти годы активная деятельность реформатора принесла ему известность за пределами Виттенберга. Для Германии 20-х гг. XVI в. характерным явлением было распространение Реформации путем личных

контактов, когда тот или иной город приглашал кого-то из ближайших соратников Лютера для преобразования местного церковного устройства. Так, Николаус фон Амсдорф стал проповедником в Магдебурге, а Якоб Пропст – в Бремене [213, S. 577]. Бугенхаген также получил из различных городов Германии несколько приглашений на службу проповедника. Впервые его пригласили в Эрфурт в 1522 г., но реформатор не покинул Виттенберга [197, S. 22]. Возможно, это было связано с отсутствием в то время у Бугенхагена четкого статуса в самом Виттенберге: человеку, не занимавшему официальной должности в среде священнослужителей, трудно было бы действовать в другом городе как представителю Церкви. Но год спустя после избрания Бугенхагена городским проповедником последовало новое обращение к нему.

В августе 1524 г. Бугенхаген был приглашен в Гамбург местной общиной св. Николая в качестве проповедника для преобразования церковного устройства в этом городе [149, S. 34]. К этому времени здесь уже проводились евангелические проповеди: их организовал бывший монах-францисканец Стефан Кемпе, переехавший в Гамбург из Ростка в 1523 г. [179, S. 18]. Эти проповеди имели успех: под их влиянием бюргеры потребовали, чтобы право избирать проповедника было предоставлено общине верующих, без санкции капитула собора и городского Совета. На тот момент должность городского проповедника в Гамбурге, как за год до этого – в Виттенберге, была вакантна.

18 сентября 1524 г. Бугенхаген обратился к саксонскому курфюрсту Фридриху Мудрому с письмом, в котором просил разрешения на полгода отправиться в Гамбург для помощи приверженцам Реформации [112, S. 18]. Разрешение было получено, однако успешно выполнить свою задачу Бугенхаген не смог. 12 ноября 1524 г. гамбургский Совет выразил протест по поводу его назначения на должность, и реформатор вынужден был покинуть город. Официальной мотивировкой протеста послужило постановление Второго Нюрнбергского рейхстага 1524 г., подтвердившее Вормский эдикт

[179, S. 19]. Отрицательное отношение городских верхов к приглашению Бугенхагена объясняется тем, что в Совете Гамбурга преобладали консервативные представители городского патрициата (прежде всего – купечества, игравшего ведущую роль в этом ганзейском городе). Они были связаны с римско-католическим духовенством как экономическими интересами, так и родственными узами; поэтому вполне понятно их враждебное отношение к предложениям бюргерства.

Следующее приглашение поступило к Бугенхагену в феврале 1525 г. из Данцига (просьбу прислать к ним Бугенхагена горожане одновременно направили и Мартину Лютеру). В этом ганзейском городе сторонники Реформации добились роспуска консервативного Совета и избрали новых членов магистратов. От их лица Бугенхагену и было предложено участвовать в проведении Реформации в городе [149, S. 38]. Это приглашение доказывает, что за четыре года деятельности в Виттенберге Бугенхаген приобрел широкую известность: в обращении Совета к Лютеру он был назван «христианским наставником», который «возвещает и прославляет великое дело всему миру» [139, S. 113]. Бугенхагену предлагалось поработать в Данциге один – два года [112, S. 27]. Лютер не возражал против участия Бугенхагена в преобразовании церковного устройства Данцига. Но приглашение было отклонено виттенбергской общиной, представители которой обосновали отказ сильной занятостью своего проповедника [196, S. 20].

Неудачи первых попыток реформаторской деятельности Бугенхагена вне Виттенберга не остановили его. Связи Бугенхагена с гамбургской общиной не были утрачены. Летом 1525 г. реформатор написал послание «О христианской вере и истинных добрых делах против ложной веры и измышленных добрых дел» [108] и посвятил его жителям Гамбурга; в 1526 г. это произведение было опубликовано. Поводом к его написанию послужили выступления монаха-доминиканца Августина ван Гетелена, приглашенного Советом в Гамбург для борьбы с евангелической проповедью. Ван Гетелен

обличал идеи Реформации как ересь и критически отзывался о лютеровском переводе Нового Завета и о самостоятельном изучении Библии необразованными христианами [141, S. 69].

Бугенхаген стремился своим ответом прежде всего поддержать среди гамбургских горожан доверие к идеям евангелизма. Однако его новое сочинение вышло за рамки внутреннего конфликта в одном городе. В произведении «О христианской вере...» подробно и систематически излагались принципы евангелической теологии, уже сформулированные к тому времени в ряде произведений реформатора, и одновременно намечались контуры устройства Евангелически-Лютеранской Церкви, переживавшей нелегкий период становления. А. Шпренглер-Руппенталь отметила, что это произведение Бугенхагена стало эскизом евангелического церковного права [265, S. 201].

Теология Бугенхагена тесно связана с более ранними произведениями Лютера, в первую очередь – с сочинением 1520 г. «О свободе христианина» [285, S. 59]. Реформатор вновь отвергает зависимость спасения человеческой души от исполнения предписаний Римско-Католической Церкви, названных им «монашескими и поповскими путями» [108, S. 263]. Основной принцип теологической концепции послания «О христианской вере...» – положение о том, что лишь Христос является спасителем и искупителем человеческих грехов перед Богом. Христос назван здесь «единственным истинным Спасителем и Миротворцем, Богом и человеком», находящимся «между Небесами и землей, между Богом и нами – людьми» [108, S. 104]. Поэтому истинной для Бугенхагена является вера в то, «что мы обретаем спасение только благодаря Иисусу Христу, Которого Его и наш Отец небесный послал нам для этого... Поэтому ваша вера в то, что вы хотели бы спастись благодаря своим делам и заслужить небесное блаженство своими делами, не только не следует из веры, но даже прямо противоречит истинной вере» [108, S. 112].

Таким образом, Бугенхаген вновь возвращается к фундаментальной идее евангелизма – принципу оправдания верой. Эта мысль стала основой всех последующих теологических высказываний послания «О христианской вере...» [155, S. 95]. Но она не означала пассивности человека, отказа от деятельности в окружающем мире. Культу «измышленных добрых дел», совершаемых исключительно ради обретения грядущего блаженства, Бугенхаген противопоставлял «истинные добрые дела». Их критерий оставался для него неизменным: «Истинными добрыми делами являются все те, которые совершаются на основе веры» [108, S. 151].

Неизменным для Бугенхагена оставался и источник этой веры. Реформатор, возражая отцам Церкви (в частности – Августину), подчеркивал: любой верующий может и должен самостоятельно изучать Священное Писание [108, S. 266]. «Каждый христианин, – отмечал Бугенхаген, – должен свободно делать вывод, что все учения, которые учат нас чему-то иному (нежели Библия – С.К.), являются не истинными, а дьявольскими» [108, S. 240].

Как и Лютер, Бугенхаген отвергал традиционный принцип католицизма, позволяющий толковать Священное Писание исключительно духовенству. Г.-Г. Хольфельдер пришел к выводу, что в послании «О христианской вере...» уже содержался основной замысел более поздних церковных уставов – сделать религиозные вопросы близкими и доступными всей общине, каждому бюргеру [155, S. 78-79]. Для достижения этой цели Бугенхаген предлагал передать основные функции духовенства проповеднику, которого избирала бы сама община верующих [108, S. 217]. Таким образом устранялся разрыв между мирянами и Церковью, характерный для Римско-Католической Церкви. Примечателен тот факт, что Лютер в 1525 г. уже отказался от этой идеи. В «Увещании к миру в связи с «12 статьями» крестьянства» он признал решающую роль светской власти при утверждении проповедника. «Если власти, – отмечал Лютер, обращаясь к членам общины, – не захотят терпеть избранного вами проповедника, то

пусть ему будет позволено бежать в другой город и пусть бегут с ним те, кто хочет» [цит. по: 7, с. 322].

Чем объяснить это различие во взглядах Бугенхагена и Лютера? Можно предположить, что оно объясняется изменением ситуации в Германии. Произведение Лютера появилось во время Крестьянской войны, когда многие реформаторы категорически отмежевались от требований восставших – и религиозных, и политических, и социальных. Бугенхаген же писал свое сочинение после подавления Крестьянской войны и адресовал его горожанам Гамбурга, не участвовавшим в ней и обладавшим большей независимостью от территориальных властей, нежели крестьяне. По-видимому, реформатор надеялся, что изменения в организации Церкви, предложенные бюргерству, не вызовут новых социальных конфликтов.

В сочинении «О христианской вере...» речь шла также о выплате жалованья проповедникам, об устройстве городских школ, организации «общих касс» и призрении беднейших горожан. Проблемы богослужения, диаконии и школы стали основными в более поздних евангелических церковных уставах. Намеченные Бугенхагеном пути решения этих задач позволяют говорить о нем как о способном организаторе, стремившемся воплотить учение Реформации во всех сферах повседневной жизни христианской общины.

Организаторские способности Бугенхагена проявились и в его участии в визитациях. Одной из их целей была проверка деятельности евангелических священнослужителей и учителей, уровня их знаний, а также их лояльности по отношению к властям. Поддерживая Реформацию, евангелические князья одновременно были заинтересованы в том, чтобы этот процесс не стал неуправляемым. Стремясь не допустить новых революционных выступлений, князья совместно с лидерами Реформации начали разрабатывать систему постоянного контроля церковной жизни. Дж. Штраус отметил два основных вида визитаций: локальные, связанные с конкретными причинами (злоупотребления, низкий уровень подготовки

священников, пренебрежение к вере прихожан), и генеральные, проводившиеся регулярно (обычно раз в год) на всей территории княжества или города [271, р. 252]. В период Реформации отправление евангелическими священнослужителями своих обязанностей начало контролироваться и синодами, в которых участвовали высшие должностные лица новой церковной организации [261, S. 28]. Помимо инспектирования, визитаторы были наделены полномочиями наказывать виновных в обнаруженных недостатках.

В то же время в проведении визитаций во многом были заинтересованы сами священнослужители и учителя. Разрушение католических институтов повлекло за собой резкое сокращение их доходов; церковное имущество зачастую конфисковалось дворянами. Священнослужители и учителя были заинтересованы в территориализации, так как только властитель земли мог гарантировать им необходимые условия существования и пресечь злоупотребления дворянства [3, с. 276-277]. Таким образом, визитации позволяли укрепить как позиции светских властей, так и евангелическую церковную и школьную организацию.

В курфюршестве Саксонском визитации стали проводиться с 1526 г. С 1527 г. визитации начались и в других евангелических территориях: ландграфстве Гессенском, маркграфстве Ансбахском, герцогстве Брауншвейгско-Люнебургском, в Пруссии [90, S. 194]. Они проводились официальными лицами, зачастую получавшими инструкции от представителей светских властей. В частности, саксонский курфюрст Иоганн Постоянный в феврале 1527 г. уполномочил на участие в визитационной комиссии членов городских Советов, а также дворян [191, S. 73]. Вследствие этого требования визитаторов отражали позиции территориальных князей и высших лиц Евангелической Церкви. По результатам первых проверок Лютер в письме к курфюрсту Иоганну от 22 ноября 1526 г. перечислил проявления упадка церковных дел: жалобы священнослужителей на бедственное материальное положение, отказ крестьян содержать церковные

приходы, неблагодарность по отношению к Божьему слову. Для решения этих проблем требовалось прежде всего создать общую концепцию визитаций [12, с. 70-71].

В это время Лютер начал рассматривать светских князей как «епископов по необходимости» (Notbischöfe), признав их право заниматься внутренними делами Церкви [212, S. 115]. Поскольку католической системы диоцезов в евангелических территориях больше не существовало, саксонский курфюрст рассматривался Лютером в качестве патрона всех церквей на своей территории [191, S. 116]. Важнейшими документами, обосновывавшими необходимость контроля над церковной организацией, стали «Инструкция курфюрста Иоганна Саксонского визитаторам» (1527) и «Наставление визитаторов пасторам курфюршества Саксонского» (1528). Изданная от имени курфюрста «Инструкция...» была подготовлена визитационной комиссией в составе двух княжеских советников (Ганса фон дер Планица и Асмуса фон Хаупица) и двух представителей Виттенбергского университета (Иеронима Шурфа и Филиппа Меланхтона) [207, S. 173]. Такой состав комиссии говорит о том, что канцелярия курфюрста к этому времени начала рассматривать и церковные дела. В частности, княжеским юристам по рекомендации Лютера была поручена инвентаризация секуляризованного монастырского и церковного имущества [12, с. 71].

В утвержденной 16 июня 1527 г. «Инструкции курфюрста...» рассматривались преимущественно вопросы организации и обеспечения церковных приходов [157]. Проблемы же, связанные с религией и деятельностью священнослужителей, должны были решать специалисты – теологи. В этой работе принял участие Иоганн Бугенхаген. 26-27 сентября 1527 г. он и Лютер прибыли в Торгау, где они совместно с другими священнослужителями обсудили и приняли основные пункты визитационного устава. Лютер сообщил об этой поездке курфюрсту в письме от 12 октября 1527 г.: «Наш проповедник, господин Иоганн померанец

(прозвище Бугенхагена – С.К.), и я просмотрели акты визитаторов и немного изменили их» [см.: 96, S. 260].

Работу над «Наставлением визитаторов...» Лютер и Бугенхаген вели в очень сложных условиях. В августе 1527 г. в Виттенберге вспыхнула эпидемия чумы; спасаясь от нее, большинство преподавателей и студентов университета перебрались в более безопасную Йену. Однако Бугенхаген и Лютер остались в своем городе (Лютер при этом отказался исполнить волю саксонского курфюрста Иоганна Постоянного, лично просившего реформатора покинуть Виттенберг) и читали лекции для немногих студентов, а также причащали больных. Призывы к верующим не страшиться смерти, встречать болезнь с мужеством и чистым сердцем, причащаясь и исповедуясь, стали важнейшими темами проповедей в Виттенберге осенью 1527 г. [96, S. 205-206].

В этих призывах отразился личный опыт обоих реформаторов. Незадолго до того, как в Виттенберге началась эпидемия, они сами пережили тяжелые недуги. Бугенхаген, отличавшийся крепким здоровьем, в мае 1527 г. перенес серьезную болезнь – воспаление уха [197, S. 28]. А 6 июля 1527 г. уже Лютер обратился к Бугенхагену с просьбой исповедовать его – в это время он переживал тяжелое нервное истощение и опасался смертельного исхода. Бугенхаген исполнил просьбу больного, став его духовником. Это еще более сблизило обоих реформаторов; их отношения, помимо служебной деятельности, скрепила личная дружба. В начале ноября 1527 г. Лютер, тяжело переживавший отсутствие в Виттенберге большинства сподвижников, пригласил семью Бугенхагена пожить в его доме – невзирая на опасность заразиться чумой, которая незадолго до этого унесла жизнь сестры Иоганна, Анны Рёерер (супруги виттенбергского капеллана Георга Рёерера) [198, S. 431]. В это время была закончена разработка основного содержания «Наставления визитаторов пасторам курфюршества Саксонского». Его главными принципами стали положения, принятые в

Торгау; окончательный вариант текста был написан Филиппом Меланхтоном и опубликован в марте 1528 г.

В «Наставлении визитаторов...» были определены задачи, требовавшие скорейшего решения: проблемы вероучения, богослужения, организационной структуры евангелических территориальных объединений, создания евангелической школы и диаконии. Это произведение отражало переход Реформации от оппозиционного движения к институциональному. Для поддержания церковного порядка нужно было определить, что следует знать, говорить и исповедовать верующему [3, с. 282].

Принципы нового вероучения трактовались реформаторами не только в теологическом, но и в практическом значении. Так, католическому пониманию покаяния противопоставлялась его евангелическая трактовка: взамен «страха перед судом Божиим» и «раскаяния в грехах» на первое место выдвигалась «милость Божья». Но в сознании «простого, грубого человека» предполагалось сохранить веру в «покаяние, заповедь, закон, страх» [208, S. 202]. Это различие Г. Брендлер объясняет необходимостью решать практические задачи: предотвращать нарушение законов и привлекать виновных как к юридической, так и к моральной ответственности [3, с. 278].

В «Наставлении визитаторов...» также предъявлялись общие требования к проповеднику. Помимо умения читать по-немецки, он должен был проявлять усердие в исполнении своих обязанностей, соблюдать нормы морали, а также заботиться о воспитании молодежи. Последнее требование развивалось в главах, посвященных организации евангелических школ. Их задачей провозглашалась «подготовка людей, способных к проповеди учения в церкви и, кроме того, к делам светского правления» [48; 208, S. 236].

Г.-В. Крумвиде полагает, что для «Наставления визитаторов...» и «Инструкции курфюрста...» характерно внутреннее единство [191, S. 109]. Эта оценка требует уточнения. Курфюрст Иоганн Постоянный в «Инструкции...» утверждал принцип полной зависимости визитаторов от светских властей. Лютер в предисловии к «Наставлению визитаторов...»

попытался примирить требования князей с более ранними идеями реформаторов о существовании двух царств – духовного и светского. По мнению Лютера, при назначении визитаторов курфюрст должен представлять общие интересы и действовать с чувством своей ответственности перед обществом [19, с. 11]. Однако, хотя цели авторов обоих документов были различны, и «Инструкция...», и «Наставление визитаторов...» закрепляли влияние территориальных князей на евангелическую церковную организацию. Реформаторы признали эту расстановку сил, поскольку она помогала утвердить учение евангелизма в массах.

Таким образом, уже в первой половине 20-х гг. XVI в. Бугенхаген стал широко известен как один из наиболее деятельных соратников Лютера, активно претворявший принципы Реформации в жизнь и не отступавший при этом перед самыми сложными обстоятельствами. В решении повседневных задач организации Церкви в Виттенберге проявились такие черты его характера, как глубокая вера, академическая образованность, бескорыстие, энергия, настойчивость, личное мужество. Именно благодаря этим качествам Бугенхаген был приглашен в Брауншвейг весной 1528 г.

3.3. Участие в Реформации в Брауншвейге (1528 г.)

Во второй половине 20-х гг. XVI в. господство Римско-Католической Церкви в Германии было подорвано, а евангелическая церковная организация только формировалась. Сторонники Реформации в этот период связывали свои планы с политикой территориальных властей, поскольку стремились с их помощью реализовать свои требования: ликвидировать старую и создать новую церковную организацию, преобразовать культ, утвердить новую систему обеспечения беднейших слоев населения, провести

изменения в сфере школьного образования. В свою очередь, евангелические князья и магистраты, поддерживая эти требования, преследовали собственные цели: секуляризацию церковного имущества и расширение суверенитета. К этому стремились и власти Брауншвейга, когда приглашали в город Иоганна Бугенхагена для проведения Реформации.

Приглашение Бугенхагена в Брауншвейг, как и в случае с Генрихом Винкелем, исходило от представителей Совета города. Герцог Брауншвейгско-Вольфенбюттельский Генрих Младший придерживался католической ориентации, что проявилось уже в запрете лекций Готтшалка Крузе. Позднее, после окончания Крестьянской войны, Генрих вступил в союз немецких католических князей, заключенный в Дессау в июле 1525 г. [182, S. 4]. Но после Первого Шпейерского рейхстага сторонники Реформации в Брауншвейге получили возможность опереться на поддержку извне.

Сам Брауншвейг, входя в Ганзу, мало уступал в самостоятельности имперским городам; он был хорошо укреплен в военном отношении. Эти факторы позволили бюргерству пренебречь интересами герцога. Помогло этому и отсутствие самого Генриха Младшего: весной 1528 г. он участвовал в итальянском походе императора Карла V [140, S. 14]. Поэтому, вернувшись в Германию в июне 1528 г., герцог вынужден был принять продолжение Реформации в Брауншвейге как свершившийся факт.

Первое приглашение Бугенхагена – письменное обращение городского Совета, направленное в Виттенберг в начале марта 1528 г. – встретило отказ; он обосновывался сильной занятостью Бугенхагена в университете. Тогда, как и в случае с Генрихом Винкелем, в качестве посредника вновь был привлечен Иоганн Альсхаузен, а также член Совета Нойштадта Людеке Брандес. 12 апреля 1528 г. состоялась их встреча с Бугенхагеном [262, S. 58]. В этот раз согласие реформатора было получено. Бугенхагену сразу же был вручен гонорар в размере 50 золотых гульденов для него и 10 золотых гульденов для его супруги [135, S. XXI].

Бугенхаген не отменил своего решения даже после огромной личной трагедии: в апреле 1528 г. в течение двух недель скончались двое его сыновей – Михаэль и трехмесячный Иоганн [84, S. 18]. Готовность выполнять свое обещание, невзирая на тяжесть утраты, еще раз характеризует реформатора как человека долга. 16 мая 1528 г. Бугенхаген выехал в Брауншвейг; вместе с ним отправились супруга и малолетняя дочь [196, S. 24]. Об отъезде Иоганна Бугенхагена из Виттенберга упомянул Лютер в письме к Венцеслаусу Линку от 16 мая: «Сегодня померанец отправился в Брауншвейг, чтобы там некоторое время посредством Евангелия послужить Христу» [цит. по: 279, S. 274].

Судя по этой характеристике, на момент отправления Бугенхагена четкий круг его обязанностей в Брауншвейге, как и в случае с Генрихом Винкелем, еще не был сформулирован. В письме Лютера речь шла о самой общей задаче реформаторов – распространении евангелизма, но не о конкретных путях ее решения. Бугенхагену предстояло уже на месте разработать программу действий и реализовать ее, избежав при этом ошибок своих предшественников в деле распространения Реформации в Брауншвейге.

С 20 мая до начала октября 1528 г. Иоганн Бугенхаген находился в Брауншвейге. Все это время он занимался проблемами, связанными с утверждением в этом городе евангелической церковной организации. Сразу после приезда, вечером 20 мая Бугенхаген встретился в церкви св. Андреаса с Генрихом Винкелем и тринадцатью приходскими священниками. Во время этой встречи Бугенхаген был введен в должность пастора брауншвейгской общины; эта ординация была совершена Винкелем [279, S. 274]. Этот статус подчеркивал масштаб деятельности реформатора, изначально распространявшейся на весь город.

Первая проповедь Бугенхагена состоялась в приходской церкви св. Ульриха 21 мая, в праздник Вознесения [149, S. 50]. Реформатор наметил следующий план своего выступления: «Вначале следует краткий отчет о

моем приглашении [в Брауншвейг]. [Затем] прежде всего мы желаем ради праздника объяснить положение вероучения о Вознесении, для чего [следует] прочесть первую главу Деяний святых Апостолов, чтобы сказать, что Христос вознесся на небеса и воссел одесную Бога Отца Всемогущего, наполняющего все во всем (Ефес. 1), повсюду до сего дня. Рассудку не постичь [этого]... иначе, как посредством Причастия» [цит. по: 279, S. 275].

На первую проповедь Бугенхагена собралось столько слушателей, что церковь оказалась переполнена, и перед бюргерами, собравшимися в церковном дворе, потребовалось выступить повторно [262, S. 58]. Такая активность горожан свидетельствует как об утверждении принципов евангелизма среди городского населения, так и об авторитете самого Бугенхагена, приобретенного в результате его предыдущей деятельности на стороне Реформации.

После этого Бугенхаген проповедовал в различных церквях Брауншвейга по вторникам, четвергам и субботам, а также по воскресеньям и праздничным дням [149, S. 50]. Сохранившиеся заметки Бугенхагена позволяют судить о тематике этих проповедей. Обращаясь преимущественно к текстам четырех Евангелий и других книг Нового Завета, реформатор затрагивал такие вопросы, как сущность христианской веры, толкование ее основных символов, проблема культа «добрых дел», необходимость обучения и воспитания детей [см.: 279, S. 275-280]. Эти выступления должны были помочь утверждению основополагающих принципов Реформации в сознании брауншвейгского бюргерства.

Кроме того, Бугенхаген почти ежедневно читал в местном францисканском монастыре лекции о Послании к Римлянам и Посланиях к Тимофею. По вечерам Бугенхаген как духовник выслушивал бюргеров, приходивших к нему на квартиру. Помимо того, реформатор помогал горожанам в решении различных семейных конфликтов [262, S. 58]. Тем самым он исполнял функции, которые позднее были поручены особому органу Евангелической Церкви – консистории.

Решение всех этих задач было связано с постоянными контактами Бугенхагена с евангелическими проповедниками и членами Общего и районных Советов Брауншвейга. Благодаря этому реформатор получал подробную информацию о внутригородских отношениях, о деятельности прежних церковных институтов, о религиозных настроениях бюргеров, об их влиянии и реакции на изменения, происходившие в церковной организации Брауншвейга в 20-е гг. XVI в. Значительную помощь в общении с местными жителями оказал Бугенхагену и Генрих Винкель [262, S. 58-59].

Благодаря своему непосредственному ознакомлению с повседневной жизнью Брауншвейга реформатор смог принять активное участие в преобразовании местных церковных институтов. Так, он выразил солидарность с изъятием из приходских церквей икон и утвари, характерных для католического культа [279, S. 280]. Это соответствовало стремлению реформаторов превратить церковь в место для проповеди «чистого Евангелия».

О том, какое значение Бугенхаген придавал этой деятельности, свидетельствует, в частности, его письмо к медику из Магдебурга Франциску Херценбергеру от 28 июля. В нем Бугенхаген, кратко сообщая о своих занятиях в этот период, упомянул о чтении книг, которые помогают преодолевать неверие и отрицание Евангелия «скудными умами» [112, S. 76].

По-видимому, эти слова письма к Херценбергеру отражали действительность, с которой реформатор сталкивался в Брауншвейге. При общении с массой бюргеров он неминуемо должен был встретить не только сторонников евангелизма, но и его противников либо равнодушных. Переубеждение тех, кто был враждебно настроен по отношению к Реформации, а также привлечение на ее сторону колеблющихся людей постоянно являлось для Бугенхагена актуальной задачей. Он решал ее с самого начала своей деятельности в Виттенберге и не оставил в новых условиях.

Воспитание людей в духе евангелизма было важнейшей предпосылкой формирования новой церковной организации. Основным результатом деятельности Бугенхагена в городе стало создание Брауншвейгского церковного устава. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют дать однозначный ответ на вопрос, когда и кем была сформулирована эта задача. Можно предположить, что работа по написанию устава была начата Бугенхагеном вскоре после приезда в Брауншвейг. Маловероятно, что большой объем и содержание этого документа позволили бы составить его в короткий срок, учитывая занятость реформатора всеми остальными делами церковной жизни Брауншвейга.

Над уставом Иоганн Бугенхаген работал в течение лета 1528 г., при этом продолжая произносить проповеди, читать лекции и наставлять бюргеров в вероучении. По-видимому, рекомендации членов Совета оказали определенное влияние на содержание этого документа. Возможно, инициатива составления Брауншвейгского церковного устава исходила именно от них: ведь незадолго до того, в марте 1528 г., магистраты уже предложили в качестве программы Реформации собственный «Устав Совета». И хотя бюргеры отклонили первоначальный вариант этого компромиссного проекта, можно предполагать, что выдвинувшие его представители Совета и в дальнейшем стремились утвердить именно такую линию развития Реформации.

Тем не менее, на наш взгляд, не следует оценивать труд Бугенхагена лишь как новый вариант «Устава Совета». Эта характеристика, которую дает Брауншвейгскому церковному уставу В.А. Юнке [163, S. 35], не учитывает прежде всего опыта самого Бугенхагена. Ранее он участвовал в написании важных документов формировавшейся евангелической церковной организации – в частности, «Наставления визитаторов пасторам курфюршества Саксонского». Произведение Бугенхагена «О христианской вере и истинных добрых делах...», хотя и не было официальным документом новой Церкви, но также содействовало ее формированию, подчеркивая

инициативу общин в этом процессе. Следовательно, приступая к написанию устава, реформатор был союзником Совета Брауншвейга, но одновременно – в определенной мере самостоятельным деятелем, а не исполнителем чужой воли.

Следует также обратить внимание на процесс принятия Брауншвейгского устава. В первой половине августа проект устава был подготовлен и распространен среди общин и гильдий Брауншвейга. Ознакомившись с первым вариантом документа, представители общин пяти городских районов и четырнадцати гильдий прислали Бугенхагену свои отзывы и пожелания первые предложения поступили к автору 28 августа, последние – 31 августа [150, S. 62]. Они были учтены автором при внесении исправлений в окончательный вариант текста. Эта работа продолжалась около недели.

После доработки устава, 5 сентября 1528 г. состоялось его утверждение Советом и представителями гильдий и городских общин [184, S. XLVI]. На следующий день, в воскресенье, о принятии устава было возвещено во всех приходских церквах Брауншвейга во время богослужения [197, S. 32]. Таким образом, сам процесс написания и утверждения Брауншвейгского устава позволяет говорить о влиянии на него как Совета, так и общины. Бугенхаген в определенной мере выступал посредником между этими силами.

После принятия Брауншвейгского устава возник вопрос о том, кто должен занять место городского суперинтендента. Бугенхаген, фактически исполнявший его обязанности в течение своей деятельности в Брауншвейге, должен был в скором времени покинуть город. В середине сентября 1528 г. Совет Брауншвейга обратился к саксонскому курфюрсту с просьбой разрешить Бугенхагену остаться в городе, чтобы постоянно работать в должности суперинтендента. Однако курфюрст ответил отказом, поскольку в это время Иоганну Бугенхагену уже было поручено отправиться для проведения Реформации в Гамбург.

По рекомендации Лютера для исполнения обязанностей суперинтендента в Брауншвейг прибыл магистр Мартин Гёрлиц из Торгау. 18 сентября 1528 г. он был введен Бугенхагеном в эту должность; пост адьютора был сохранен за Генрихом Винкелем [160, S. 71]. Завершив все дела в Брауншвейге, Бугенхаген 10 октября 1528 г. выехал в Гамбург. Теперь сторонникам евангелизма предстояло самостоятельно воплощать принципы Брауншвейгского церковного устава в жизнь.

Таким образом, участие Иоганна Бугенхагена в Реформации в Брауншвейге было активным и разносторонним. Такие формы пропаганды евангелизма, как проповеди и лекции, сочетались в его деятельности с общением с отдельными бюргерами. В результате выступления Бугенхагена оказывали воздействие как на менталитет городской общины, так и на индивидуальное сознание отдельных верующих. Написание же церковного устава должно было послужить институциональному оформлению Евангелической Церкви в пределах Брауншвейга.

Иоганн Бугенхаген к 1528 г. прошел путь от правоверного католика до убежденного реформатора. Это было обусловлено прежде всего глубоким изучением и осмыслением Священного Писания. Бугенхаген не был догматиком, отвергающим другие идейные течения; так, многие его взгляды совпадали с позициями гуманистов. При этом Бугенхаген в своих поступках руководствовался не соображениями сиюминутной выгоды, но верностью собственным принципам.

Переезд в Виттенберг в 1521 г., открывший новый период его жизни и деятельности, подтверждает это. Бугенхаген покинул место ректора школы, на котором достиг немалых успехов, ради следования учению Реформации, отвечавшему его взглядам, но отнюдь не обещающему каких-то материальных или иных выгод. Дальнейшая деятельность Бугенхагена в Виттенберге позволяет говорить о нем как о подвижнике Реформации. За короткий срок он проявил себя и как теолог, и как лектор, и как проповедник, и как организатор новой Церкви.

При этом деятельность Бугенхагена не ограничивалась пределами Виттенберга даже в то время, когда он не покидал этого города. Он участвовал в организации визитаций, охватывавших территории различных княжеств; его произведения издавались во многих землях Германии; к нему обращались представители христианских общин из других городов.

Приобретенный опыт позволил реформатору в конце 20-х – первой половине 40-х гг. XVI в. успешно действовать и в новых условиях за пределами Виттенберга. Первым этапом этого пути стала поездка в Брауншвейг в 1528 г. Активное участие Бугенхагена в проведении Реформации в этом городе стало решающим фактором в усилении позиций местных сторонников евангелизма. Основную роль в этом сыграл написанный реформатором Брауншвейгский церковный устав.

ГЛАВА 4. БРАУНШВЕЙГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ 1528 г. И РЕАЛИЗАЦИЯ ЕГО ПОЛОЖЕНИЙ

4.1. Евангелическая церковная организация в Брауншвейгском уставе

Разработанный Бугенхагеном в 1528 г. евангелический устав Брауншвейга стал основой для преобразования церковной и школьной организации этого города в период поздней Реформации. Вместе с тем основные принципы этого документа повлияли на создание ряда церковных уставов в других евангелических территориях Германии.

Брауншвейгский устав давал правовое обоснование создававшейся в городе Евангелической Церкви, определял ее структуру и функции. Вопросы церковной догматики в уставе не рассматривались [275, S. 575]. Возможно, это объясняется тем, что он предназначался не только для священнослужителей, но и для всех горожан, которые не обладали глубокими теологическими познаниями. Им нужно было прежде всего разъяснить новые принципы организации евангелических церквей и школ, а также изложить евангелическую трактовку Таинств. Главными частями устава являются: характеристика структуры территориальной Евангелической Церкви и изложение принципов христианского культа; диаконическое служение; школьный устав. Эти темы Бугенхаген освещал в послании «О христианской вере и истинных добрых делах...» [108]. Но если в Гамбурге в 1526 г. его предложения остались нереализованными, то в Брауншвейге в 1528 г. они сыграли роль руководства к действию.

Брауншвейгский устав зафиксировал непризнание прежней церковной иерархии. Деятельность католического духовенства была прямо названа

реформаторами «антихристианской» [123, S. 391]. Наряду с этим устав требовал искоренять «фанатизм» (*Schwärmerei*), применяя это обозначение к анабаптистам. Идеологи евангелизма понимали угрозу, таившуюся в существовании других учений, хотя бы и враждебных при этом католицизму. В Брауншвейгском уставе Бугенхаген предостерегал от проповеди «именем Христа» иных идей. Эти слова отражали ситуацию конца 20-х гг. XVI в., когда в Германии распространялись различные сектантские движения. Их приверженцы являлись для Бугенхагена «лжепророками», обличавшимися Христом; кроме анабаптистов, реформатор относил к ним и сторонников Цвингли [123, S. 372]. Поэтому евангелические церковные уставы обязывали священнослужителей преследовать идейных противников и постоянно обличать их в проповедях.

Свидетельствуют ли такие высказывания об ограниченности лютеранского вероучения? Для ответа на этот вопрос необходимо учесть, что в Германии эпохи Реформации отношения между Церквами были важной общественной проблемой. Чтобы укрепить свое влияние, евангелизм должен был противопоставить католицизму не менее сильную организацию и дисциплину. Компромиссы в период, когда становление новой Церкви только происходило, неминуемо привели бы к падению ее авторитета.

Кого же Брауншвейгский церковный устав относил к служителям евангелической церковной организации? Основными понятиями, обозначающими их в Брауншвейгском уставе, являются: «проповедник», «суперинтендент», «диакон». Термин «проповедник» (*Predicant / Prediger*) и синонимичные ему выражения – «должность проповедника» (*Predigerstelle*), «служба проповедника» (*Predigeramt*) в Брауншвейгском уставе встречаются 122 раза, термин «суперинтендент» (*Superintendent / Superattendent*) – 19 раз, термин «диакон» (*Diaken / Kastendiaken / Kastenherr*) – 32 раза.

При этом в уставе различаются два случая употребления термина «проповедник». В первом случае это понятие имеет общий характер, определяя службу, заповеданную христианам Евангелием; при этом понятие

«проповедник» нередко упоминается в контексте цитат из Нового Завета. В этом значении термин применен в уставе 24 раза. Во втором случае речь идет о службе проповедников Брауншвейга. Термин «проповедник» при этом выступает как собирательное наименование для всех представителей формирующейся евангелической церковной организации: и суперинтендентов, и адьюторов, и священнослужителей приходских церквей. В таком значении термин употребляется в Брауншвейгском уставе 98 раз из 122.

К чему же сводились основные задачи проповедника? Бугенхаген приводит обращенные к апостолам слова Христа из Евангелия от Марка: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие» (Мк. 16, 15) и сравнивает деятельность проповедника с апостольским служением [123, S. 371]. Ведь через проповедь люди воспринимали Священное Писание, в результате чего должны были осознать свое предназначение для служения Богу и людям [274, S. 329]. Это означало, что проповедник занимал важное место в структуре формирующейся евангелической церковной организации.

При замещении должности проповедника, согласно Брауншвейгскому уставу, значительная роль отводилась городской администрации – Совету того района, на территории которого располагалась приходская церковь. Основанием для этого стал переход ряда церквей в XIV-XV вв. из-под юрисдикции штифтов под патронат Совета. Совместно с городским суперинтендентом, адьютором и диаконами магистраты отбирали кандидатов на должность проповедников из числа претендентов, предложенных общиной, и проводили проверку их подготовленности к священнослужению. Если экзаменуемый проявлял достаточные знания Евангелия и порядка богослужения, он утверждался в должности проповедника; это утверждение производилось суперинтендентом [123, S. 374]

Л. Шорн-Шютте полагает, что Бугенхаген в Брауншвейгском уставе рассматривал приходских священников как посредников между городскими

властями и общиной и не подчинял священнослужителей магистратам [255, S. 260]. Однако, на наш взгляд, решающим является то обстоятельство, что при назначении проповедников община и Совет имели неравные права. Прихожане имели право только рекомендовать кандидатуру проповедника – «призывать» его к духовному служению (vocation); магистраты же получили право окончательного утверждения кандидата. После этого утверждения высшие лица евангелической церковной организации города проводили официальное назначение священнослужителя (ordination). Такой порядок замещения должности проповедника свидетельствовал об усилении в период поздней Реформации позиций не только евангелических князей, но и городских Советов. Таким образом, Брауншвейгский устав зафиксировал компромисс между принципом всеобщего священства христиан, провозглашенным Лютером в послании 1520 г. «К христианскому дворянству немецкой нации...» [41, с. 14-15], и требованиями светских властей. В произведениях второй половины 20-х гг. XVI в. Мартин Лютер отошел от принципа выборности священнослужителя самой общиной, признав решающую роль светских властей в назначении проповедника. Главное требование «общинной Реформации» под давлением обстоятельств было отвергнуто самими реформаторами, что отразилось и в евангелических церковных уставах.

Брауншвейгский устав 1528 г. устанавливал штат городских священнослужителей. В большинстве приходских церквей города должны были служить два проповедника. Исключение делалось лишь для церквей св. Михаила, св. Петра и церкви госпиталя св. Марии, в каждой из которых служил один проповедник [123, S. 375]. По-видимому, это было связано с меньшим количеством прихожан в каждой из трех последних церквей. В случае болезни проповедника предусматривалась замена его другим священнослужителем с ведома суперинтендента [123, S. 375].

Установив штат священнослужителей, устав определил и размер оплаты их труда. За исполнение своих обязанностей проповедник получал

жалованье в размере 35 гульденов в год; в случае его женитьбы эта сумма увеличивалась на 10 гульденов. Из средств церковного прихода оплачивалось и жилье проповедника. В случае невозможности исполнять свои обязанности по болезни или вследствие преклонного возраста священник также получал право обеспечения за счет своего бывшего прихода, хотя в последнем случае сумма выплат не оговаривалась [123, S. 376]. Обязательность этих выплат подтверждает вывод Б. Мёллера о повышении авторитета евангелического пастора по сравнению с клириками позднего средневековья [212, S. 118]. Ведь деятельность проповедника признавалась профессией, официальной службой.

Наряду с характеристикой задач проповедника в Брауншвейгском уставе уделялось внимание контролю над повседневной деятельностью евангелической церковной организации. Ведущая роль в этом отводилась особым лицам – суперинтендентам и их помощникам – адьюторам. Брауншвейгский устав подробно регламентировал их обязанности [224, S. 417].

Термин «суперинтендент» первоначально не отделялся от понятия «проповедник»: в середине 20-х гг. XVI в. он обозначал старшего проповедника в той или иной территории [265, S. 221]. В Брауншвейгском уставе проповедь также была включена в число основных обязанностей суперинтендента. Из 19 упоминаний этой должности 12 связано именно с понятием «проповедь», которая в некоторых случаях поручалась только суперинтенденту: так, ему вменялись в обязанность проповеди по Евангелию от Иоанна [123, S. 381-382]. Но наряду с этим устав зафиксировал и новую функцию суперинтендента – «надзор за всеми делами проповедников и школ» [123, S. 373]. В таком контексте должность суперинтендента упомянута 6 раз.

При этом в сравнении с епископами полномочия суперинтендентов были значительно ограничены. Суперинтенденты являлись чиновниками, подчиненными светской власти и обязанными незамедлительно пресекать

выступления против нее. Закономерно, что каждую евангелическую проповедь во время богослужения, согласно Брауншвейгскому уставу, следовало начинать с восхваления властей [123, S. 440]. Тем самым идея покорности должна была постоянно внедряться в умы прихожан. Не случайно отсутствие горожанина на проповеди рассматривалось уставом как серьезный проступок, который подлежал рассмотрению городского Совета [123, S. 385].

Помощником суперинтендента в решении перечисленных задач, согласно Брауншвейгскому уставу, являлся адьютор (Adjutor). Эта должность упоминается в уставе 9 раз. Показателен при этом контекст употребления термина «адьютор». Он встречается либо в связке с понятием «суперинтендент» (когда речь идет о совместно выполняемых этими лицами функциях: проверке деятельности школ и проповедников), либо в тексте, следующем за упоминанием о суперинтенденте (при перечислении сумм жалования священнослужителей, а также обязанностей во время богослужения: адьютору поручались проповеди по посланиям апостолов) [123, S. 382]. Таким образом, адьютор не выступал как лицо, выполнявшее особые, независимые функции: при исполнении служебных обязанностей он непосредственно подчинялся суперинтенденту.

Суперинтендентам и адьюторам надлежало не только запрещать действия, несовместимые с принципами евангелизма, но и пропагандировать идеи Реформации, в том числе среди заведомых ее противников. Так, устав вменял им в обязанность выступления в городских монастырях: суперинтенденту – во францисканском монастыре, а адьютору – в доминиканском монастыре св. Павла. Каждую неделю суперинтендент и адьютор должны были читать в этих заведениях две-три лекции по Священному Писанию [123, S. 374]. Можно предположить, что тем самым Бугенхаген надеялся достичь двойного результата: приобщить колеблющуюся часть монашества к идеям Реформации и помешать пропаганде убежденных противников евангелизма.

В эпоху Реформации лекции стали мощным средством распространения евангелических идей. Бугенхаген упоминал их и в следующих церковных уставах, расширяя при этом круг лекторов и тематику лекций. Так, согласно Гамбургскому уставу (1529), еженедельно три лекции должны были проводить юристы, три лекции – медики, четыре – суперинтенденты и адьюторы. К чтению лекций допускались также учителя латинских школ и пасторы. При этом чтение лекций не оплачивалось: они проводились по совместительству с основной службой [175, S. 499]. Бугенхаген отмечал, что лекции не должны читаться на латинском языке. Это доказывает, что деятели Реформации стремились привлечь на свою сторону не только высокообразованных людей, но и большинство городского населения, не обладавшего глубокими познаниями в латыни. Распространению евангелизма среди бюргерства способствовало и то, что лекции читались не в монастырях, а в специально созданной лектории, открытом для всех желающих. А. Шольц отмечает, что в Гамбурге это заведение действовало и в начале XX в. – причем примерно так, как предусматривал Бугенхаген [253, S. 19].

Исходным пунктом изложения в уставе принципов христианского культа стала характеристика христианской литургии в духе евангелизма. Реформаторы пересматривали трактовку Крещения и Причастия – единственных Таинств христианства, безоговорочно признанных ими [264, S. 379]. Бугенхаген в начале главы «О Крещении» привел слова Христа, обращенные к апостолам: «Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19). Реформатор выступил против анабаптистов, предлагавших креститься во взрослом, сознательном возрасте и считавших ненужным крещение детей [123, S. 351]. Он подчеркнул, что именно Крещение делает человека христианином и помогает ему достичь спасения, поэтому его следует проводить сразу после рождения ребенка [123, S. 357].

Анализ Брауншвейгского устава позволяет утверждать, что Бугенхаген не ставил целью изменить все нормы церковных канонов. Но он отмечал, что ряд принципиальных положений культа католицизма был введен только специальными папскими декретами. Так, официальное запрещение мирянам причащаться вином было принято на Соборе в Констанце в 1415 г. Бугенхаген противопоставил этому запрету труды отцов Церкви – Амвросия и Григория Великого, в которых причащение под двумя видами упоминалось как общая норма для христиан [123, S. 409]. Таким образом, евангелический культ сохранил определенную преемственность с раннехристианской и средневековой традицией – в той мере, в которой церковные каноны не противоречили положениям Библии, прежде всего Нового Завета. Труды некоторых средневековых теологов послужили для Бугенхагена вспомогательным источником права [264, S. 380].

Преобразования культа затронули не только трактовку Таинств, но и отправление богослужения. Евангелическое богослужение коренным образом отличалось от католических церковных служб. Кроме изменения роли священнослужителя, отличие состояло в активном участии в мессе прихожан. Они не только слушали слово проповедника, но и сами участвовали в службе, совместно исполняя духовные песни [123, S. 440]. Установленный Брауншвейгским уставом порядок богослужения, начинавшегося с псалмов на немецком языке, продолжавшегося молитвами, проповедью и исполнением духовных песен, был сохранен и в последующих евангелических уставах [170, S. 348; 175, S. 528-531]. Евангелическая община стала «внимающей» общиной; слово проповедника должно было представлять назидание, поощрявшее добродетели, осуждавшее порок и даровавшее утешение в испытаниях [10, с. 58-59]. Приходским священникам поручалось читать проповеди по Евангелию от Матфея и Луки [123, S. 381].

В результате принятия устава изменениям подвергся не только внешний порядок мессы, но и содержание богослужения. «Заказная месса» (*Winkelmissa* – дословно «угловая месса», поскольку она в средние века

проводилась в приделах церквей по заказу отдельных лиц) упомянута в Брауншвейгском уставе только один раз – с требованием запретить ее [123, S. 429]. «Общая месса» (Gemeinemissa) проводилась по воскресеньям и была обязательной для всех прихожан [123, S. 376]. Это доказывает: евангелическое богослужение являлось средством сплочения горожан в единое целое – общину верующих. Справедливо замечание В.-Д. Хаушильда о том, что Бугенхаген высоко оценивал общину [142, S. 10]. Проповеди произносились во всех городских церквях и каждый день – с понедельника до субботы, но в эти дни они должны были длиться не более получаса [123, S. 381]. Многочисленные церковные праздники и продолжительные мессы, характерные для Римско-Католической Церкви, в эпоху Реформации отходили в прошлое. Поставив целью приобщить бюргеров к Евангелию, реформаторы не стремились мешать их повседневному труду.

Деятельность евангелической церковной организации не ограничивалась изменениями функций священнослужителей и преобразованием культа. Служители Церкви приняли участие в организации «общих касс», которой была посвящена еще одна часть Брауншвейгского устава. Создание системы социальной помощи взамен прежних органов благотворительности Римско-Католической Церкви стало важной задачей территориальных властей в период раннего Нового времени. Решая эту задачу, Бугенхаген исходил из реальных условий городской жизни и опирался на уже возникшие способы преодоления социальных проблем.

Средства «общей кассы» формировались из двух источников. Первым из них были сделанные до Реформации пожертвования бюргеров на заупокойные церковные службы, дары в пользу прежних благотворительных обществ, поступления от бенефициев [123, S. 450-451]. Этот источник доходов был важен на начальном этапе развития Евангелической Церкви, поскольку для ее организации требовалось материальное обеспечение. Брауншвейгский устав, однако, ничего не говорил о конфискации имущества монастырей и штифтов. Не решил он и судьбу церковной утвари: все

имущество церквей должно было инвентаризироваться Советом [123, S. 454], но распоряжений о его дальнейшем использовании в уставе не содержалось. Новым, постоянным источником для пополнения «общей кассы» стали принудительные отчисления бюргеров, хотя их точные размеры не устанавливались.

Распоряжение этими средствами возлагалось на четырех диаконов. Их избирала из своего числа община каждого прихода, но утверждение диаконов в должности осуществлялось только Советом района и проповедниками соответствующего прихода [123, S. 454]. Проверка деятельности диаконов и смещение их с должности также осуществлялось Советом и проповедниками. Община, таким образом, прямо не контролировала деятельности диаконов, хотя и избирала их на должность. В отличие от проповедников и учителей, диаконы не получали жалованья за свою деятельность [123, S. 451]. По-видимому, бюргеры исполняли эту службу на общественных началах, не оставляя своих основных занятий – ремесла или торговли.

Из средств «общей кассы» каждые три месяца выплачивалось жалованье священнослужителям, а также преподавателям двух «латинских» городских школ [123, S. 454]. Именно поступления в «общую кассу» стали основой для обеспечения формировавшейся Евангелической Церкви и школы. «Общая касса» приняла на себя также функции оказания помощи малоимущим жителям города и призрения больных и стариков. Это стало возможным благодаря тому, что в ее распоряжение перешли все пожертвования по завещаниям бюргеров, а также добровольные дары [123, S. 450]. Тем самым процесс коммунализации системы благотворительности, начавшийся в Брауншвейге перед «войной священников», получил завершение. Если в XV в. Римско-Католическая Церковь шла лишь на отдельные уступки в этой сфере, то в результате Реформации была создана централизованная система оказания помощи беднейшим горожанам, основанная на праве администрации перераспределять обязательные взносы и добровольные пожертвования бюргеров.

Предлагая создать «общие кассы», Бугенхаген не стремился к полной ликвидации всех прежних благотворительных организаций, допуская возможность их преобразования. Так, в период пребывания в Брауншвейге он посетил общину св. Алексия, члены которой жили по традициям монашества и ставили задачей уход за больными горожанами. Бугенхаген предложил членам общины избрать из своего числа диаконов, что и было ему обещано [160, S. 72].

Все предписания устава о деятельности «общей кассы» распространялись только на жителей Брауншвейга. Особо оговаривалось, что «чужие нищие», а также «все остальные, кто может трудиться», не должны получать помощь из «общей кассы» [123, S. 452]. Изгнание чужаков, по замыслу магистратов, должно было сделать благотворительность более эффективной, сократив число зависимых от нее людей, а также укрепить общественный порядок [23, с. 159].

Запреты просить милостыню для пришлых нищих и принуждение к труду ряд современных историков относят к задачам «социального дисциплинирования» (Disziplinierung) [138, S. 426-429; 186, S. 235]. М. Вебер применил этот термин к периоду «индустриального общества», характерными чертами которого являются стандартизация труда, жизни и поведения людей, а также внедрение «казарменной дисциплины» на производстве [282, S. 686]. Г. Эстрайх распространил понятие «социального дисциплинирования» и на период XVI-XVII вв. [226]. Однако, на наш взгляд, не следует сводить рамки дисциплинирования только к регламентации труда и материальному обеспечению беднейших слоев населения. Задачи Реформации были гораздо шире. Ее идеологи стремились повлиять не только на профессиональную деятельность бюргеров, но и на их внутренний мир, борясь за утверждение в обществе новых духовных ценностей. Союзницей и опорой Церкви в решении этой задачи выступила школа.

4.2. Брауншвейгский церковный устав о евангелических школах

Для масштабного воздействия на человеческое сознание реформаторы обратились к церковному воспитанию, которое должно было начинаться с самого детства. С этой целью Брауншвейгский устав поставил задачу преобразования городских школ на началах евангелизма. Необходимость этого Бугенхаген выводил из принципов христианского вероучения: «Святая истина, что [благодаря] Крещению мы вверяем своих детей Христу... Однако же никто не думает, что нам заповедано только крестить детей – напротив, [следует] также обучать [их], когда приходит время, как предписано Крещением» [123, S. 362].

При этом Бугенхаген критически оценивал возможности обучения детей их родителями: «Дóма их (детей – С.К.) не обучают страху Божьему и заповедям, не заботятся, чтобы они изучили Святое Евангелие Христа, которому вверены благодаря Крещению... Отпавшие от Бога родители растят отпавших от Бога детей» [123, S. 363]. Эта мысль ранее была выражена в послании Лютера «К советникам всех городов. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» (1524). Лютер объяснял недостатки домашнего воспитания отсутствием у родителей благочестия и опыта, а также нехваткой времени из-за повседневных дел [40, с. 159]. Между тем воспитание, по Лютеру, являлось основой взаимодействия человека с Богом [81, S. 165-179].

Ф.Кольдевей отметил роль призывов сторонников Реформации к обязательному обучению как родительскому и христианскому долгу, указав, что в XVI в. эти идеи для немецкого общества были принципиально новыми [184, S. XLVII]. Но исследователь не раскрыл всей степени их новизны. В средние века начальное образование не являлось обязательным. Единых форм его также не существовало: одни дети обучались дома, другие – в приходских или частных школах [70, с. 384]. Первые школьные уставы на

территории Священной Римской империи были приняты еще до Реформации: в Вене (1446), Нюрнберге (1505), Меммингене (1513). Однако они представляли собой учебные планы отдельных «латинских» школ, не распространяясь на весь город [151, S. 10]. Между тем в формировавшемся раннебуржуазном обществе требовалось более глубокое овладение знаниями и для повседневной жизни, и для профессиональной деятельности. Таким образом, преобразование школ Германии было объективной необходимостью.

Общественная потребность в развитии школ совпадала с субъективными интересами лидеров Реформации. Для Лютера и его сторонников существовавшая ситуация в образовании была неприемлемой, поскольку в таких условиях они не могли целенаправленно распространять свои взгляды среди молодого поколения. Такую задачу могли решить только единые для всех детей школы с унифицированной учебной программой. Неотъемлемой частью этой программы должно было стать изучение основ евангелизма под руководством преподавателей – приверженцев Реформации.

Эта задача возлагалась на уже существовавшие в Брауншвейге городские школы. Но в их организации предполагалось провести значительные изменения, которые поручались Совету и общине [123, S. 364]. Это обращение перекликалось с посланием Лютера «К советникам всех городов...», в котором была сформулирована концепция новой школы как составная часть комплексной программы преобразования общества и его религиозной организации на евангелических началах [9, с. 192]. Соответственно и новые школьные уставы представляли собой часть общецерковных уставов. Вполне объяснимо, что реформаторы обратились именно к городским Советам и общинам, поскольку бюргерство уже в начале 20-х гг. XVI в. выразило поддержку новым принципам церковной организации.

Разрабатывая учебный план «латинских» школ Брауншвейга, Бугенхаген отметил: «При открытии школ нужно в главном придерживаться

того, что написал Филипп Меланхтон в книге под названием «Наставление визитаторов» [123, S. 368]. Содержавшийся в «Наставлении...» учебный план стал нормой для реорганизации занятий латинских школ во всей протестантской Германии. Именно он был использован Бугенхагеном при составлении ряда церковных уставов, первым из которых стал Брауншвейгский [223, S. 136]. Уже в разделении учеников на три класса заметно влияние плана Меланхтона. В первых двух классах учились дети младшего и среднего возраста; третий класс предназначался для лучших учеников и создавался только в школе св. Мартина [123, S. 368]. Главным учебным предметом, как и в плане Меланхтона, выступал латинский язык. Устав требовал «приложить все усилия, чтобы юноши в школе изучали латынь, хорошо читали, правильно писали, понимали [латинских] писателей, которых им преподают, свободно говорили [по-латыни], составляли стихи и письма» [123, S. 368]. Здесь отсутствовал подробный план занятий каждой из трех групп – видимо, Бугенхагена устраивала учебная программа Меланхтона.

Вместе с тем, наблюдается существенное различие между двумя документами. Для Меланхтона латинский язык – главный и единственный язык, который следует изучать в школе. Для Бугенхагена он тоже главный, но не единственный. В «Наставлении визитаторов...» настойчиво рекомендовалось «не преподавать наряду с латинским языком немецкий, древнегреческий или древнееврейский» [48, с. 59]. Брауншвейгский устав же оговаривал: «[Учащимся] не повредит определенное время упражняться и слушать, как говорят по-немецки, чтобы не смешивать один язык с другим и не оставлять разговоров непонятыми» [123, S. 368]. Это различие можно объяснить тем, что «Наставление визитаторов...» адресовалось в первую очередь священникам, а в богослужении латынь еще сохраняла свое значение. Бугенхаген же, хотя и составлял церковный устав, работал прежде всего в интересах города, где в повседневной жизни употреблялся немецкий язык. Древнегреческий и древнееврейский языки устав советовал изучать не

всем, а только «немногим, склонным к этому и направляющимся изучать языки в высшую школу» [123, S. 368]. Здесь опять-таки видна ориентация на практические потребности немецкого бюргерства, обходившегося в повседневной жизни без знания древних языков.

Новым – по сравнению с «Наставлением визитаторов...» – является и раздел «О немецких школах». Их создание не было делом Реформации: уже в XV в. получили распространение «немецкие» школы (Deutsche Schulen – в отличие от «латинских») и «школы письма и счета» (Schreib- und Rechenschulen), где главный упор делался на составлении деловых бумаг. Создававшиеся в интересах бюргерства, эти школы зачастую были нелегальными и вступали в конфликт с духовенством; последнее было связано с тем, что в них не всегда уделялось внимание религиозному воспитанию. Порой отдельные «немецкие» школы признавались легальными (в 1418 г. – в Любеке, в 1477 г. – в Гамбурге) [69, с. 129]. Но в условиях господства Римско-Католической Церкви в системе образования правовой статус «немецких» школ не был определен, что затрудняло их деятельность.

В ходе Реформации ситуация изменилась. В Брауншвейгском уставе основное внимание по-прежнему уделялось «латинским» школам. Однако наряду с ними официально были признаны «немецкие» школы для мальчиков. Их учителя так же, как и персонал «латинских» школ, приглашались городским Советом. К прежней программе «немецких» школ добавлялось изучение Десяти заповедей, молитв, Таинств с кратким их толкованием [123, S. 370]. Однако, в отличие от учителей «латинских» школ, преподаватели «немецких» школ не получали постоянной платы. Источниками их существования были подарки из «общей кассы» и плата родителей за учебу школьников. Отсутствие постоянного жалования объяснялось тем, что эта учеба длилась меньше, чем в «латинских» школах [123, S. 370]. Тем не менее, официальное признание «немецких» школ свидетельствовало о том, что реформаторы стремились распространить

влияние евангелизма на всю молодежь, независимо от того, в каких школах она обучалась.

Это влияние, благодаря «общей кассе», должно было охватить и детей беднейших горожан: «Если люди так бедны, что не имеют возможности, но хотят хорошо воспитывать своих детей, они могут обратиться к заведующему общей кассой в их общине. Пусть они скажут учителю, что оказались в таком безвыходном положении, и приведут к нему детей, чтобы он принял их во имя Бога. Таким образом, обучение и хорошее воспитание детей распространится и на богачей, и на бедняков» [123, S. 366].

Еще одним примером влияния евангелизма в сфере образования является организация школ для девочек. В Брауншвейгском уставе было предусмотрено создание четырех таких школ, размещенных так, чтобы ученицам не требовалось ходить далеко от дома [123, S. 370]. Учеба должна была продолжаться один–два часа в день. Главным требованием к приглашенным в школы для девочек учительницам было «понимание Евангелия и хорошая репутация». Как и в случае с учителями «немецких» школ, постоянное жалованье для них не предусматривалось: учительницы получали только выплаты из «общей кассы», а также долю из денег, которые родители школьниц вносили за обучение [123, S. 370]. Видимо, как и в «немецких» школах, обучение в этих заведениях длилось меньше, чем в школах «латинских».

Хотя в уставе регламентировались только общие принципы организации женских школ, примечателен сам факт их создания. До этого учебных заведений для девочек в Брауншвейге не существовало [184, S. LII]. Предложение об их создании было выдвинуто лидерами Реформации [129, S. 128]. Так, Мартин Лютер в послании «К советникам всех городов...» указал: «Мир нуждается в хороших, умных мужчинах и женщинах для поддержания светского порядка, в котором мужчины способны были бы со знанием дела управлять страной, а женщины – воспитывать детей и вести домашнее хозяйство. Но такими мужчинами должны стать нынешние

мальчики, а такими женщинами – нынешние девочки. А для этого их нужно правильно учить и воспитывать» [40, с. 170]. И хотя нет сведений о том, что сразу же после принятия устава в Брауншвейге были учреждены школы для девочек [184, S. LP], сама постановка этого вопроса показывала: образование теперь представлялось необходимым для каждого человека, вне зависимости от пола.

Кто же входил в штат преподавателей городских школ? Ректором школы св. Мартина, согласно уставу, являлся магистр свободных искусств. Обязательность степени магистра для ректора показывала: школы и в эпоху Реформации сохранили связь с университетами, хотя ранее высшие школы подверглись критике реформаторов (в частности, в послании Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации...»). Несмотря на то, что Лютер настаивал на создании «особых школ» для подготовки учителей и проповедников [40, с. 172], этот замысел не мог осуществиться за короткое время. Между тем потребность в учительских кадрах была неотложной. Поэтому деятели Реформации обратились к университетам как основным центрам подготовки образованных людей.

В уставе отмечалась роль квалификации учителя: «Знающий и опытный преподаватель с Божьей помощью может наилучшим образом сделать способных детей за три года, или быстрее, более учеными, чем другие – за двадцать лет» [123, S. 365]. Высокая оценка учительского труда, на наш взгляд, связана с тем, что он был важен для самого Бугенхагена – преподавателя Виттенбергского университета, а ранее – ректора школы в Трептове. Та же мысль прозвучала в лютеровской «Проповеди о том, что нужно посылать детей в школу...» (1530): «Если бы я мог и должен был оставить проповедническое служение, то я не хотел бы иметь более никакую другую службу, чем быть учителем или воспитателем мальчиков, потому что я знаю, что эта профессия после проповеднического служения наиболее необходимая, наиважнейшая и самая лучшая... Молодые деревца легче гнуть и растить, несмотря на то, что некоторые при этом ломаются» [45, с. 149].

Реформаторы рассматривали повышение социального престижа профессии учителя как одну из своих целей [37, с. 173; 131, S. 20].

Хотя работа учителя и была отделена от службы проповедника, можно наблюдать точки пересечения в их функциях. При характеристике обязанностей ректора школы в уставе говорилось: «Такой человек (ученый магистр искусств – С.К.) может быть полезен и в делах, касающихся Евангелия. Он может также в назначенное время провести латинскую лекцию по Священному Писанию для ученых». Но в уставе отмечалось, что дополнительную нагрузку не следовало навязывать учителю: основной его обязанностью являлось проведение школьных занятий [123, S. 364].

Городские власти, согласно уставу, должны были контролировать эти занятия. Совет и представители общины, финансировавшей школу, имели право увольнять учителей, если они «недостаточно сведущи в своей службе, недостаточно усердны или ведут недостойную жизнь» [123, S. 365]. Для периода Реформации характерным стало рассмотрение не только профессиональных качеств учителя, но и его морального облика. Лютер, критикуя прежнюю систему образования, восклицал: «Воистину, если бы высшим школам и монастырям суждено было оставаться такими, какими они были до сего времени, а молодежь должна была обучаться и жить как раньше, то я хотел бы, чтобы ни один ребенок никогда ничему больше не учился и оставался бессловесным неучем» [40, с. 159]. Вторил ему и Бугенхаген: «Лучше ничему не учить, чем учить злу» [123, S. 364].

Участие властей в назначении и смещении школьных учителей было новым явлением, возникшим в эпоху Реформации. В прежней средневековой школе это право принадлежало ректору. Теперь же администрация, ответственная за материальное обеспечение школ, вследствие этого приобрела более широкие полномочия в делах образования. Два раза в году специальная комиссия, в состав которой входили суперинтендент, адьютор, представители Советов пяти городских районов и «общей кассы» церковного округа, проводила визитацию, проверяя состояние школ и выполнение

учителями требований устава. При этом предписывалось поддерживать «правильные, хорошие школы» – в противовес частным «закоулочным» школам [123, S. 364].

В уставе перечислялись требования не только к ректору, но и к другим преподавателям – в частности, к помощнику ректора. Помощник руководителя школы должен был обладать достаточными профессиональными знаниями, однако мог не иметь степени бакалавра. Эту должность мог занять и недоучившийся на артистическом факультете студент, не проходивший испытаний для присвоения ученой степени [184, S.XLVIII].

Согласно уставу, городской Совет и община принимали на себя материальное обеспечение учителей. Заработная плата учителей зависела от их положения в школе. Магистр искусств, приглашавшийся в школу св. Мартина на должность ректора, получал в год 50 гульденов, но в течение первого года работы его жалованье было меньшим – 40 гульденов [123, S. 366]. По-видимому, первый год рассматривался как своеобразный испытательный срок, в течение которого следовало выяснить, соответствует ли новый преподаватель всем требованиям устава. Для помощника магистра была предусмотрена заработная плата в размере 30 гульденов. Кантор, обучавший детей пению, получал 20 гульденов в год; такая же сумма составляла жалованье третьего помощника – «подмастерья» (Geselle). В школе св. Екатерины были установлены следующие размеры жалованья: для ректора – 30 гульденов в год, для кантора и помощника ректора – по 20 гульденов в год [123, S. 366] (должность «подмастерья» в этой школе не предусматривалась). В случае женитьбы каждый учитель, как и проповедник, получал ежегодную прибавку в 10 гульденов [123, S. 374].

Постоянная заработная плата была для преподавателей школ главным, но не единственным средством к существованию. Бугенхаген, перечислив размеры основного жалованья различных категорий учителей, добавил: «Каждый юноша – и из простых людей, и из зажиточных – должен ежегодно

платить по восемь мариенгрошей... Богатый человек может позволить своему сыну ходить в школу десять лет и должен расходовать на это столько денег, сколько в год он дает прислуге. Конечно же, следует ценить сына больше прислуги, а воспитание, честь и знания – блага, необходимые для каждого, – дороже, чем труд прислуги» [123, S. 366-367]. Благодаря обыденным сравнениям каждый горожанин ясно мог представить необходимость расходов на содержание школы. Прибавка из суммы, вносившейся родителями за обучение детей («школьных денег» – Schulgeld), должна была выплачиваться учителям раз в полгода [123, S. 366]. Очевидно, что наличие дополнительной оплаты за каждого ученика делало преподавателей заинтересованными в том, чтобы обучать возможно большее число школьников.

Среди вопросов, связанных с финансированием школ, в Брауншвейгском уставе была отмечена практика преподнесения бюргерами подарков за проведение дополнительных занятий с их детьми. Устав не запрещал частных занятий при условии, что учителя справлялись со своей основной работой в школе [123, S. 367]. Такое отношение показывает, что для преподавателей в эпоху Реформации поиски дополнительного заработка были явлением распространенным и, видимо, неизбежным. Судя по тому, что в качестве основного вознаграждения за частные уроки названо бесплатное питание, можно сделать вывод: жалованье учителей и их доля в «школьных деньгах» были весьма скромными.

В этих условиях важную роль для учителей играло получение жилья. Брауншвейгский устав оговаривал, что Совет должен предоставить и оплатить квартиры для руководителей школ и помощников. Если же учитель вступал в брак и не мог обойтись ранее предоставленным ему помещением, он имел право на внеочередное получение жилья или на прибавку из «общей кассы» [123, S. 367]. Предоставление бесплатного жилья способствовало привлечению иногородних учителей.

Перечисляя общие требования к знаниям и моральным качествам учителей, Бугенхаген не характеризовал подробно обязанностей разных категорий преподавателей. Исключением стала работа кантора, которой посвящена отдельная глава устава. Причину внимания к работе одного из помощников ректора следует искать в том значении, которое музыка и пение приобрели в эпоху Реформации. Начало немецкой евангелической духовной песне положил Мартин Лютер [61, с. 80]. Во введении к сборнику духовных песен, вышедшему в 1524 г., он охарактеризовал роль музыки и пения в процессе воспитания. По его мнению, музыка, как и другие искусства, должна служить средством приобщения христиан к Богу. Особенно важны духовные песни для молодых людей, которые таким образом воспринимают идеи христианства «с удовольствием», отказываясь при этом от «легкомысленных песенок» [44, с. 72-73]. Лютер стремился ввести в богослужение пение псалмов на немецком языке, хотя не отказывался и от латыни: так, помимо тридцати восьми немецких текстов духовных песен, в сборнике 1524 г. содержались пять латинских [159, S. 310].

Необходимость духовного пения в школе была отмечена и в Брауншвейгском уставе: «В обязанности кантора входит научить всех детей – старших и младших, ученых и неученых – петь хоровые песни, немецкие и латинские, разбираться в мелодиях, исполнять их в той церкви, при которой находится школа, а также в других церквях, если у их проповедников и прихожан есть такое желание. При этом нужно найти помощников, помогающих кантору в пении тенором, басом, альтом» [123, S. 369]. Кантору предписывалось ежедневно по часу заниматься с учениками. Церковное пение служило тому, чтобы наставлять детей в христианской вере. Ежедневные песенные упражнения подчиняли школу культу общины [149, S. 55].

В главе «О пении и чтении школьников в церкви» были приведены тексты, которые ученики должны произносить в церкви под руководством учителя – в частности, «Верую», «Отче наш». Здесь также перечислены

книги Библии, главы из которых должны читаться в церкви: Евангелие от Матфея, Послание апостола Павла к Римлянам, Деяния Апостолов. Учителю при этом следовало не обременять детей чрезмерно долгим чтением. Рекомендовалось также следить за тем, чтобы «все дети пели..., [а также] могли слушать латинское и немецкое чтение, понимая его» [123, S. 401]. В богослужении участвовали и помощники учителя: канторам предписывалось помочь им научиться петь псалмы в хоре [123, S. 401]. Это служит еще одним доказательством связи школы с общиной и Церковью.

Таким образом, в Брауншвейгском уставе последовательно проводилась мысль: школа – неотъемлемая часть города. Поэтому сами горожане должны принять на себя заботу о школе. Устав определил, какие кадры необходимы для функционирования городских «латинских» школ. В нем были сформулированы общие требования как к подготовке учителей, так и к их поведению вне школы, а также отмечена их роль в церковной жизни. Новая школа оказывалась неразрывно связанной с формировавшейся евангелической церковной организацией, подобно тому, как прежде школы были связаны с Римско-Католической Церковью. Однако Г. Боде отметил принципиальное различие между школами в средние века и в эпоху Реформации. Основной целью средневековых школ была подготовка учащихся к службе священников; реформаторы же вменили учебным заведениям в обязанность воспитывать все население в христианском духе [91, S. 18]. От достижения этой цели в конечном счете зависел успех Реформации в Германии.

Доказательством участия бюргеров в составлении Брауншвейгского устава являются предложения общин и гильдий, выдвинутые после изучения ими первого варианта документа. Они касались практически всех основных разделов устава. Так, бюргеры были солидарны в отношении к монастырям. Они предлагали закрыть их (предложение общины Сака), отмечая, что молодым монахам нужно дать возможность овладеть каким-либо ремеслом, а пожилым следует предоставить от города определенное обеспечение

(предложение общины Нойштадта) [150, S. 67]. Горожане обосновывали свои предложения тем, что оставленные на произвол судьбы монахи будут вести пропаганду против идей евангелизма. В период пребывания Бугенхагена в Брауншвейге монахи-францисканцы неоднократно пытались сорвать выступления реформатора, исполняя во время его проповедей католические песни [160, S. 71]. Брауншвейгский церковный устав учел предложения общин и гильдий в трех пунктах: уточнение оплаты труда учителей, повышение зарплаты проповедника и сохранение должности проповедника в церкви госпиталя св. Марии [150, S. 69]. В то же время устав не требовал немедленного закрытия монастырей и штифтов (о последних в нем не упоминалось вовсе).

Анализируя значение Брауншвейгского устава, Г. Кальберлах считает основным достижением Бугенхагена то, что он привел его в соответствие с насущными потребностями общины верующих [169, S. 117]. К. Хаазе полагает, что устав исходил из стремления реформаторов воплотить свои идеи в жизнь, а не являлся отражением действительности [134, S. 140]. Безусловно, Брауншвейгский устав создавался как на основе пожеланий общины города, так и с учетом взглядов его автора – Иоганна Бугенхагена. Но принятие устава стало возможным прежде всего потому, что его ключевые идеи ранее уже начали реализовываться в Брауншвейге (евангелическая проповедь) или, по крайней мере, были сформулированы в требованиях местного бюргерства (организация школ и «общей кассы»). Брауншвейгский устав разрабатывался как самостоятельный документ, но он свел воедино и закрепил достижения Реформации, которые к осени 1528 г. уже проявились в жизни города.

Соответствие положений устава интересам бюргерства обеспечило его жизнеспособность. Общий вывод О. Чедвика об «организаторском таланте» Бугенхагена [115, р. 69] подтверждается созданием ряда церковных уставов в разных территориях Германии в 30-е–50-е гг. XVI в. При разработке их структуры и содержания моделью служил именно Брауншвейгский устав

[см.: 132, S. 132]; неоднократно Бугенхаген лично участвовал в составлении этих документов. Утверждение церковных уставов городскими властями стало характерным явлением для Германии. Так были приняты уставы Виттенберга (1533) [176], Ганновера (1536) [174] и других городов [69, с. 135-136].

При этом три «больших» устава Бугенхагена – Брауншвейгский и последовавшие за ним Гамбургский (1529) и Любекский (1531) – значительно отличались от уставов последующих десятилетий. Первые евангелические уставы не были обычными инструкциями, перечнем предписаний, обязательных для исполнения. Они соединяли в себе черты теологических трактатов с практическими выводами из лютеранского учения [189, S. 123].

Принятие церковного устава в 1528 г. стало рубежом, отделившим один этап евангелического движения в Брауншвейге от другого. С этого момента, на наш взгляд, евангелическая церковная организация окончательно возобладала над прежними институтами католицизма. Влияние устава 1528 г. нужно учитывать, анализируя дальнейшее развитие Церкви и школ Брауншвейга, поскольку реализация положений этого документа стала основой институционализации евангелической церковной организации Брауншвейга в 30-х–50-х гг. XVI в.

4.3. Утверждение Евангелической Церкви и школы в Брауншвейге в конце 1528-1555 гг.

Для утверждения принципов Брауншвейгского устава в церковной и школьной жизни города приверженцам евангелизма предстояло преодолеть серьезные трудности. Уже в замечаниях бюргеров по проекту устава были

обозначены три основных проблемы, которые либо не затрагивались в этом документе, либо не были решены: существование католических монастырей и штифтов, распространение цвинглианства и судьба церковной утвари [160, S. 71]. Наличие таких противоречий было характерным для территорий «смешанной религиозности», к которым относился Брауншвейг. Евангелическая церковная организация должна была решить эти неотложные проблемы.

Наибольшие трудности для развития Реформации в Брауншвейге представляла деятельность католических монастырей и штифтов, открыто выступавших против принципов евангелизма и после принятия церковного устава. Приверженец католицизма, отставной казначей Шоркопф издал в конце 1528 г. несколько сочинений, в которых содержались нападки на учение Реформации. Католические священнослужители, стремясь укрепить свое влияние в среде горожан, даже начали крестить новорожденных в домах бюргеров [160, S. 74], хотя традиционно Таинство Крещения отправлялось в церквах. Городская администрация в течение полугода после утверждения устава не принимала никаких конкретных решений по его реализации. Такая позиция брауншвейгского Совета подтверждает справедливость вывода П. Бликле, который определил «Совет» и «общину» применительно к Реформации в различных городах Германии как полярные понятия [90, S. 128].

Вполне объяснимо, что наступление горожан на институты Римско-Католической Церкви началось с монастырей – ведь в борьбе против штифтов неминуемым было столкновение с герцогом Генрихом, поскольку он являлся их покровителем. Пассивность магистратов не могла устроить большинство горожан Брауншвейга, требовавших продолжения Реформации. 15 марта 1529 г. бюргеры обратились к Совету с требованием исполнения «слова Божьего и статей церковного устава» [160, S. 74]. Только под давлением бюргеров Совет продолжил преобразования. К Пасхе 1529 г. монахам было запрещено отправлять католическое богослужение [262, S. 63].

Доминиканцы и францисканцы вынуждены были оставить город. Помещение бывшего доминиканского монастыря было передано школе св. Екатерины [189, S. 124].

В 1529 г. бюргеры заняли и помещение бенедиктинского монастыря св. Эгидия. В отличие от доминиканцев и францисканцев, значительная часть бенедиктинцев поддержала идеи Реформации и после закрытия монастыря не покинула Брауншвейг. Возможно, поддержка Реформации объясняется тем, что большинство монахов в этой обители происходило из среды бюргерства. В дальнейшем на основе монастыря св. Эгидия была создана третья «латинская» общегородская школа. В 1535 г. она уже действовала на тех же принципах, что и школы св. Мартина и св. Екатерины [260, S. 47]. Ее ректором стал Бернхард Фогельман. Ф. Кольдевей сомневается в его глубоких познаниях в латыни, указывая на ряд ошибок в отчете нового руководителя школы городскому Совету [184, S. LVI]. Однако вряд ли стоит адресовать упрек в малограмотности лично Фогельману, поскольку господствовавшая в средневековых школах «кухонная латынь» и в XVI в. не была изжита. Усилий гуманистов, стремившихся очистить латинский язык от искажений, было недостаточно. К тому же в Брауншвейге, как отмечалось выше, гуманизм не получил широкого распространения. Поэтому вполне объяснимо, что возглавить новую школу пришлось человеку, не выделявшемуся особыми познаниями в латыни. Для приверженцев Реформации более важным представлялось следование нормам церковного устава 1528 г.: это оговаривалось ректором школы св. Эгидия в отчете.

После закрытия монастырей Совет Брауншвейга предпринял первые действия против штифтов. В штифтах св. Власия и св. Кириака католическое богослужение сохранилось, но бюргерам было запрещено посещать его. Очевидно, эта мера заметно ослабила влияние штифтов на городское население: фактически они оказались изолированы от бюргеров.

Не менее важной проблемой, чем борьба с «папистами», для приверженцев лютеранства на рубеже 20-х–30-х гг. XVI в. являлась борьба с

представителями других течений Реформации – «еретиками», «сектантами». Наиболее сильной группировкой являлись сторонники Ульриха Цвингли. Расходясь между собой в отдельных вопросах, они составляли «антилютеровский фронт» в вопросах трактовки Таинств, прежде всего – Причастия, а также в общих вопросах христологии [97, S. 299]. Преобразование церковного строя служило для Цвингли основанием требовать и политической автономии христианских общин [63, с. 134]. Эти идеи, угрожавшие существовавшим отношениям светских властей с подданными, вызвали острую критику со стороны лютеран.

В Брауншвейге борьба против цвинглианства началась вскоре после принятия церковного устава. В ней принял участие Иоганн Бугенхаген: весной 1529 г. он завершил работу над Гамбургским церковным уставом и, возвращаясь в Виттенберг, вновь посетил Брауншвейг, где находился с 6 мая по 20 июня 1529 г. В это время он выступил с рядом проповедей, в которых отстаивал лютеранское толкование Таинства Причастия, и организовал диспут, посвященный этой проблеме. Этот диспут состоялся в здании ратуши Нойштадта и собрал многочисленную аудиторию: проповедников приходских церквей, магистратов, диаконов, представителей всех городских общин и гильдий [160, S. 76].

Активность Бугенхагена принесла результаты. Уже в мае 1529 г. проповедники церкви св. Ульриха Генрих Книгге и Ричард Швайнфусс, обвиненные на диспуте в приверженности к идеям Цвингли и не отказавшиеся от своих взглядов, были вынуждены оставить службу и покинуть Брауншвейг. Это решение было принято на совместном заседании городского Совета, духовенства, представителей «общей кассы» и городских общин [162, S. 32]. Однако мнение общины Сака, избравшей проповедников на должность, при этом учтено не было. Поэтому изгнание Книгге и Швайнфусса вызвало недовольство многих прихожан, которые собрались в церкви св. Ульриха и обсуждали, как помочь смещенным проповедникам. Чтобы избежать столкновения, бургомистр Сака лично выступил перед

общиной и объявил, что решение о высылке было одобрено всеми органами городской администрации. Авторитет властей оказался сильнее мнения бюргеров. Опальные проповедники переселились в деревню Фолькмароде. Позже Книгге стал проповедником в Госларе, а Швайнфусс вернулся в Брауншвейг и открыл там винокурню [160, S. 77].

На рубеже 20-х–30-х гг. XVI в. произошли принципиальные изменения и в управлении церквями Брауншвейга. В 1529 г. была учреждена Коллегия духовенства, состоявшая из 14 священнослужителей приходских церквей; главой этого органа являлся городской суперинтендент [244, S. 87]. Наряду с этим был создан Генеральный коллоквиум, куда, кроме суперинтендента, адьютора и приходского духовенства, входили также представители «общих касс» всех городских общин. Задачей этого органа было обсуждение всех спорных ситуаций в церковной и школьной жизни Брауншвейга, а также проведение визитаций приходов [249, S. 96]. Городской Совет и духовенство должны были исполнять принятые Генеральным коллоквиумом решения [254, S. 81-82]. Примечательно, что представители штифтов не были включены в состав Коллегии духовенства и Генерального коллоквиума. Тем самым значительно сужались возможности влияния католического духовенства на церковную жизнь города. Можно сделать вывод, что Генеральный коллоквиум исполнял функции, характерные для евангелического синода, став прообразом этой организации.

В вопросах вероучения новые церковные институты не допускали компромиссов. Примером является столкновение в среде городского духовенства, происшедшее в 1531 г. Теперь в «цвинглианской ереси» был обвинен Иоганн Копманн – проповедник госпитальной церкви св. Марии. 9 августа Совет Брауншвейга обратился к Мартину Лютеру с письмом, в котором отмечалось, что Копманн трактует Причастие в цвинглианском духе, оспаривая взгляды других священнослужителей [280, S. 155]. В ответе Лютер, ссылаясь на устав 1528 г., указал, что выступающим против других проповедников лицам следует прекратить выступления и оставить город

[280, S. 156]. К этому времени евангелическое толкование Причастия было сформулировано в «Большом (Немецком) Катехизисе», изданном в 1529 г. и предназначенном для евангелических священнослужителей. В этом произведении Лютер недвусмысленно осуждал взгляды приверженцев Цвингли, толковавших Таинство Причастия только как воспоминание об Иисусе Христе и отрицавших значение хлеба и вина как Тела и Крови Христа [39, с. 236]. Полемика закончилась тем, что 17 сентября 1531 г. было принято решение о смещении Копманна с должности проповедника и высылке его за пределы Брауншвейга, а также об изгнании наиболее активных приверженцев цвинглианства из числа бюргеров [162, S. 40]. Принятие этого решения Советом по настоянию Генерального коллоквиума свидетельствует, что характерные для ранней Реформации идеи главенства общины в духовных делах были отвергнуты: проповедник был смещен с должности не прихожанами, а представителями городской администрации и Евангелической Церкви.

Это решение Совета не исчерпало конфликта. Изгнание Копманна осенью 1531 г. не состоялось; предположительно, проповедник избежал его, признав свои идеи ошибочными. Однако дальнейшие действия Копманна свидетельствуют о том, что он по-прежнему отвергал вероучение евангелизма. В ноябре 1531 г. Копманн помог выступить в церквях Брауншвейга Иоганну Кампанусу – представителю дитеизма, который оспаривал догмат о Божественной Троице и утверждал, что Святой Дух является лишь проявлением воли Бога Отца и Бога Сына. Лютер советовал суперинтенденту Гёрлицу применить все влияние, чтобы пресечь распространение этих идей в городе [162, S. 41].

С конца 1531 г. выступлений сторонников цвинглианских идей в Брауншвейге не наблюдалось. По-видимому, это объясняется не только вмешательством Лютера, за которым последовали отъезд Кампануса и повторное смещение с должности Копманна [160, S. 82], но прежде всего общим упадком цвинглианства после поражения его приверженцев в битве

при Каппеле в октябре 1531 г. и гибели самого Ульриха Цвингли. Большинство его прежних сторонников позднее примкнули к кальвинизму [200, S. 538-539]. Изменение ситуации в Брауншвейге в пользу приверженцев евангелизма отметил Иоганн Бугенхаген, посетивший город в апреле 1532 г., по пути в Виттенберг после составления Любекского церковного устава [262, S. 65].

Помимо борьбы с идейными противниками, Генеральный коллоквиум занимался другими неурегулированными проблемами церковной жизни. Осенью 1530 г. проповедники Иоганн Рибелинг и Андреас Хойер обратились к Генеральному коллоквиуму с требованием отмены традиционных для Римско-Католической Церкви облачений как «папских одеяний» [160, S. 78]. Однако суперинтендент Гёрлиц и остальные члены коллоквиума выступили против этого предложения, указав, что в уставе 1528 г. Бугенхаген не отменял прежних облачений духовенства. Бугенхаген уточнил свою позицию в письме к Гёрлицу от 27 сентября 1530 г., отметив, что замена облачений не является самым важным делом и священнослужителям целесообразнее заняться иными вопросами [112, S. 98-99]. В итоге лишь к началу XVIII в. священнослужители Брауншвейга перешли к использованию таларов – одеяний темного цвета, близких к светской одежде [160, S. 80]. Таким образом, в некоторых случаях традиции католицизма оказали влияние и на Евангелическую Церковь.

Становление евангелической церковной организации было обусловлено нарастанием демократического движения в Брауншвейге. Однако развитие Реформации требовало постоянной поддержки со стороны городских властей. Бюргерство стремилось закрепить преобразования, расширив свое участие в управлении городом. Следствием этого подъема стали изменения в составе городской администрации. В ноябре 1529 г. 22 члена прежнего Совета по требованию горожан были отстранены от должностей как «паписты». В новом составе Совета шире было представлено бюргерство: 15 из 30 новых его членов принадлежали к семействам,

представители которых ранее не избирались в состав городской администрации [216, S. 290]. В то же время смещенные с постов члены Совета представляли патрициат – семьи брауншвейгских купцов и богатых цеховых мастеров [263, S. 32]. Как 30 впервые избранных членов магистратов, так и большинство членов Совета, сохранивших свои посты, были приверженцами евангелизма [216, S. 285]. Эти изменения повлияли на последующее участие Совета города в Реформации.

В конце 20-х гг. XVI в. для приверженцев евангелизма в Германии сложилась неблагоприятная ситуация. После подписания мира между Священной Римской империей и Францией в Камбре в 1529 г., согласно которому Франциск I отказался от притязаний на Италию и Нидерланды и от всех антиимперских союзов [212, S. 140], сторонники католицизма перешли в наступление. На Втором Шпейерском рейхстаге в 1529 г. они попытались восстановить действие Вормского эдикта 1521 г. Однако шесть князей и представители четырнадцати имперских городов выразили против этого протест [207, S. 204-205]. С этого времени за приверженцами Реформации закрепилось название «протестанты».

Борьба между католиками и протестантами продолжилась на Аугсбургском рейхстаге 1530 г. Филипп Меланхтон подготовил к его проведению программный документ – «Аугсбургское вероисповедание», где подчеркивались прежде всего общие черты вероучения католицизма и евангелизма, а не расхождения между ними [34, с. 16]. При этом была сохранена главная идея евангелизма – принцип оправдания верой. Католические теологи отвергли «Аугсбургское вероисповедание». Неудача достижения компромисса ускорила объединение сторонников протестантизма [290, S. 26].

27 февраля 1531 г. в Шмалькальдене был официально оформлен союз евангелических князей (ведущее место среди них занимали курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский) и ряда имперских городов (крупнейшими из них были Бремен, Любек, Магдебург, Страсбург, Ульм)

[207, S. 230]. Целью союза провозглашалась взаимопомощь при любой угрозе «слову Божьему, евангелическому учению и нашей святой вере» [126, S. 351]. Таким образом, приверженцы евангелизма уже готовились к ведению боевых действий. Основными силами союза были войска курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского, насчитывавшие около 12 тыс. человек [90, S. 207]. Создание Шмалькальденского союза подвело черту под периодом «общинной Реформации» и закрепило ведущую роль князей в распространении евангелизма [89, p. 108].

Это событие повлияло и на позицию Брауншвейга в борьбе сторонников и противников Реформации в Германии. Официально Брауншвейг входил в состав герцогства Брауншвейгско-Вольфенбюттельского. Однако фактически власть в городе к этому времени перешла к приверженцам Реформации. Поэтому на ландтаге в Зальцдалуме 6 марта 1531 г. представители брауншвейгского Совета заявили об отказе подчиниться решению Генриха Младшего о запрете Реформации в герцогстве [262, S. 66-67]. Протест Совета ознаменовал окончательный разрыв Брауншвейга с территориальной властью. Чтобы выдержать противостояние с герцогом, город нуждался во внешней поддержке. И 5 июня 1531 г. на заседании руководителей Шмалькальденского союза во Франкфурте-на-Майне было одобрено присоединение Брауншвейга и еще одного нижнесаксонского города – Геттингена к этой организации [214, S. 509]. Таким образом, впервые в состав Шмалькальденского союза вошли не только свободные имперские, но и княжеские города. 2 февраля 1532 г. на встрече с членами магистратов представители городских общин одобрили вступление Брауншвейга в Шмалькальденский союз и заявили о поддержке политики этой организации [160, S. 82]. После этого Совет повел более решительную борьбу с приверженцами католицизма; в частности, весной 1532 г. был закрыт женский монастырь св. Крещения, преобразованный в приют.

Обострение противоречий между враждующими группировками предвещало скорое военное столкновение. Однако Священная Римская империя оказалась под угрозой турецкого вторжения: в 1532 г. турки начали поход на Венгрию. Это побудило католиков и протестантов на время забыть прежние раздоры. 23 июля 1532 г. император Карл V и представители евангелических территорий подписали перемирие в Нюрнберге, согласно которому урегулирование религиозных дел в Германии вверялось будущему Церковному Собору или рейхстагу [207, S. 236]. Нового успеха сторонники евангелизма добились в 1539 г., с принятием «Франкфуртской отсрочки» (Frankfurter Anstand), где лютеранство впервые с начала Реформации не рассматривалось как ересь. В 1541 г. на рейхстаге в Регенсбурге прошли религиозные переговоры между протестантами и католиками, во время которых действие Нюрнбергского перемирия было продлено, так как турки вновь вторглись в Венгрию и взяли Буду, вследствие чего возникла угроза и для Германии [212, S. 139; 290, S. 41-44]. Эти события повлияли и на Реформацию в германских землях, в том числе – в Брауншвейге.

Для сохранения завоеваний Реформации Совет Брауншвейга продолжил сотрудничество с евангелическими князьями. Участие в Шмалькальденском союзе потребовало от города значительных финансовых расходов. Важнейшим их источником стала церковная утварь. В 1532 г. часть облачений католических священников была изъята из приходских церквей и продана, а церковные колокола, чаши для святой воды, курильницы из бронзы и меди были переплавлены [211, S. 42]. Эти расходы окупались поддержкой союзников, которая помогала администрации Брауншвейга продолжать евангелические преобразования.

После закрытия монастырей католическое богослужение сохранилось лишь в штифтах св. Власия и св. Кириака, но их влияние на бюргеров еще более сократилось в результате потери патроната над всеми приходскими церквями [211, S. 42-43]. Совет каждого района теперь самостоятельно назначал священнослужителей в церкви, расположенные на его территории.

На наш взгляд, такое подчинение светским властям свидетельствует об усилении с начала 30-х гг. XVI в. авторитарных тенденций в организации Евангелической Церкви. Устранив возможность вмешательства монастырей и штифтов, администрация не дала права прихожанам единолично решать церковные вопросы. Община приобрела лишь совещательный голос в управлении городскими церквями.

Получив право патроната над церквями, магистраты одновременно приняли на себя обязанность управления их финансовыми делами. Дიაконы должны были представлять отчет Советам городских районов обо всех расходах [254, S. 82]. Такой порядок доказывает, что формировавшаяся Евангелическая Церковь оказалась материально зависимой от городской администрации. Благодаря расширению своих полномочий магистраты усилили влияние на бюргеров [23, с. 155].

Утверждая свою ведущую роль во внутригородской политике, Совет Брауншвейга продолжал сотрудничество с властями евангелических территорий. В 1538 г. в Брауншвейге, невзирая на категорический запрет герцога Генриха Младшего, состоялось совещание лидеров Шмалькальденского союза. Председательствовал на этом заседании бургомистр Альтштадта Франциск Кале. Для участия в совещании в Брауншвейг прибыли не только немецкие князья, но и датский король Кристиан III. Присоединение Дании к Шмалькальденскому союзу стало главным результатом встречи в Брауншвейге. Кристиан III обязался в случае начала войны предоставить в распоряжение союза 3 тыс. ландскнехтов [262, S. 71].

Усиление Шмалькальденского союза было для Брауншвейга очень своевременным, так как давало возможность продолжить борьбу с католическим культом. Эту борьбу поддержали и евангелические князья. Брауншвейгско-люнебургский герцог Эрнст – участник Шмалькальденского союза и противник Генриха Младшего – воспользовался правом соучредителя штифтов св. Власия и св. Кириака и в январе 1540 г.

распорядился запретить в них богослужение. По мнению Г. Хассебраука, этот поступок объясняется стремлением герцога Эрнста привлечь жителей Брауншвейга на свою сторону в борьбе за власть с герцогом Генрихом Младшим [140, S. 25]. Однако вряд ли стоит усматривать в постановлении Эрнста исключительно личные мотивы, поскольку борьба с католическим богослужением была общим требованием всех участников Шмалькальденского союза.

Действия сторонников Реформации вызвали ответную реакцию их противников. Герцог Генрих в октябре 1540 г. издал эдикт, адресованный Совету Брауншвейга, в котором требовал восстановить католическое богослужение в обоих городских штифтах. Чтобы воспрепятствовать претензиям герцога, городские власти вновь обратились за поддержкой к союзникам. Уже до конца 1540 г. Брауншвейг за счет средств Шмалькальденского союза смог нанять первоначально 200 рейтар, затем – еще 400 рейтар и два отряда пехоты [140, S. 31]. Присутствие наемных войск позволило городской администрации отвергнуть требования герцога и продолжать евангелические преобразования.

В 40-е гг. XVI в. Реформация распространилась на округу Брауншвейга (в частности, в 1542 г. был закрыт монастырь Риддагсхаузен, находившийся за пределами города, а также разрушено здание штифта св. Кириака) и на соседние города. Попытка Генриха Младшего подчинить Брауншвейг своей власти в 1542 г. была сорвана войсками Шмалькальденского союза [218, S. 8]. Потерпев поражение, герцог покинул пределы княжества. В августе 1542 г. силы евангелических князей при поддержке брауншвейгского ополчения заняли Вольфенбюттель, после чего на территории княжества была проведена визитация. Теологов в составе визитационной комиссии представляли Иоганн Бугенхаген, а также брауншвейгский суперинтендент Мартин Гёрлиц и Антоний Корвин [180, S. 168]. После завершения работы комиссии осенью 1543 г. был принят Брауншвейгско-Вольфенбюттельский

церковный устав [164, S. 22]. Это событие следует оценить как высшую точку в распространении евангелизма на территории герцогства.

Помимо военной помощи, участие Брауншвейга в Шмалькальденском союзе привело к созданию новых органов надзора в рамках городской церковной организации. В 1543 г. в Брауншвейге для решения всех конфликтов в церковных и семейных делах была организована консистория. В ее состав должны были входить два юриста, два нотариуса, а также несколько священнослужителей (их точное число не оговаривалось) [231, S. 61]. Служба в консистории, подобно тому, как было установлено уставом 1528 г. в отношении других церковных должностей, должна была оплачиваться. Это доказывает, что в евангелической церковной организации Брауншвейга в начале 40-х гг. XVI в. функция контроля уже не совмещалась с другими, а стала самостоятельной. На ее исполнение у соответствующих лиц должно было отводиться все служебное время. Постоянный характер деятельности консистории, по мнению Г. Кирхнера, свидетельствует о ее «конкуренции» функциям визитационных комиссий, проводивших инспекции лишь в определенное время [177, S. 46]. Следует отметить, что в состав обоих институтов входили как священнослужители, так и светские юристы. Это свидетельствует о стремлении властей подчинить евангелическую церковную организацию.

Укрепление контролирующих функций Евангелической Церкви отразилось и на учебной программе «латинских» школ. Религиозное воспитание в школах Брауншвейга теперь осуществлялось не только учителями, в обязанности которых входило преподавание, наряду с другими дисциплинами, лютеровского Малого Катехизиса [127; 136], но и включенным в штат проповедником, а также двумя его помощниками – теологами. Дважды в неделю они должны были проводить с учащимися лекции по Священному Писанию [231, S. 60]. О том, какое значение придавалось этим лекциям, говорит тот факт, что проверка деятельности школьного проповедника и теологов осуществлялась лично

суперинтендентом – руководителем евангелической церковной организации в городе.

Исследователи Реформации в Брауншвейге не отделяют период 40-х гг. XVI в. от предшествующих событий евангелического движения в городе [216; 262]. На наш взгляд, создание консистории и участие духовенства в проведении школьных занятий свидетельствуют об усилении в этот период контроля со стороны Церкви, распространявшегося как на священнослужителей и преподавателей, так и на рядовых бюргеров. Во второй половине 20-х гг. XVI в. функции надзора предполагалось ограничить проведением визитаций. Но они не могли обеспечить постоянного контроля над исполнением бюргерами требований евангелизма в повседневной жизни. Церковь, не отказываясь от прежних методов, изыскивала новые пути воздействия на все население города и округа.

Укреплению завоеваний Реформации в Брауншвейге способствовали и прямые контакты с центром евангелического движения Германии – Виттенбергом. Так, весной 1545 г. по предложению городского врача Антония Нигера представители Совета Брауншвейга обратились к Филиппу Меланхтону с просьбой предложить достойного человека на должность ректора школы св. Мартина. Реформатор откликнулся на эту просьбу, порекомендовав Совету кандидатуру магистра Иоганна Пецельта. Договор между Пецельтом и городским Советом, помимо перечисления обязанностей ректора и учителей, подтверждал право администрации контролировать работу школ путем регулярных визитаций [270, S. 63]. В должности ректора Пецельт работал два года, получив при отъезде вознаграждение за службу. В 1545 г. в Брауншвейг прибыли еще двое преподавателей из Виттенберга – Петр Авианус и Иоганн Цаннгер, которые также стали учителями школы св. Мартина [184, S. LVIII].

Контакты с Виттенбергом влияли и на становление Евангелической Церкви в Брауншвейге. Осенью 1545 г. в этот город был приглашен доктор теологии Николаус Медлер, который также получил образование в

Виттенбергском университете, а затем занимал пост суперинтендента в Наумбурге. В том же году, после добровольного ухода в отставку Мартина Гёрлица, Медлер был избран духовенством Брауншвейга на должность суперинтендента [184, S. LIX]. Заняв этот пост, он попытался организовать на основе церкви св. Ульриха педагогиум – учебное заведение для подготовки священнослужителей и учителей [211, S. 42]. На наш взгляд, эти приглашения свидетельствуют о том, что пополнение духовенства и преподавателей образованными приверженцами евангелизма оставалось серьезной проблемой и почти двадцать лет спустя после принятия Брауншвейгского церковного устава. Участие выпускников Виттенбергского университета в утверждении лютеранства Р. Розин определяет как «вертикальное воздействие» Виттенберга на евангелические территории Германии [251, р. 308].

Наряду с ориентацией на помощь Виттенберга, священнослужители Брауншвейга стремились самостоятельно продолжать дело Реформации. О распространении положений Брауншвейгского устава в городской округе свидетельствуют «Статьи о визитациях» 1546 г., адресованные властям близлежащих городков – Ассбургга и Эйха. Этот документ отразил проблемы, с которыми сталкивались евангелические священнослужители в повседневной деятельности: упадок местных церквей, наличие многочисленных нищих (в том числе приходящих из других городов), отсутствие многих детей на занятиях в школе. Священникам вменялось в обязанность следить за тем, чтобы все местные жители присутствовали на богослужении, а также причащались [80, S. 478]. Визитаторы должны были проверить познания священников в «законе и Евангелии», умение проповедовать и излагать Катехизис. Эти требования предъявлялись и к кюстерам – церковным дьячкам [80, S. 479]. Судя по подробному перечислению требований, можно предположить, что в действительности претенденты на церковные должности не всегда обладали отмеченными знаниями и умениями. Таким образом, служители Евангелической Церкви

Брауншвейга выступали для приходских священников городской округи в качестве наставников и контролеров. Успехи Реформации в Брауншвейге дали возможность в 40-х гг. XVI в. утвердить ее на новых территориях. Продолжая испытывать влияние Виттенберга – главного центра Реформации в Германии, Брауншвейг одновременно стал таким центром для близлежащих земель.

Между тем политическая ситуация в Германии вновь обострилась. В 1546-1547 гг. противостояние лагерей католицизма и евангелизма переросло в открытое столкновение – Шмалькальденскую войну. Но и после ее завершения победой императорских войск при Мюльберге в 1547 г. Римско-Католическая Церковь не смогла восстановить прежние позиции в Брауншвейге. Это отразилось в реакции властей города на принятый 15 мая 1548 г. Аугсбургский Интерим – документ, разработанный умеренными католическими и евангелическими теологами по настоянию императора Карла V. Интерим фактически восстанавливал католическое вероучение и богослужение; этим документом признавались лишь брак женатых к тому времени евангелических священнослужителей и право мирян причащаться под двумя видами. Но даже эти уступки носили временный характер: окончательное решение этих вопросов выносилось на Тридентский Собор, который открылся в 1545 г. [290, S. 50].

Приверженцы Реформации не могли удовлетвориться отдельными уступками в период, когда уже сложилась принципиально новая церковная организация. Признать условия Интерима означало согласиться с запретом основных принципов евангелизма. Аугсбургский Интерим был отклонен евангелическими территориями. Такую же позицию занял и Совет Брауншвейга [189, S. 124]. Поэтому мнение О. Мёрке, который рассматривает 1548 г. в качестве завершающей даты противостояния между городской администрацией и территориальной герцогской властью [216, S. 307], не представляется нам убедительным. Конфликт в Брауншвейге невозможно считать исчерпанным с окончанием Шмалькальденской войны,

поскольку и после этого продолжилась борьба за основное требование сторонников Реформации – свободное отправление евангелического богослужения.

Продолжение Реформации в городе было сопряжено не только с внешними препятствиями, но и с внутренними проблемами. О противоречиях, существовавших в евангелической церковной организации Брауншвейга, свидетельствуют документы, характеризовавшие деятельность городских школ. В 1547 г. был издан «Отзыв диаконов о школьном деле в городе». В нем отразились настроения местного бюргерства: осуждалось предпочтение, отдававшееся иногородним преподавателям перед учителями – уроженцами Брауншвейга; отмечались факты столкновений между учителями школ из-за разных размеров жалованья. В «Отзыве диаконов...» вновь подчеркивалась необходимость постоянно действующего лектория, где еженедельно проходили бы четыре лекции по Священному Писанию [133, S. 88]. То, что на деятельности лектория настаивали сами бюргеры, доказывает: Реформация в Брауншвейге пользовалась массовой поддержкой горожан. Кроме того, мы предполагаем, что именно на лекторий возлагалась задача готовить компетентные местные кадры священнослужителей и преподавателей и повышать их квалификацию. Решение этой задачи позволило бы Брауншвейгу не обращаться в Виттенберг всякий раз, когда возникала потребность назначить нового проповедника или учителя. Подобную задачу суперинтендент Медлер возлагал на педагогиум, куда для преподавания были приглашены Филипп Меланхтон и церковный историк Матиас Флакк Иллирик, вынужденные покинуть Саксонию после поражения протестантов в Шмалькальденской войне [211, S. 42]. Педагогиум, однако, не смог наладить свою деятельность. На наш взгляд, это объясняется тем, что временно приглашенные преподаватели вскоре покинули Брауншвейг, а преемников соответствующего уровня в городе не было.

Между тем борьба между городом и герцогом не прекращалась. Генрих Младший не оставлял попыток силой подчинить Брауншвейг. С этой целью в

середине июля 1550 г. его войска начали осаду города, которую, однако, вынуждены были снять в начале сентября того же года. Вторая осада Брауншвейга проходила в сентябре – октябре 1553 г. и вновь не принесла герцогу успеха. Возможно, прекращение боевых действий было связано с обращением к Генриху Младшему католических князей Франконии, которые вели борьбу с протестантскими войсками и нуждались в поддержке [1, с. 378].

20 октября 1553 г. между герцогом и Советом Брауншвейга был заключен мирный договор. Хотя город признал герцога и его наследников как территориальных князей, приняв обязательство уплатить Генриху Младшему 80 тыс. талеров штрафа и возвратить 12 орудий, захваченных в ходе Шмалькальденской войны, в делах религии было закреплено важнейшее новшество: Брауншвейг сохранил свободу вероисповедания до общегерманского Собора, а также право назначения священнослужителей в приходские церкви. К тому же герцог отказался от попыток восстановить католическое богослужение в штифте св. Власия [244, S. 125-129].

Р. Модерхак, оценив основное содержание договора как взаимную уступку обеих конфликтующих сторон, не делает вывода о значении этого документа. Исследователь лишь отмечает, что договор оставил многие вопросы нерешенными [211, S. 44]. Между тем, на наш взгляд, именно договор 1553 г. определил завершение конфликта между городской администрацией и территориальной княжеской властью. Сохранив статус-кво в политических отношениях с герцогом, в религиозной сфере Брауншвейг добился признания принципов Реформации. Действие церковного устава 1528 г. в пределах города было подтверждено. Подписание Аугсбургского религиозного мира в 1555 г. окончательно зафиксировало в Брауншвейге свободу евангелического вероисповедания [189, S. 124].

Таким образом, в истории Реформации в Брауншвейге период 1528-1555 гг. характеризуется официальным признанием евангелизма и

закреплением его завоеваний в повседневной жизни. Брауншвейгский устав 1528 г. впервые на территории Германии оформил организацию Евангелической Церкви в пределах отдельного города. Этот документ свидетельствует, что проповедники, кандидатуры которых бюргерство выдвигало из своей среды, заняли ведущее место в новой церковной организации. Но община не приобрела права их назначения: утверждение проповедников теперь находилось в компетенции городских властей – как церковных (суперинтенденты), так и светских (Совет).

Составной частью устава были разделы, посвященные системе диаконии. Диаконы, кандидатуры которых выдвигались общиной, утверждались Советом и были подотчетны ему. Будучи ответственными за предоставление материальной помощи своим малоимущим землякам, они в то же время должны были не допустить к этим средствам нищенствующие элементы из других городов. Использование церковных средств в интересах города стало новым явлением в жизни Брауншвейга. Наряду с этим «общие кассы» пополнялись благодаря взносам бюргеров, что позволило материально обеспечить священнослужителей приходских церквей и учителей городских школ. Функционирование «общих касс» доказывает, что евангелические церкви и школы опирались на массовую поддержку бюргерства.

Устав также по-новому регламентировал место школ в жизни города. Евангелическая школа преследовала две основных цели: во-первых, готовила учеников к будущей профессиональной деятельности; во-вторых, воспитывала учащихся в христианском духе. Сочетание интересов церковной организации с потребностями бюргерства проявилось в учебной программе школ, регламентировавшей уставом.

Вместе с тем в Брауншвейгском уставе был предусмотрен контроль деятельности проповедников и учителей путем создания внутри евангелической церковной организации специальных должностей – суперинтендентов и адьюторов. Они, совместно с магистратами, приобрели

право назначать и увольнять священнослужителей и преподавателей. Важной задачей при этом была борьба с идейными противниками – и католиками, и анабаптистами, и цвинглианцами.

Таким образом, в содержании Брауншвейгского церковного устава отражались интересы как бюргерства, так и городских властей. Демократический принцип выбора проповедников из числа самих прихожан сочетался здесь с принципом контроля, осуществлявшегося церковной и городской администрацией. Дальнейшее выражение демократическая линия нашла в переизбрании Совета города в 1529 г. Однако новый Совет повел борьбу не только против Римско-Католической Церкви, но и против сторонников других направлений Реформации. Формирующаяся евангелическая церковная организация опиралась прежде всего не на поддержку общин, а на авторитет светской власти.

Этот принцип организации Евангелической Церкви окончательно возобладал после вступления Брауншвейга в Шмалькальденский союз в 1531 г. Это событие обеспечило городу поддержку извне, столь необходимую в условиях конфликта с территориальной властью, но в то же время поставило судьбу дальнейших преобразований в зависимость от действий евангелических князей, с курсом которых Совет города согласовывал свою политику. Социальные вопросы были отодвинуты на второй план: приоритет теперь отдавался не расширению завоеваний Реформации, а закреплению достигнутого. Это проявилось в борьбе сторонников Лютера с различными направлениями их идейных противников, а также в усилении контроля над духовенством, учителями и верующими, который осуществляли специально созданные в 30-х–40-х гг. XVI в. институты – Генеральный коллоквиум и консистория. Их требованиям должны были подчиняться как бюргеры Брауншвейга, так и жители городской округи.

В период 1528-1555 гг. требования Реформации стали прежде всего средством решения политических и административных вопросов. Восстановление позиций сторонников евангелизма после поражения в

Шмалькальденской войне помогло сохранить и официально закрепить основные церковные преобразования в жизни Брауншвейга в середине 50-х гг. XVI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В средние века Брауншвейг был одним из основных центров Северной Германии. Экономическое развитие содействовало постепенному приобретению этим городом фактической автономии от власти Брауншвейгско-Вольфенбюттельской герцогской династии и усилению позиций местного Совета. Однако серьезным препятствием на этом пути являлась Церковь. Католическое духовенство Брауншвейга вело политику, направленную на расширение своего влияния в городе.

Фактически выйдя из-под епископского контроля, брауншвейгские штифты при поддержке герцогской династии сосредоточили в своих руках как финансовые ресурсы, так и право патроната над рядом приходских церквей. Штифты и монастыри контролировали также сферу образования, стремясь воспрепятствовать учреждению городских школ, не зависимых от духовенства. Церковь и подчиненная ее влиянию школьная система в этот период выступали как консервативные силы. На исходе средневековья политика духовенства вызвала оппозицию среди бюргерства Брауншвейга, что проявилось в «войне священников» 1413-1420 гг.

По своим формам и сути «война священников» в Брауншвейге – типичное для средневековья явление. Этот конфликт возник в результате столкновения городской администрации и высшей церковной иерархии. Целью Совета не было подчинение церковных институтов общине – дело касалось лишь отдельных спорных моментов их взаимоотношений. Претензии клира на расширение собственных доходов за счет пожертвований бюргеров стали одним из ключевых пунктов конфликта. Договор 1420 г. позволяет сделать вывод, что противоречия не были окончательно устранены. Это создало основу для последующих столкновений жителей Брауншвейга с местным духовенством, получивших новые импульсы в эпоху Реформации.

После завершения «войны священников» Римско-Католическая Церковь стремилась укрепить свое влияние силовыми мерами. Основным органом, проводившим эту линию, стал «Союз клира». Влияние гуманизма в Брауншвейге по сравнению с рядом крупных городов Германии было слабее; это обстоятельство способствовало тому, что до начала Реформации организованной идейной оппозиции политике Церкви в этом городе не наблюдалось. Но выступление Мартина Лютера нашло своих приверженцев и в Брауншвейге, поскольку хищническая политика папской курии затронула и этот город.

Однако Брауншвейг нельзя отнести к основным центрам ранней Реформации. Хотя в средние века здесь происходили острые конфликты между городом и Римско-Католической Церковью, хотя сочинения Лютера появились в Брауншвейге в то же время, что и в других регионах Германии, хотя евангелические идеи нашли поддержку у разных слоев городского населения – несмотря на все эти благоприятные для Реформации факторы, она до середины 20-х гг. XVI в. развивалась в Брауншвейге как идейно-теоретическое движение.

Причины неудач первых брауншвейгских реформаторов в каждой конкретной ситуации были различны. В одном случае пропаганда лютеровских идей столкнулась с недостаточно подготовленной аудиторией при резком противодействии церковных и светских властей (Готтшалк Крузе, Антоний Корвин), в другом – эти идеи распространялись в узком кругу слушателей (кружок Эвриция Корда). Но, невзирая на поражения отдельных приверженцев Реформации, ее идеи постепенно воспринимались все более широкими кругами населения, прежде всего в результате проповеди низшего духовенства.

Решения Первого Шпейерского рейхстага 1526 г. дали возможность территориальным властям – и князьям, и магистратам – самостоятельно определять церковную политику. В 1526 г. сторонники Реформации начали проповедовать в приходских церквях Брауншвейга, а с 1527 г. здесь стало

отправляться евангелическое богослужение. Чтобы окончательно преодолеть влияние приверженцев католицизма, необходимо было создать евангелическую церковную организацию и утвердить ее культ. Но среди сторонников евангелизма существовали расхождения относительно сущности преобразований и методов их воплощения в жизнь. Большинство членов магистратов предлагали ограничить Реформацию отдельными изменениями в сфере культа. Бюргеры же выступали за всестороннее преобразование Церкви, связывая с этим и решение социальных проблем.

Приглашенный в феврале 1528 г. в Брауншвейг Генрих Винкель был недостаточно авторитетен и опытен, чтобы завершить процесс реформирования Церкви в городе. Обращение Совета к Иоганну Бугенхагену стало рубежом в развитии евангелизма в Брауншвейге. С этого времени основную роль в закреплении ее результатов начинает играть городская администрация, а принципы «общинной Реформации» постепенно отходят на второй план, хотя и не утрачиваются окончательно.

Важную роль в утверждении Реформации в Брауншвейге сыграла и личность самого Иоганна Бугенхагена. Уже в период обучения в Грейфсвальдском университете и заведования школой в Трептове он фундаментально изучил Священное Писание, а затем углубил свои познания благодаря чтению теологических лекций. На раннем этапе своего творчества Бугенхаген разделял ряд положений гуманизма, однако причислить его к лагерю гуманистов мы не можем. Нет оснований оценивать Иоганна Бугенхагена в это время и как сложившегося сторонника Реформации. Его отношение к церковным институтам до конца 1520 г. определялись морально-аскетическими установками, характерными еще для средневековых мыслителей, а не принципами евангелизма.

Знакомство с программными произведениями Лютера повлияло на «Прощальное послание Иоганна Бугенхагена к своим ученикам в Трептове», написанное в начале 1521 г. В нем автор выступил против насаждавшегося католицизмом культа «добрых дел», отстаивал сформулированный Лютером

принцип оправдания верой, а также подчеркнул необходимость изучения Священного Писания каждым христианином. Переезд в Виттенберг стал началом активной деятельности Бугенхагена в лагере Реформации, включавшей произнесение проповедей, чтение лекций, участие в переводе Библии на немецкий язык, написание теологических произведений. С середины 20-х гг. XVI в. началось сотрудничество Бугенхагена с приверженцами Реформации в других регионах. Обращаясь к бюргерам Гамбурга, Бугенхаген в 1526 г. написал сочинение «О христианской вере и истинных добрых делах...», в котором были сформулированы принципы избрания проповедника общиной верующих, отправления «немецкой мессы» наряду с «латинской», необходимость диаконического служения. Тем самым были заложены основы евангелической церковной организации, принципиально отличавшейся от иерархической структуры Римско-Католической Церкви. Для завершения этого процесса следовало принять документ, где эти принципы носили бы не рекомендательный характер, а служили бы практическим руководством к действию.

Разработанный Бугенхагеном в 1528 г. Брауншвейгский церковный устав стал инструкцией, обязательной для выполнения и священнослужителями, и бюргерами. Региональная церковная организация, создававшаяся на основе Брауншвейгского устава, изначально занимала подчиненное место по отношению к городским властям, что проявилось как в порядке замещения должностей священнослужителей, так и в содержании евангелических проповедей. Вместе с тем нет оснований оценивать Брауншвейгский устав как отражение исключительно ортодоксальных взглядов на церковное устройство. Преобразованные на его основе евангелические церкви и школы стали оплотами борьбы с Римско-Католической Церковью.

Брауншвейгский устав 1528 г. – документ, имевший принципиальное значение для развития Евангелической Церкви и школы Германии. Опираясь на труды реформаторов (прежде всего – Лютера) и учитывая прежние формы

организации Церкви и школы, устав соединил традиции с новаторскими идеями. Его рекомендации носили универсальный характер и могли быть реализованы не только в Брауншвейге, но и в других территориях. Подтверждение тому – появление церковных уставов в ряде германских городов и княжеств в последующий период Реформации. Брауншвейгский устав служил для них образцом и по структуре, и по содержанию.

К начальному этапу поздней Реформации в Брауншвейге, на наш взгляд, применимо определение «Реформация Совета», поскольку инициатива евангелических преобразований перешла от бюргерства к магистратам. Созданные в начале 30-х гг. XVI в. органы управления церковными делами, основным из которых стал Генеральный коллоквиум, в ряде случаев решали возникшие проблемы в соответствии с положениями устава 1528 г., но без учета пожеланий горожан. Такой подход проявился, в частности, в борьбе властей против сторонников цвинглианства. Однако дальнейшее обострение конфессионально-политической ситуации в Германии на рубеже 20-х–30-х гг. XVI в. вынудило власти Брауншвейга искать союзников.

Вступление города в Шмалькальденский союз в 1531 г. дало возможность проводить дальнейшее преобразование церквей и школ Брауншвейга в духе евангелизма. В то же время это событие окончательно определило подчиненную роль бюргеров по отношению к городской администрации, а администрации – по отношению к евангелическим князьям, руководившим Шмалькальденским союзом. Таким образом, 1531 г. можно рассматривать как рубеж, ознаменовавший переход Брауншвейга от «городской» к «княжеской Реформации».

В 40-х гг. XVI в. влияние Евангелической Церкви на бюргерство Брауншвейга возросло. Это стало возможным благодаря прежде всего военной победе протестантов над католиками в 1542 г. После этого в Брауншвейге была создана консистория, которая регулировала семейные отношения, контролировала священнослужителей и преследовала

выступления против евангелизма. Надзор, осуществлявшийся ранее суперинтендентами и адьюторами, теперь усилился. Укрепившись в городе, Евангелическая Церковь получила возможность действовать и в округе Брауншвейга. Визитаторы следили за утверждением лютеранской Реформации в близлежащих территориях, стремясь не допустить отклонений от ее принципов.

Союзницей новой Церкви в распространении идей Реформации выступали евангелические школы Брауншвейга. Как приглашенные из Виттенберга учителя, так и местные преподаватели должны были проводить занятия, не отступая от принципов евангелизма и внедряя их в сознание учеников. Средствами этого служили изучение лютеровского Катехизиса, чтение теологических лекций, а также участие школьников в богослужении. При этом реформированные школы сталкивались с рядом проблем; основной из них являлось недостаточное материальное обеспечение учебных заведений. Но, невзирая на эти трудности, именно преобразованные на началах евангелизма церкви и школы во многом обеспечили успех Реформации в городе.

В рамках Реформации в Брауншвейге, на наш взгляд, следует выделить такие основные этапы: 1517-1523 гг. – начальный этап, связанный с пропагандой нового учения в теологических лекциях среди духовенства и части бюргерства; 1524-1525 гг. – широкое распространение учения Реформации в среде бюргерства (религиозный диспут, евангелические проповеди); 1526-1528 гг. – начало реформирования богослужения и подготовка администрацией и бюргерством проектов дальнейших церковных нововведений; 1528-1531 гг. – «Реформация Совета», проводившаяся на основе положений Брауншвейгского церковного устава, и начало институционализации евангелической церковной организации; 1531-1542 гг. – дальнейшая институционализация евангелической церковной организации города, связанная с участием Брауншвейга в Шмалькальденском союзе; 1542-1547 гг. – распространение Реформации в округе Брауншвейга; 1547-1555 гг.

– борьба городской и герцогской власти за сохранение достижений Реформации и закрепление основных требований евангелизма.

Благодаря евангелическим церквам и школам учение Реформации распространялось среди городского населения. И хотя «общинная Реформация» в 30-х–50-х гг. XVI в. уже не была ведущим течением евангелизма, ее влияние сказалось на окончательных результатах этого движения. Борьба Брауншвейга против герцогской власти после поражения протестантов в Шмалькальденской войне в 1547 г. доказывает, что успехи Реформации в городе обеспечивались не только вооруженными силами евангелических князей, но прежде всего – массовой поддержкой горожан. Именно она позволила отстоять Брауншвейг в ходе двух осад герцогскими войсками.

Договор 1553 г. между Советом Брауншвейга и герцогом Генрихом Младшим закрепил автономное положение города в Брауншвейгско-Вольфенбюттельском герцогстве. Он означал невозможность для города добиться признания Реформации в пределах всего княжества, а для герцога – вернуть Брауншвейг под свой полный контроль. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. отразил это примерное равенство сил протестантов и католиков в масштабах Германии в принципе «Чья власть, того и вера». Главным достижением Реформации в Брауншвейге стало утверждение евангелической церковной и школьной организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бецольд Ф. фон. История Реформации: Пер. с нем.: В 2 т. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1900. – Т. 2. – 390 с.
2. Брагина Л.М. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа // Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1972. – С. 125-140.
3. Брендлер Г. Мартин Лютер: Теология и революция: Пер. с нем. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 368 с.
4. Володарский В.М. Культура Германии в конце XV-XVI вв. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. – М.: Мосгорархив, 1996. – С. 94-134.
5. Гаврюшенко А.А. Филипп Меланхтон: гуманист и реформатор (1517-1524 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02./ Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1988. – 24 с.
6. Гейльброннская программа: Пер. с нем. // Ермолаев В.А. Гейльброннская программа (Программа радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – С. 201-249.
7. Голубкин Ю.А. Из любви к истине // Лютер М. Время молчания прошло. – 2-е изд. – Харьков: Око, 1994. – С. 227-332.
8. Голубкин Ю.А. Мартин Лютер в историографии ГДР // Вестник Харьк. ун-та. – 1983. – № 238: История и культура досоциалистических формаций. – С. 62-68.
9. Голубкин Ю.А. Мартин Лютер и его сочинение «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 190-193.
10. Голубкин Ю.А. Мартин Лютер и реформирование мессы // Вісник Харк. ун-ту. – 2001. – № 526: Історія. – Вип. 33. – С. 52-60.

11. Голубкин Ю.А. Общественно-политические взгляды и позиция Мартина Лютера во время второго периода раннебуржуазной революции в Германии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02./ Харьк. гос. ун-т. – Харьков, 1974. – 26 с.
12. Голубкин Ю.А. Первые визитации в курфюршестве Саксонском // Вісник Харк. ун-ту. – 2002. – № 566: Історія. – Вип. 34. – С. 64-72.
13. Голубкин Ю.А. После бури. (Что предопределило позицию Лютера в 1526-1529 гг.?) // Вісник Харк. ун-ту. – 2000. – № 485: Історія. – Вип. 32. – С. 48-55.
14. Голубкин Ю.А. Послесловие // Лютер М. Жить и возвещать дела Господни. – Харьков: Майдан, 2001. – С. 335-350.
15. Голубкин Ю.А., Дятлов В.А. Реформационное движение в Виттенберге (1521-1522 гг.) // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. – С. 121–139.
16. Голубкин Ю.А. Филипп Меланхтон и его «Наставление визитаторов» // Европейская педагогика от античности до Нового времени. Ч. 3. – М.: Изд. ИТП и МИО РАО, 1994. – С. 54-58.
17. Голубкин Ю.А., Баев С.И. Эволюция взглядов Ф. Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну в Германии // Вестник Харьк. ун-та. – 1981. – № 214: История СССР и зарубежных стран. – С. 59-67.
18. Голубкін Ю.О. Мартін Лютер у радянській історіографії // Питання історії народів СРСР. – Харків, 1973. – Вип. 15. – С. 130-137.
19. Голубкін Ю.О. На шляху до суверенної територіальної Євангелічної Церкви в курфюрстві Саксонському // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т.Г. Шевченка. – 2004. – Вип. 27. Серія: історичні науки: № 2. – С. 9-12.
20. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1986. – 427 с.
21. Григорьян Ю.М. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. – 1958. – № 1. – С. 123-139.

22. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1985. – 480 с.
23. Дятлов В.О. «В ім'я Бога і загального добра». Нижчі верстви населення німецького міста і Реформація. – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – 351 с.
24. Ермолаев В.А. Гейльброннская программа (Программа радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – 263 с.
25. Каплюк В.З. Некоторые вопросы Реформации в Германии в буржуазной науке ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1980. – Вып. 14. – С. 33-49.
26. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время: В 4 т. – Пд.: Изд. М.М. Стасюлевича, 1915. – Т. 2. История XVI и XVII вв. – 640 с.
27. Кариков С.А. О применении контент-анализа в исследовании евангелической церковной организации XVI века (по материалам Нижней Саксонии) // Історичні і політологічні дослідження. – 2004. – № 1(19). – С. 166-171.
28. Кариков С.А. Школы Германии в эпоху Реформации // Вісник Харк. ун-ту. – 2002. – № 566: Історія. – Вип. 34. – С. 55-64.
29. Каріков С.А. "Війна священників" у Брауншвейзі: передумови, хід, наслідки // Вісник Харк. ун-ту. – 2004. – № 633: Історія. – Вип. 36. – С. 168-177.
30. Каріков С.А. До характеристики подій 1517-1528 років у Брауншвейзі // Збірник наукових праць. Серія "Історія та географія" / Харк. держ. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. – 2003. – Вип. 13. – С. 20-27.
31. Каріков С.А. Перші евангелічні шкільні статuti в Німеччині // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. – 2001. – № 10 (44). Історичні науки. – С. 18-25.
32. Каріков С.А. Початок реформаторської діяльності Йоганна Бугенхагена у Віттенберзі // Український історичний збірник. – 2004. – Вип. 7. – С. 57-68.

33. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – 430 с.
34. Котляров П.М. Світогляд і релігійно-політична діяльність Філіппа Меланхтона: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02./ Київ. нац. ун-т. – К., 2000. – 20 с.
35. Кошелева О.Е. Заметки об историко-педагогическом исследовании // Советская педагогика. – 1991. – № 6. – С. 85-90.
36. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. – М.: Наука, 1991. – 344 с.
37. Курило О.В. Педагогические взгляды и деятельность Мартина Лютера в свете идей гуманизма и просвещения // Мартин Лютер – реформатор, проповедник и педагог. – М.: Изд. РОУ, 1996. – С. 161-179.
38. Лаубе А. Томас Мюнцер и раннебуржуазная революция // СВ. – 1992. – Вып. 55. – С. 248-266.
39. Лютер М. Большой Катехизис: Пер. с нем. // Лютер М. Жить и возвещать дела Господни. – Харьков: Майдан, 2001. – С. 57-262.
40. Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы: Пер. с нем. // Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520-1526 гг. – Харьков: Око, 1994. – С. 153-180.
41. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства: Пер. с нем. // Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520-1526 гг. – Харьков: Око, 1994. – С. 11-82.
42. Лютер М. Малый Катехизис: Пер. с нем. // Лютер М. Жить и возвещать дела Господни. – Харьков: Майдан, 2001. – С. 15-56.
43. Лютер М. О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться: Пер. с нем. // Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520-1526 гг. – Харьков: Око, 1994. – С. 113-152.
44. Лютер М. Предисловие к «Книжечке духовных песен»: Пер. с нем. // Фаусель Г. Мартин Лютер. Жизнь и дело. – Харьков: Майдан, 1996. – Т. 2. 1527-1546. – С. 72-73.

45. Лютер М. Проповедь о том, что нужно посылать детей в школу: Пер. с нем. // Мартин Лютер – реформатор, проповедник и педагог. – М.: Изд. РОУ, 1996. – С.118-154.
46. Мацек Й. К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. – 1958. – № 3. – С. 114-121.
47. Мединський Є.М. Історія педагогіки у зв'язку з економічним розвитком суспільства: У 2 т. – Харків: Держвидав України, 1928. – Т. 1. Від первісної родової громади до доби промислового капіталізму. – 233 с.
48. Меланхтон Ф. Наставление визитаторов, предназначенное для пасторов в землях герцога Генриха Саксонского: Пер. с нем. Ю.А. Голубкина.// Европейская педагогика от античности до Нового времени: Исследования и материалы.– М.: Изд. ИТП и МИО РАО, 1994. – Ч. 3. – С. 58-64.
49. Немилов А.Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения (типология и периодизация) // Типология и периодизация культуры Возрождения. – М.: Наука, 1978. – С. 39-51.
50. Осинский И.Н. Томас Мор. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
51. Очерки по истории педагогики / Под ред. Н.А. Константинова. – М.: Изд. АПН СССР, 1952. – 756 с.
52. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории: В 5 т. – Харьков: Изд. Полуэктова, 1888. – Т. 3. История новых веков (Реформационная эпоха). – XI, 218 с.
53. Петров М.Т. О критериях сопоставления Возрождения и Реформации // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – Л.: Наука, 1981. – С. 40-49.
54. Подаляк Н.Г. Ганза: мир торговли и политики в XII-XVII столетиях. – К.: Наукова думка, 1998. – 202 с.
55. Подаляк Н.Г. Приватносеньйоріальні міста Мекленбурга і торгівельно-політична система Ганзи у XII-XV ст.: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.02./ Нац. Акад. наук України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. – К., 1999. – 36 с.

56. Подаляк Н.Г. Реформація в Мекленбурзі: міста, князі, Ганза // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Львів, 1998. – Вип. 5. – С. 489-494.
57. Подаляк Н.Г. Ростокская «соборная распря» 1487-1491 гг.: (К вопросу о социально-политической борьбе в ганзейских городах конца XV в.) // СВ. – 1989. – Вып. 52. – С. 64-78.
58. Подаляк Н.Г. Социально-политическая борьба в городах вендской Ганзы в XV в. // СВ. – 1992. – Вып. 55. – С. 149-167.
59. Ранке Л. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях: Пер. с нем.: В 2 т. – СПб.: Тип. Мюллера, 1869. – Т. 1. – X, 545 с.
60. Рутенбург В.И. Возрождение и Реформация в советской литературе // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – Л.: Наука, 1981. – С. 4-7.
61. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. – Л.: Наука, 1977. – 154 с.
62. Савина С.Л. Политика Реформации в области образования // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени (Исследования и материалы). – М.: Изд. АПН СССР, 1990. – С. 113-121.
63. Смирин М.М. Лютер и общественное движение в Германии в эпоху Реформации (К 450-летию немецкой реформации) // Вопросы научного атеизма. – М., 1968. – Вып. 5. – С. 109-136.
64. Смирин М.М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. – 2-е изд. – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 568 с.
65. Смирин М.М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации // ВИ. – 1957. – № 6. – С. 84-101.
66. Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 288 с.
67. Стам С.М. Гуманизм и церковно-реформационная идеология // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – Л.: Наука, 1981. – С. 29-39.

68. Стам С.М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? // ВИ. – 1958. – № 4. – С. 100-113.
69. Таценко Т.Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. – Л.: Наука, 1986. – С. 127-151.
70. Уваров П. Ю. Школа и образование на Западе в средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах – М.: Высшая школа, 1996. – С. 371-391.
71. Фаусель Г. Мартин Лютер. Жизнь и дело: Пер. с нем.: В 2 т. – Харьков: Майдан, 1996. – Т. 2. 1527-1546. – 400 с.
72. Чайковская О.Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // ВИ. – 1956. – № 12. – С. 129-142.
73. Шабаетова М.Ф. О повышении идейно-политического уровня преподавания истории педагогики в высших педагогических учебных заведениях СССР // Советская педагогика. – 1949. – № 10. – С. 3-13.
74. Щеголев П.П. Очерки истории Западной Европы XVI – XVII вв. – Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1938. – 489 с.
75. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 7. – С. 343-437.
76. Эпштейн А.Д. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой раннебуржуазной революции // ВИ. – 1957. – № 8. – С. 118-141.
77. Achilles H. Die Beziehungen der Stadt Braunschweig zum Reich im ausgehenden Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. – Leipzig: Quelle und Meyer, 1913. – 65 S.
78. Andermann U. Bildung, Wissenschaft und Gelehrte in der Stadt um 1500. Ansätze zu einem Vergleich Nord- und Südwestdeutschlands // Stadt und Bildung. – Sigmaringen: Thorbecke, 1997. – S. 8-48.
79. Annulation des Verbots, neue Schulen zu errichten. 1418 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 15-17.

80. Artikel, de visitation beider gerichte Asseborch und Eike belangen // EKO. – Tübingen: Mohr, 1955. – Bd. 6. Halbband 1. – S. 478-479.
81. Asheim I. Glaube und Erziehung bei Luther: ein Beitrag zur Geschichte des Verhältnisses von Theologie und Pädagogik. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1961. – 331 S.
82. Bahlov F. Wer ist Nicolaus Decius? // ARG. – 1906. – 4. Jg. – S. 351-369.
83. Beck H. Bugenhagens Person in seiner Kirchenordnung für die Stadt Braunschweig. – Braunschweig: Waisenhaus, 1928. – 68 S.
84. Bergsma J. Die Reform der Messliturgie durch Johannes Bugenhagen. 1485-1558. – Kevelaer-Hildesheim: Butzon und Bercker-Bernward, 1966. – 235 S.
85. Bestätigung des geistlichen Schulmonopols durch das Konzil von Konstanz // Hergemöller B.-U. “Pfaffenkriege” im spätmittelalterlichen Hanseraum: Quellen und Studien zu Braunschweig, Osnabrück, Lüneburg und Rostock.– Köln-Wien: Böhlau, 1988. – Tl. 2. – S. 24-25.
86. Beste J. Album der evangelischen Geistlichen der Stadt Braunschweig. – Braunschweig-Leipzig: Wollermann, 1900. – 138 S.
87. Bestimmungen über die Pflichten und Rechte des Scholasticus zu St. Blasien. 1251 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 3-5.
88. Bieber A. Johannes Bugenhagen zwischen Reform und Reformation. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. – 330 S.
89. Blickle P. Communal Reformation. The Quest for Salvation in Sixteenth-Century Germany. – Boston: Humanities Press, 1992. – 219 p.
90. Blickle P. Die Reformation im Reich. – Stuttgart: Ulmer, 2000. – 264 S.
91. Bode H. Johannes Bugenhagen: Die Schulkonzeption eines Reformators // Johannes-Bughenhagens-Festschrift des Katharineums zu Lübeck. – Lübeck: Kaiser und Mietzner, 1985. – S. 16-27.
92. Bote H. Das Schichtbuch // Die Chroniken der deutschen Städte von 14. bis 16. Jahrhundert. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1962. – Bd. 16. Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Braunschweig. Bd. 2. – S. 269-493.

93. Bräuer S. Der Beginn der Reformation in Braunschweig. Historiographische Tradition und Quellenbefund // BJ. – 1994. – Bd. 75. – S. 85-116.
94. Bräuer S. Hermann Botes Werk aus kirchengeschichtlicher Sicht // Hermann Bote. Städtisch-hansischer Autor in Braunschweig. 1488-1988. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – S. 68-95.
95. Brecht M. Luthertum als politische und soziale Kraft in den Städten // Kirche und gesellschaftlicher Wandel in deutschen und niederländischen Städten der werdenden Zeit. – Köln-Wien: Böhlau, 1980. – S. 1-21.
96. Brecht M. Martin Luther: Ordnung und Abgrenzung der Reformation 1521-1532. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1989. – 517 S.
97. Brecht M. Was war Zwinglianismus? // Die Zürcher Reformation: Ausstrahlungen und Rückwirkungen. – Bern: Lang, 2001. – S. 281-300.
98. Brendler G. Martin Luther. Theologie und Revolution. – Berlin: Verlag der Wissenschaft, 1983. – 452 S.
99. Brunner O. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1968. – 325 S.
100. Bubenheimer U. Thomas Müntzer und der Anfang der Reformation in Braunschweig // Nederlands Archief voor Kerkgeschiedenis. – 1985. – Bd. 65. – S. 1-30.
101. Bündnis der Kanoniker von St. Blasien // Hergemöller B.-U. "Pfaffenkriege" im spätmittelalterlichen Hanseraum: Quellen und Studien zu Braunschweig, Osnabrück, Lüneburg und Rostock. – Köln-Wien: Böhlau, 1988. – Tl. 2. – S. 3-4.
102. Bugenhagen J. Abschiedsbrief Bugenhagens an seine Schüler in Treptow an der Rega // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 15-48.
103. Bugenhagen J. Auslegung der Psalmen // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 49-58.

104. Bugenhagen J. Predigten // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 59-67.
105. Bugenhagen J. Ein Ratschlag... Johannis Bugenhagii: Von der Frage: Ob ein Fürst seine Vnderthanen wider dess Keysers oder anderer Fürsten Verfolgungen umb dess Glaubens willen mit Krieg schützen möge? // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 104-106.
106. Bugenhagen J. Ein Ratschlag, wie man das Sakrament genießen oder empfangen soll // Die reformatorische Verkündigung und Lebensordnung. – Bremen: Schünemann, 1963. – S. 111-114.
107. Bugenhagen J. Ein Sendbrief wider den newen yrhtumb bey dem Sacrament des leybs und bluts unsers Herren Jesu Christi // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 70-85.
108. Bugenhagen J. Von dem christliche Glauben und rechten gute Werken wider den falschen Glauben und erdichtete gute Werke // Vogt K.A.T. Johannes Bugenhagen Pomeranus. – Elberfeld: Friderichs, 1867. – S. 101-267.
109. Bugenhagen J. Von den Evangelischen Messe // Die reformatorische Verkündigung und Lebensordnung. – Bremen: Schünemann, 1963. – S. 106-111.
110. Bugenhagen J. Von der Beicht und Christlicher Absolution // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 87-89.
111. Johannes Bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung 1528. – Bonn: Marcus und Meyer, 1912. – 152 S.
112. Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel. – Hildesheim: Olms, 1966. – XXI, 727 S.
113. Bugenhagens Kirchenordnung für die Stadt Braunschweig. – Wolfenbüttel: Zwisslers, 1885. – LXXI, 96 S.

114. Cawthrop R., Strauss G. Protestantism and Literacy in Early Modern Germany // Past and Present. – 1984. – № 104. – P. 31-55.
115. Chadwick O. The Reformation. – London: Penguin Books, 1990. – 463 p.
116. Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe: In 6 Bd. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1962. – Bd. 2. – 716 S.
117. Döll E. Die Kollegiatstifte St. Blasius und St. Cyriacus zu Braunschweig. – Braunschweig: Waisenhaus, 1967. – 394 S.
118. Dokumente zur Reformation – Bugenhagen 1528 in Braunschweig. – Braunschweig: Evangelisch-Lutherisches Stadtkirchenamt, 1978. – 116 S.
119. Dorn R. Mittelalterliche Kirchen in Braunschweig. – Hameln: Niemeyer, 1978. – 256 S.
120. Dotzauer W. Deutsches Studium und deutsche Studenten an europäischen Hochschulen (Frankreich, Italien) und die nachfolgende Tätigkeit in Stadt, Kirche und Territorium in Deutschland // Stadt und Universität im Mittelalter und in der früheren Neuzeit. – Sigmaringen: Thorbecke, 1977. – S. 112-141.
121. Dürre H. Geschichte der Stadt Braunschweig im Mittelalter. – Braunschweig: Grüneberg, 1861. – XII, 782 S.
122. Ehlers J. Hermen Bote und die städtische Verfassungskrise seiner Zeit // Hermen Bote. Braunschweiger Autor zwischen Mittelalter und Neuzeit. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. – S. 119-131.
123. Der erbarn stadt Brunswig christlike ordeninge to denste dem hilgen evangelio, christliker leve, tucht, frede und eynicheit. Ock darunder vele christlike lere vor de borgere // EKO. – Tübingen: Mohr, 1955. – Bd. 6. Halbband 1. – S. 348-455.
124. Erikson E. Young Man Luther. A Study in Psychoanalysis and History. – N.Y.: de Gruyter, 1958. – 247 p.
125. Etliche Handlungen in Luthers Sache zu Worms // Flugschriften der frühen Reformationsbewegung (1518-1524). – Berlin: Akademie-Verlag, 1983. – Bd. 2. – S. 1300-1310.

126. Fabian E. Die Entstehung des Schmalkaldischen Bundes und seiner Verfassung 1529-1531/33. – Tübingen: Mohr, 1956. – 428 S.
127. Fraas H.-J. Katechismustradition: Luthers kleiner Katechismus in Kirche und Schule. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1971. – 370 S.
128. Geisenhof G. Bibliotheca Bugenhagiana. Bibliographie der Druckschriften des D. Johannes Bugenhagen. – Leipzig: Heinsius, 1908. – X, 469 S.
129. Geschichte der Mädchen- und Frauenbildung: In 2 Bd. – Frankfurt am Main-N. Y.: Lang, 1996. – Bd. 1. Vom Mittelalter bis zur Aufklärung. – 588 S.
130. Geschichte Niedersachsens: In 3 Bd. – Hildesheim: Lax, 1983. – Bd. 3, T. 2. Kirche und Kultur von der Reformation bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. – 895 S.
131. Goebel K. Luther als Reformator der Schule. Seine Schrift “An die Ratsherren...” und Äußerungen des Reformators zu Schule und Erziehung // Luther in der Schule. Beiträge zur Erziehungs- und Schulgeschichte, Pädagogik und Theologie. – Bochum: Brockmeyer, 1985. – S. 7-25.
132. Goeters J.F.G. Die evangelischen Kirchenordnungen Westfalens im Reformationsjahrhundert // Westfälische Zeitschrift. – 1963. – Bd. 113. – S. 111-168.
133. Gutachten der Kastenherren über das Schulwesen der Stadt // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 87-90.
134. Haase K. Die Lateinschule in Niedersachsen von der Reformation bis zur napoleonischen Zeit // NJLG. – 1979. – Bd. 51. – S. 137-194.
135. Hänselmann L. Historische Einleitung // Bugenhagens Kirchenordnung für die Stadt Braunschweig. – Wolfenbüttel: Zwisslers, 1885. – S. IX-LXXI.
136. Hahn F. Die evangelische Unterweisung in den Schulen des 16. Jahrhunderts. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1957. – 136 S.
137. Hamm B. Bürgertum und Glaube. Konturen der städtischen Reformation. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1996. – 256 S.
138. Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte: In 4 Bd. – München: Beck, 1996. – Bd. 1. – 465 S.
139. Harms K. D. Johann Bugenhagen. – Bielefeld: Bechtauf, 1958. – 124 S.

140. Hassebrauk G. Heinrich der Jüngere und die Stadt Braunschweig 1514-1568 // JGHB. – 1906. – 5. Jg. – S. 1-61.
141. Hauschild W.-D. Biblische Theologie und kirchliche Praxis. Die Kirchenordnungen 1528-1543 in Johannes Bugenhagens Gesamtwerk // Kirchenreform als Gottesdienst. – Hannover: Lutherisches Verlagshaus, 1985. – S. 44-88.
142. Hauschild W.-D. Johannes Bugenhagens reformatorische Bedeutung für Kirche und Gesellschaft // Johannes-Bugenhagens-Festschrift des Katharineums zu Lübeck. – Lübeck: Kaiser und Mietzner, 1985. – S. 6-15.
143. Havemann W. Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg: In 3 Bd. – Göttingen: Dieterich, 1855. – Bd. 2. – 751 S.
144. Heepe J. Die Organisation der Altarpfründen an den Pfarrkirchen der Stadt Braunschweig im Mittelalter // JGHB. – 1913. – 12. Jg. – S. 1-68.
145. Hergemöller B.-U. Der Braunschweiger “Papenkrich” 1413-1420 // Brunswiek 1031 – Braunschweig 1981. Die Stadt Heinrichs des Löwen von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Braunschweig: Städtisches Museum, 1982. – S. 51-60.
146. Hergemöller B.-U. Krisenerscheinungen kirchlicher Machtpositionen in hansischen Städte des 15. Jahrhunderts (Braunschweig, Lüneburg, Rostock, Osnabrück) // Städtische Führungsgruppen und Gemeinde in der werdenden Neuzeit. – Köln-Wien: Böhlau, 1980. – S. 312-348.
147. Hergemöller B.-U. “Pfaffenkriege” im spätmittelalterlichen Hanseraum: Quellen und Studien zu Braunschweig, Osnabrück, Lüneburg und Rostock: In 2 Tl. – Köln-Wien: Böhlau, 1988. – Tl. 1. – LIX, 472 S.
148. Hergemöller B.-U. Verfassungsrechtliche Beziehungen zwischen Klerus und Stadt im spätmittelalterlichen Braunschweig // Rat und Verfassung im mittelalterlichen Braunschweig. – Braunschweig: Waisenhaus, 1986. – S. 135-186.
149. Hering H. Doctor Pomeranus, Johannes Bugenhagen. Ein Lebensbild aus der Zeit der Reformation. – Halle: Verein für Reformationsgeschichte, 1888. – 175 S.

150. Hesse O. Ein Beitrag zur Vorgeschichte von Bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung von 1528 // JGNKG. – 1966. – Bd. 64. – S. 64-69.
151. Hettwer H. Herkunft und Zusammenhang der Schulordnungen vom 16. bis 18. Jahrhundert. – Mainz: Hase und Koehler, 1965. – 292 S.
152. Heyden H. Bugenhagen als Reformator und Visitor // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1958. – S. 7-23.
153. Hofmann F. Philipp Melanchthon und die zentralen Bildungsprobleme des Reformationsjahrhunderts // Philipp Melanchthon. 1497-1560. – Berlin: Akademie-Verlag, 1963. – Bd. 1. Philipp Melanchthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. – S. 83-109.
154. Holfelder H.H. Bugenhagen // TRE. – Berlin; N. Y.: de Gruyter, 1993. – Bd. 7. – S. 353-363.
155. Holfelder H.H. Solus Christus: die Ausbildungen von Bugenhagens Rechtfertigungslehre in der Paulusauslegung (1524/25) und ihre Bedeutung für die theologische Argumentation im Sendbrief “Von dem christlichen Glauben“ (1526). – Tübingen: Mohr, 1981. – 127 S.
156. Holl K. Was verstand Luther unter Religion? // Holl K. Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. – Tübingen: Mohr, 1921. – Bd. 1. Luther. – S. 1-90.
157. Instruktion und befelch darauf die visitatores abgefertiget sein // EKO. – Leipzig: Reisland, 1902. – Bd. 1. – S. 142-148.
158. Jacobs E. Heinrich Winckel und die Reformation im südlichen Niedersachsen. – Halle: Verein für Reformationsgeschichte, 1896. – 54 S.
159. Jenny M. Luthers Gesangbuch // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1983. – Bd. 1. – S. 303-321.
160. Jünke W.A. Bugenhagens Einwirken auf die Festigung der Reformation in Braunschweig // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig: Braunschweigischer Stadtkirchenverband, 1978. – S. 71-82.
161. Jünke W.A. Luther und die Stadt Braunschweig 1517-1546 // BH. – 1983. – Bd. 69. – S. 66-78.

162. Jünke W.A. Des Prädikanten Johann Kopmann Bekenntnis. Ein bisher unbekanntes Dokument der stadtbraunschweigischen Reformationsgeschichte // JGNKG. – 1977. – Bd. 75. – S. 31-42.
163. Jünke W.A. Vor 450 Jahren: Bugenhagen in St. Ulrici // Braunschweiger Kalender. 1978. – Braunschweig: Oeding, 1977. – S. 32-36.
164. Jürgens K. Phasen der Reformation in der Braunschweigischen Landeskirche // Die Reformationsjahr 1542 im Lande Braunschweig. – Braunschweig: Oeding, 1993. – S. 18-25.
165. Jürgens K. Die Reformation in der Stadt Braunschweig von den Anfängen bis zur Annahme der Kirchenordnung // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig: Braunschweigischer Stadtkirchenverband, 1978. – S. 25-70.
166. Junghans H. Martin Luther und Wittenberg. – München; Berlin: Koehler und Amelang, 1996. – 222 S.
167. Kähler E. Bugenhagen und Luther // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1958. – S. 108-122.
168. Kaemmel H. Geschichte des deutschen Schulwesens im Übergange vom Mittelalter zur Neuzeit. – Leipzig: Duncker und Humblot, 1882. – XI, 444 S.
169. Kalberlah G. Der soziale Gedanke in Bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung // JGNKG. – 1953. – Bd. 51. – S. 113-117.
170. Der keiserlikenn Stadt Lübeck christlike ordeninge... Dorch Jo. Bugen. Pomer. beschreven. 1531 // EKO. – Leipzig: Reisland, 1913. – Bd. 5. – S. 334-385.
171. Kintzinger M. Das Bildungswesen in der Stadt Braunschweig im hohen und späten Mittelalter. – Köln: Böhlau, 1990. – IX, 608 S.
172. Kintzinger M. Consules contra consuetudinem. Kirchliches Schulwesen und bildungsgeschichtliche Tendenzen als Grundlagen städtischer Schulpolitik im spätmittelalterlichen Braunschweig // Rat und Verfassung im mittelalterlichen Braunschweig. – Braunschweig: Waisenhaus, 1986. – S. 187-233.

173. Kintzinger M. *Varietas puerorum. Unterricht und Gesang in Stifts- und Stadtschulen des späten Mittelalters // Schule und Schüler im Mittelalter.* – Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 1996. – S. 299-326.
174. *Kirchenordnung der statt Hannofer // EKO.* – Tübingen: Mohr, 1957. – Bd. 6. Halbband 2. – S. 944-1017.
175. *Kirchenordnung für Hamburg von 1529 // EKO.* – Leipzig: Reisland, 1913. – Bd. 5. – S. 488-556.
176. *Kirchen-Ordnung für die Stadt Wittenberg // Quellen zur Reformation: 1517-1555.* – Darmstadt: Wiss. Buchges., 1994. – S. 405-417.
177. Kirchner H. *Reformationsgeschichte von 1532-1555/1566: Festigung der Reformation; Calvin; katholische Reform und Konzil von Trient.* – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1987. – 177 S.
178. Kirschner C. *Hermen Bote. Städtische Literatur um 1500 zwischen Tradition und Innovation.* – Essen: Item-Verlag, 1996. – 258 S.
179. Klemenz D. *Das Religionsunterricht in Hamburg von der Kirchenordnung von 1529 bis zum staatlichen Unterrichtsgesetz von 1870.* – Hamburg: Christians, 1971. – 206 S.
180. Koch E. *Das Schicksal von Bugenhagens Visitationswerk in Braunschweig-Wolfenbüttel im Lichte eines unveröffentlichten Briefes an Bugenhagen // Johannes Bugenhagen: Gestalt und Wirkung.* – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1984. – S. 168-182.
181. Kocka J. *Sozialgeschichte. Begriff – Entwicklungen – Problemen.* – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. – 173 S.
182. Koldewey F. *Heinz von Wolfenbüttel. Ein Zeitbild aus dem Jahrhundert der Reformation.* – Halle: Verein für Reformationsgeschichte, 1883. – VI, 80 S.
183. Koldewey F. *Das Schulwesen. Überblick über die geschichtliche Entwicklung des Schulwesens der Stadt Braunschweig // Braunschweig im Jahre 1897. Festschrift zur 69. Versammlung Deutscher Naturforscher und Ärzte.* – Braunschweig: Grüneberg, 1897. – S. 450-458.

184. Koldewey F. Überblick über Entwicklung des Schulwesens in der Stadt Braunschweig // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. XV-CLXII.
185. Koller H. Stadt und Universität im Spätmittelalter // Stadt und Universität im Mittelalter und in der früheren Neuzeit. – Sigmaringen: Thorbecke, 1977. – S. 8-26 .
186. Kreiker S. Armut, Schule, Obrigkeit: Armenversorgung und Schulwesen in den evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. – Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte, 1997. – 277 S.
187. Krumwiede H.-W. Die Bedeutung und Verantwortung der Vertriebenen von der Charta 1950 über die “Ostdenkschrift” und die Synode “Vertreibung und Versöhnung” 1965/66 bis zur Gegenwart. – Bamberg: WVB, 1994. – 23 S.
188. Krumwiede H.-W. Braunschweig I // TRE. – Berlin; N. Y.: de Gruyter, 1993. – Bd. 7. – S. 141-147.
189. Krumwiede H.-W. Kirchengeschichte Niedersachsens: In 2 Bd. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. – Bd. 1. – 271 S.
190. Krumwiede H.-W. Vom reformatorischen Glauben Luthers zur Orthodoxie // JGNKG. – 1955. – Bd. 53. – S. 33-48.
191. Krumwiede H.-W. Zur Entstehung des landesherrlichen Kirchenregiments in Kursachsen und Braunschweig-Wolfenbüttel. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1967. – 265 S.
192. Kruse E. Bugenhagens plattdeutsche Bibel // Luther. – 1958. – Bd. 29. – S. 73-80.
193. Kruse G. To allen Chrislichen gelöuigen fromen Menschen besondern der Statt Brunswygk // Hänselmann L. D. Gottschalk Krusens Klosterbruders zu St. Aegidien in Braunschweig Unterrichtung, warum er aus dem Kloster gewichen. – Wolfenbüttel: Zwisslers, 1887. – S. 1-8.
194. Lange B.D. Gottschalk Kruse in seiner Bedeutung für die Reformation in der Stadt Braunschweig und im Fürstentum Lüneburg // JGNKG. – 1958. – Bd. 56. – S. 97-149.

195. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutsche frühbürgerliche Revolution. – 2. Aufl. – Berlin: Dietz, 1982. – 414 S.
196. Leder H.-G. Johannes Bugenhagen Pomeranus – Leben und Wirken (1485-1558) // Johannes Bugenhagen: Gestalt und Wirkung. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1984. – S. 8-37.
197. Leder H.-G. Leben und Werk des Reformators Johannes Bugenhagen // Kirchenreform als Gottesdienst. – Hannover: Lutherisches Verlagshaus, 1985. – S. 12-42.
198. Leder H.-G. Luthers Beziehungen zu seinen Wittenberger Freunden // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1983. – Bd. 1. – S. 419-440.
199. Lietzmann H. Nachwort // Johannes Bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung 1528. – Bonn: Marcus und Meyer, 1912. – S. 151-152.
200. Locher G.W. Die Zwinglische Reformation im Rahmen der europäischen Kirchengeschichte. – Göttingen-Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. – 586 S.
201. Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung // EA. – Bd. 21. – S. 274-360.
202. Luther M. De captivitate babylonica ecclesiae praeludium // WA. – Bd. 6. – S. 497-573.
203. Luther M. Von weltlicher Oberkeit, wie weit man ihr gehorsam schuldig sei // WA. – Bd. 11. – S. 229-281.
204. Luther M. Vorrede zu: Ordnung eines gemeinen Kastens. Ratschlag, wie die geistlichen Güter zu handeln sind // WA. – Bd. 12. – S. 11-15.
205. Mack H. Johannes Bugenhagen und die Reformation in der Stadt Braunschweig // Braunschweiger Blätter zum kirchlichen Aufbau. – 1928. – № 2. – S. 69-74.
206. Mack H. Überblick über die Geschichte Braunschweig // Deutschlands Städtebau. Braunschweig. – Berlin-Halensee: Darin, 1921. – S. 5-14.

207. Mau R. Evangelische Bewegung und frühe Reformation 1521 bis 1532. – Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2000. – 255 S.
208. Melanchthon P. Unterricht der Visitatoren an die Pfarrherrn im Kurfürstentum zu Sachsen // WA. – Bd. 26. – S. 195-240.
209. Mertz G. Das Schulwesen der deutschen Reformation im 16. Jahrhundert. – Heidelberg: Winter, 1902. – VII, 681 S.
210. Methodisches Handbuch für Heimatforschung in Niedersachsen. – Hildesheim: Lax, 1965. – 562 S.
211. Moderhack R. Braunschweig – das Bild der Stadt in 900 Jahren: In 2 Bd. – Braunschweig: Städtisches Museum, 1985. – Bd. 1. Braunschweigs Stadtgeschichte. – 234 S.
212. Moeller B. Deutschland im Zeitalter der Reformation. – 4. Aufl. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. – 224 S.
213. Moeller B. Luthers Stellung zur Reformation in deutschen Territorien und Städten // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1983. – Bd. 1. – S. 573-590.
214. Moeller B. Die Reformation // Göttingen. Geschichte einer Universitätsstädt. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. – Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Ende des Dreißigjährigen Krieges. – S. 492-514.
215. Moeller B. Reichstadt und Reformation. – Gütersloh: Gütersloher Verlag-Haus, 1962. – 248 S.
216. Mörke O. Rat und Bürger in der Reformation. Soziale Gruppen und kirchlicher Wandel in den welfischen Hansestädten Lüneburg, Braunschweig und Göttingen. – Hildesheim: Lax, 1983. – X, 403 S.
217. Mohrmann W.-D. Braunschweig. Die Stadt, der Fürst und das Reich im 16. Jahrhundert // Brunswiek 1031 – Braunschweig 1981. Die Stadt Heinrichs des Löwen von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Braunschweig: Städtisches Museum, 1982. – S. 60-71.

218. Müller G. Das Jahr 1542 und Herzog Heinrich der Jüngere // Die Reformationsjahr 1542 im Lande Braunschweig. – Braunschweig: Oeding, 1993. – S. 5-17.
219. Müller G. Johannes Bugenhagen: sein Ansatz – seine Wirkungsgeschichte – Lehren für die Zukunft // ZSSRG. – 1986. – Bd. 103. – S. 277-303.
220. Müller G. Luthers Beziehungen zu Reich und Rom // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1983. – Bd. 1. – S. 369-401.
221. Neue Ordnung Stadt Wittenberg. 1522 // Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt. – Leipzig: Heinsius, 1905. – Bd. 1. Exkurse. – S. 559-560.
222. Neue und vollständigere Sammlung der Reichs-Abschiede, Welche von der Zeiten Kayser Konrad des II. Bis jetzo auf den Teutschen Reichs-Tagen abgefasset worden: In 5 Bd. – Frankfurt am Main: Lang, 1967. – Bd. 1. – 557 S.
223. Neuß E. Melanchthons Einfluß auf das Gymnasialschulwesen der mitteldeutschen Städte im Reformationszeitalter // Philipp Melanchthon. 1497-1560. – Berlin: Akademie-Verlag, 1963. – Bd. 1. Philipp Melanchthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. – S. 110-137.
224. Nobbe H. Das Superintendentenamt, seine Stellung und Aufgabe nach den evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts // ZKG. – 1907. – Bd. 14. – S. 404-429, 556-572.
225. Die Nürnberger Armenordnung // Sachße C., Tennstedt F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. – Stuttgart-Berlin-Köln: Kohlhammer, 1998. – Bd. 1. Vom Spätmittelalter bis zum ersten Weltkrieg. – S. 67-76.
226. Oestreich G. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. – Berlin: Duncker und Humblot, 1969. – S. 179-197.
227. Ordinarius der Stadt Braunschweig. 1408 // Braunschweig. Die Verfassung und Verwaltung der mittelalterlichen Stadt. – Hildesheim: Lax, 1949. – S. 8-30.

228. Ordnung des gemeinen Beutels zu Wittenberg (Anfang 1522) // Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt. – Leipzig: Heinsius, 1905. – Bd. 1. Exkurse. – S. 560-561.
229. Ordnung eines gemeinen Kastens // WA. – Bd. 12. – S. 16-30.
230. Ordnung des Rats // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig: Braunschweigischer Stadtkirchenverband, 1978. – S. 46-47.
231. Ordnung des Schmalkaldischen Bundes für eine in Braunschweig zu errichtende höhere Lehranstalt // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 60-64.
232. Pallas K. Urkunden des Allerheiligenstifts zu Wittenberg betreffend, 1522 bis 1526 // ARG. – 1915. – 12. Jg. – S. 26-37.
233. Patze H. Bürgertum und Frömmigkeit im mittelalterlichen Braunschweig // BJ. – 1977. – Bd. 58. – S. 9-30.
234. Hans Pelt an Thomas Müntzer // BJ. – 1984. – Bd. 65. – S. 71-76.
235. Piekarek R. Die Braunschweiger Ablassbriefe. Eine quellenkundliche Untersuchung über die Finanzierung der mittelalterlichen Kirchenbauten im Hinblick auf die damalige Bußpraxis // BJ. – 1973. – Bd. 54. – S. 74-137.
236. Postel R. Zur Sozialgeschichte Niedersachsens im Zeitalter des Bauernkrieges // Der Deutsche Bauernkrieg 1524-1526. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1975. – S. 79-104.
237. Pre-reformation Germany. – London: Macmillan, 1972. – 452 p.
238. Privilegium des Papstes Johann XXIII. 1415 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 13-15.
239. Privilegium des Papstes Martin V. 1419 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 18-19.
240. Puhle M. Die Politik der Stadt Braunschweig innerhalb der Sächsischen Städtebundes und der Hanse im späten Mittelalter. – Braunschweig: Waisenhaus, 1985. – 272 S.
241. Rahn K. Religiöse Bruderschaften in der spätmittelalterlichen Stadt Braunschweig. – Hannover; Braunschweig: Waisenhaus, 1994. – 311 S.

242. Ranke L. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation: In 6 Bd. – Berlin: Duncker und Humblot, 1840. – Bd. 3. – X, 603 S.
243. Das Reformprogramm der Högner // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig: Braunschweigischer Stadtkirchenverband, 1978. – S. 50-52.
244. Rehtmeyer P.J. Antiquitates bzw. Historiae ecclesiasticae inclutae urbis Brunsvigae, oder der berühmten Stadt Braunschweig Kirchen-Historie: In 5 Bd. – Braunschweig: Grüneberg, 1712. – Bd. 3. – 418 S.
245. Reimann H.L. Unruhe und Aufruhr im mittelalterlichen Braunschweig. – Braunschweig: Waisenhaus, 1962. – 146 S.
246. Reinhard W. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Zeitschrift für historische Forschung. – 1983. – № 10. – S. 265-278.
247. Reininghaus W. Elternstand, Obrigkeit und Schule bei Luther. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1969. – 52 S.
248. Der Rektor des Martinsgymnasiums zu Braunschweig an Thomas Müntzer // BJ. – 1984. – Bd. 65. – S. 70-71.
249. Reller H. Vorreformatorsche und reformatorische Kirchenverfassung im Fürstentum Braunschweig-Wolfenbüttel. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1959. – 237 S.
250. Rogge J. Der Lebensweg Johannes Bugenhagens // Johannes Bugenhagen. Quellen. Ausgewählte Texte aus der Geschichte der christlichen Kirche. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. – S. 5-14.
251. Rosin R. The Reformation, Humanism, and Education: The Wittenberg Model for Reform // Concordia Journal. – 1990. – Vol. 16. – № 4. – P. 302-318.
252. Schmidt R. Der Croy-Teppich der Universität Greifswald, ein Denkmal der Reformation in Pommern // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1958. – S. 89-107.
253. Scholz A. Bugenhagens Kirchenordnungen in ihrem Verhältnis zueinander // ARG. – 1913. – 10. Jg. – S. 1-50.

254. Schorn-Schütte L. Evangelische Geistlichkeit in der Frühneuzeit: deren Anteil an der Entfaltung frühmoderner Staatlichkeit und Gesellschaft. – Gütersloh: Gütersloher Verlag-Haus, 1996. – 635 S.
255. Schorn-Schütte L. “Papocaesarismus” der Theologen? Vom Amt des evangelischen Pfarrers in der frühneuzeitlichen Stadtgesellschaft bei Bugenhagen // ARG. – 1988. – 79. Jg. – S. 230-261.
256. Schorn-Schütte L. Die Reformation: Vorgeschichte-Verlauf-Wirkung. – 3. Aufl. – München: Beck, 2003. – 128 S.
257. Schulordnung aus den Statuten des Cyriacussiftes. 1483 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 24.
258. Schulordnung aus den Statuten des Kapitels zu St. Blasien. 1308. 1442 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 5-7.
259. Schulordnung der Prälaten und des Rats. 1478 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 21-23.
260. Schulordnung des städtischen Lateinschulen. 1535 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 47-49.
261. Sehling E. Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. – Leipzig-Berlin: Teubner, 1914. – IV, 50 S.
262. Spieß W. Geschichte der Stadt Braunschweig im Nachmittelalter vom Ausgang des Mittelalters bis zum Ende der Stadtfreiheit (1491-1671): In 2 Bd. – Braunschweig: Waisenhaus, 1966. – Bd. 1. – 353 S.
263. Spieß W. Die Ratsherren der Hansestadt Braunschweig. 1231-1671. – Braunschweig: Waisenhaus, 1940. – 219 S.
264. Sprengler-Ruppenthal A. Bugenhagen und das kanonische Recht // ZSSRG. – 1989. – Bd. 106. – S. 375-400.
265. Sprengler-Ruppenthal A. Bugenhagen und das protestantische Kirchenrecht // ZSSRG. – 1971. – Bd. 88. – S. 196-233.
266. Sprengler-Ruppenthal A. Zur reformatorischen Kirchenrecht // ZSSRG. – 1980. – Bd. 97. – S. 393-420.

267. Sprengler-Ruppenthal A. Zur Verwendung von Bibelstellen in Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts // ZSSRG. – 1981.– Bd. 98. – S. 310-338.
268. Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648. – Berlin: Akademie-Verlag, 1965. – 428 S.
269. Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchthon – ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. – Halle-Wittenberg: Universität-Verlag, 1953. – 158 S.
270. Stipulationsvertrag des Rectors M. Peceltus und seiner Gesellen bei ihrer Anstellung am Martineum // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 63-65.
271. Strauss G. Luther's House of Learning. Indoctrination of the Young in the German Reformation. – Baltimore-London: Johns Hopkins Univetrsity Press., 1978. – XII, 390 p.
272. Stupperich R. Dr. Pomer. Zum 400. Todestag des Reformators Johannes Bugenhagen // Luther. – 1958. – Bd. 29. – S. 49-60.
273. Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500-1650: In 5 Bd. – Münster: Aschendorf, 1991. – Bd. 3. – 346 S.
274. Tokuzen J. Pädagogik bei Luther // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1983. – Bd. 1. – S. 323-330.
275. Tschackert P. Die Entstehung der lutherischen und das reformierten Kirchenlehre samt ihren innerprotestantischen Gegensätzen. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. – XII, 645 S.
276. Urkundenbuch der Stadt Braunschweig: In 4 Bd. – Braunschweig: Grüneberg, 1873. – Bd. 1. – 324 S.
277. Vergleich zwischen dem Kapitel zu St. Blasien und dem Rat wegen der städtischen Schulen. 1420 // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 19-21.
278. Verordnung der Prälaten über die gegenseitigen Rechte und Pflichten der Rektoren // MGP. – Berlin: Hoffmann, 1886. – Bd. 1. – S. 7-8.

279. Vogt K.A.T. Johannes Bugenhagen Pomeranus. – Elberfeld: Friderichs, 1867. – 442 S.
280. WA Br. – Bd. 6. – 542 S.
281. Wandersleb M. Luthertum und Bilderfrage im Fürstentum Braunschweig-Wolfenbüttel und in der Stadt Braunschweig im Reformationsjahrhundert // JGNKG. – 1969. – Bd. 67. – S. 24-90.
282. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. – Tübingen: Mohr, 1972. – 744 S.
283. Weinmann A. Braunschweig als landesherrliche Residenz im Mittelalter. – Braunschweig: Braunschweigischer Geschichtsverein, 1991. – 325 S.
284. Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522 // ARG. – 1909. – 6. Jg. – S. 161-226; 261-325; 385-469.
285. Wolf E. Johannes Bugenhagen // Gestalten der Reformation. – Wuppertal-Barmen: Jugenddienst-Verlag, 1967. – S. 57-66.
286. Wriedt K. Bürgertum und Studium in Norddeutschland während des Spätmittelalters // Schulen und Studium im sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters. – Sigmaringen: Thorbecke, 1986. – S. 487-525.
- 287.** Wriedt K. Schule und Universitätsbesuch in norddeutschen Städten des Spätmittelalters // Bildungs- und schulgeschichtliche Studien zu Spätmittelalter, Reformation und konfessionellem Zeitalter. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. – S. 75-90.
- 288.** Zimmermann G. Johannes Bugenhagen, der Reformator Braunschweigs // BH. – 1978. – Bd. 64. – S. 33-40.
- 289.** Zschäbitz G. Martin Luther. Grösse und Grenze. – Berlin: Rutten und Loening, 1967. – Tl. 1 (1483 bis 1526). – 236 S.
- 290.** Zur Mühlen K.-H. Reformation und Gegenreformation: In 2 Tl. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. – Tl. 2. – 143 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ – Вопросы истории

СВ – Средние века

ARG – Archiv für Reformationsgeschichte

BH – Braunschweigisches Heimat

BJ – Braunschweigisches Jahrbuch

EA – Dr. Martin Luthers sämtliche Werke. – Erlangen, 1826-1857. – Bd. 1-67.

EKO – Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. – Leipzig, 1902ff. – Bd. 1ff.

JGHB – Jahrbuch des Geschichtsvereins für das Herzogtum Braunschweig

JGNKG – Jahrbuch der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte

MGP – Monumenta Germaniae Paedagogica

NJLG – Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte

TRE – Theologische Realenzyklopädie

WA – D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. – Weimar, 1883-1983. – Bd. 1-60.

WA Br – D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Briefwechsel. – Weimar, 1930-1985. – Bd. 1-18.

ZKG – Zeitschrift für Kirchengeschichte

ZSSRG – Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte

